

ЧАСТЬ I
**ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ

Трагедія Адмирала Колчака

Изъ исторіи гражданской войны на Волгѣ,
Уралѣ и въ Сибири.

ЧАСТЬ I.

Восточный фронтъ гражданской войны.

БЪЛГРАДЪ
1930.

ОТ АВТОРА

«Дело не в законах, а в людях»...

А. В. Колчак

Свою книгу я назвал «Трагедией адмирала Колчака», хотя, в сущности, о личной трагедии «Верховного правителя» в Сибири буду говорить мало. А. В. Колчака я не знал и никогда не видел. Его облик рисуется мне только с чужих слов и из замечательного исторического документа, если не вышедшего из-под его пера, то непосредственно им созданного. Я имею в виду показания Колчака во время допроса следственной комиссией «революционного Правительства» в Иркутске в 1920 г. Достаточно прочесть этот литературный памятник, чтобы проникнуться величайшей симпатией к фигуре сибирского «диктатора», трагические черты которого отмечают и противники [напр., Б. Павлу в «Чехословацком Дневнике», № 269].

Да, в жизни этого человека была действительно драма. И заключалась она не только в том, что свои личные интересы он, как и многие в годы гражданской войны, принес в жертву общественному долгу. Наука влекла его к себе в юности. Отважный путешественник и исследователь-гидролог, мечтавший открыть Южный полюс и совершивший в 1903 г. смелое путешествие на Крайний Север в поисках экспедиции бар. Толля, — он был одним из тех, кто посвятил себя возрождению русского флота после японской войны. Пришла затем европейская война. С энтузиазмом Колчак погрузился в атмосферу военных действий, считая победу Германии величайшим злом для России.

В войну клином вошла революция. Тогда имя Колчака прогремело в России в связи с командованием Черноморским флотом. Месяцы тяжелой эпопеи гражданской войны, и «истинный патриот», по выражению проф. Пёрса в статье «Sl. Rev.» [28, VIII], оставленный всеми, гибнет в большевицком застенке.

Это драма. Но не ей посвящаются последующие страницы. Я буду говорить о трагедии всей России, о трагедии всего того движения, которое превратило в глазах

одних Колчака в национального героя, а для других связало его имя с неудачной «антрепризой».

Общественная трагедия здесь переплетается с трагедией личной. Человека, чувствовавшего, по собственным словам в интимном письме к другу, «отвращение» к политике, жизнь заставила быть политиком. Человека, видевшего в политической власти «крест», жизнь заставила быть «диктатором». Рыцаря подвига, безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившегося от интриг, бурно ненавидевшего произвол (характеристика бар. Будберга), политические противники сделали как бы символом политической интриги и политического насилия, искусственно и несправедливо концентрируя около личности российского «Верховного правителя» все то темное и мрачное, что выступало так часто вопреки воле вождей на фоне борьбы, светлой и героической, за восстановление России. Идеалист, судорожно искавший лучших путей, делался ответственным за грехи других. «Колчак, узнав о расстреле заключенных в тюрьму членов Учредительного Собрания, в смутные декабрьские дни в Омске, бился в «истерике»¹, — рассказывает с.-р. Колосов, — этот диктатор обладал вообще темпераментом истерической женщины». Но неужели Колосов, а за ним Зензинов, повторившие эти слова, не понимают, сколь неуместна в данном случае их ирония? Она лишь служит личным оправданием того, с образом которого пытаются связать темные страницы освободительной от большевицкого насилия борьбы. В нем, Колчаке, была «подлинная человечность», как заметил писатель Ауслендер, дававший в Сибири общую характеристику российского «диктатора».

Колчак был диктатором *sugeneris*, диктатором «конституционным», диктатором, звавшим всех, кто любит Россию, к ней на помощь². Допустим, что этот диктатор, засвидетельствовавший всей своей жизнью бесстрашие и решимость, человек, который переоценивал, как видно из взятого нами эпиграфа, роль личности в событиях,

¹ Колчак был тяжело болен. С ним сделался обморок.

² *Иванов Вс.* (омский журналист). В гражданской войне. Харбин, 1921, с. 3.

был человеком слабым, безвольным, легко поддававшимся чужому влиянию. Мог ли он, однако, встать вне условий, в которых должна была протекать его работа? Мог ли он преодолеть препоны, с которыми встречалась его «миссия» воссоздания России? Моя книга, приуроченная к десятилетию со дня гибели А. В. Колчака, пытается ответить на эти вопросы. Он в значительной степени имел право сказать в июне 1919 г. делегации от омского «Экономического Сопровождающего»: «Мы — рабы положения».

* * *

Я знаю, что найдутся читатели, которые заранее откажут мне в объективном суждении. Мое политическое сredo должно было заставить меня отнестись отрицательно если не к личности, то к деятельности диктатора. Того требует освященная годами демократическая традиция. Если я за ученым, бесстрашным исследователем полярных стран, одним из воссоздателей морской мощи России после поражения, проникновенным солдатом русской армии, одухотворенным какой-то почти метафизической, иррациональной, идеей «очищения» человечества через войну, почти мистически познающим гегелевскую (и отчасти соловьевскую) концепцию «счастья радости» и «единоспасительности» войны, — если я отрицаю за ним квалификацию «авантюриста», то этим уже нарушаю начала объективности, установленные скованной ложными догматами мысли. Отдавая должное, мне думается, я проявляю лишь здоровое чувство подлинной исторической объективности. Демократическим талмудистам я мог бы ответить словами Герцена: «Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов». Тактика части русской демократии, по моему мнению, погубила дело Колчака... и свое. Демократия в Сибири проиграла не оттого, что попала «между молотом интервенции и наковальней советской власти»...

Моя работа не будет апофеозом Колчака. Я не буду его рисовать национальным вождем, я не назову его «русским Вашингтоном», как сделал это, быть может, опрометчиво руководитель сибирской кооперации, старый

демократ, народник-революционер А. В. Сазонов¹. Может быть, на месте Колчака могли бы быть другие, лучшие, но их не было. В исторической обстановке того времени судьба, во всяком случае, выдвинула именно его. Он был чище и идейнее других [Будберг]. Пламенный темперамент, прямота и непосредственность, чарующая одних, создавала и врагов.

Колчак погиб, и даже показания его для потомства оказались прерванными на самом важном месте. Смерть его лежит на совести его политических противников — и не только их одних. Я говорю не о большевиках. Большевики для меня не политические противники. Под кровавыми ударами этих палачей погибли лучшие люди. Население осознало, по крайней мере, этот итог гражданской войны. Недаром несколько лет назад даже советская печать передавала сообщение о паломничестве, которое наблюдается в Иркутске на сокрытую могилу «Верховного правителя». Население уверено, что могила эта вблизи насыпи у тюремного рва точно опознана...

В руки большевиков Колчак попал не в честном бою. Он расстрелян был не как военнопленный. Он был в значительной степени предан — я не боюсь употребить это слово — теми, кто шел с ним так или иначе совместно в деле, которому служил Колчак. Пусть велики будут ошибки «Верховного правителя»! Допустим, что именно эти ошибки привели к крушению государственного режима, им возглавляемого. Но нельзя найти объективного оправдания для действий междусоюзнического командования в дни, когда Колчак был передан новой иркутской власти и без протеста заключен в тюрьму, над которой развевался демократический флаг. Закон общественной и политической морали, гражданская и военная честь были нарушены совершившимся фактом — фактом, пожалуй, небывалым в истории. Слишком мягки слова проф. Пёрса в указанной статье: «До конца Колчак оставался верным русскому народу и союзникам. Были ли они верны ему?»

¹ Я не знаю, впрочем, были ли эти слова в действительности произнесены.

* * *

Прав П. Б. Струве, написавший однажды в «Дневнике политика» [«Возрождение», № 252], что личность Колчака заслоняется его судьбой — его трагическим концом. Гибель Колчака — пусть даже не будет «субъективно виновных» в его конце — будет всегда ощущаться как жгучее обвинение в нелепом предательстве. Таким скорбным укором войдет она и в историческое сознание потомков...

Колчак был взят «в плен» (слова В. М. Зензинова). Этот «плен» носил слишком своеобразный характер. Так в плен не отдаются. Так в плен не берут. Без волнения не могу я читать рассказа о последних днях Колчака. И мне остается лишь удивляться узости тех представителей «революционной демократии», которые и после смерти сибирского «диктатора» пытаются все еще сосчитаться со своим политическим противником. Впрочем, пожалуй, и удивляться не приходится — для многих из них это только тактика самооправдания.

Как бы незначительна ни была личность «печального диктатора» [парижское «Pour la Russie»], чувство элементарной политической морали и справедливости не может набросить пелены забвения на позорную страницу иркутского судилища.

Колчака судил «революционный суд». Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей. И с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываешь страницы допроса адм. Колчака. Зачем его не судили только одни большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистов, и имена представителей партий соц.-рев. и соц.-дем.? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище в роли статистов, впрочем не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоет никакая «объективная история». Такие вещи действительно «не изглаживаются из исторической памяти».

* * *

Для того чтобы уяснить себе роль Колчака и ту обстановку, при которой протекала правительственная де-

тельность «Верховного правителя», совершенно неизбежно обратиться к периоду, предшествовавшему диктатуре. «Колчаковщина» находилась в полной зависимости от тех явлений, которые сложились задолго еще до появления на авансцене адм. Колчака. Это вовсе не значит, что Колчак слепо следовал по путям, построенным его предшественниками. Но ему приходилось действовать и проявлять инициативу в определенной атмосфере, созданной общественными переживаниями того времени. Последние все вытекали из революции, и не от воли отдельных людей подчас зависело их изменение.

Я отсылаю читателя к своей книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны». Там я старался показать общественную психологию после октябрьского переворота; изобразить позицию отдельных политических групп; начертать разброд в среде революционной демократии — ее неумение оценить в должной степени общенациональное бедствие и подчинить свои партийные интересы общенациональным целям. Лишь меньшинство в этой демократии пыталось добиться необходимого для противодействия большевикам единства. Оно разбивалось о догматическую косность переживаний других политических вождей. Все это, скорее, предвещало неудачу противобольшевицкого движения. Сибирь и при Колчаке и до Колчака испытала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией. «Корень зла в том, — сказал Колчак 13 ноября, в бытность военным министром Директории, д-ру Павлу в Омске, — что русские никак не могут утвердиться на национальном принципе, ставя интересы партийные выше интересов своего народа. В этом отношении виноваты одинаково оба крыла: и левое и правое. Всякая политическая борьба до тех пор, пока она не стоит на национальной почве и на программе освобождения России, — вредна» [«Чехословацкий Дневник», № 228].

Действительно, немногие сумели твердо стоять на этом «национальном принципе» в годы гражданской войны. Немногие среди социалистов могли бы подписаться под словами эсера Д. С. Розенблюма на листе автографов Уфим. Гос. Сопещения: «В настоящее время я прежде всего рус-

ский, а потом социалист». Или под словами соц.-дем. П. П. Маслова (известного экономиста): для того чтобы «совершить великое дело спасения России», нужно «забыть и пожертвовать не только своими личными интересами, но и интересами отдельных групп»... [«Красный Архив». XXXI, с. 202–203].

Я начну свой рассказ с момента, когда на горизонте России стала вырисовываться возможность восстановления Восточного фронта против Германии при содействии союзнических сил. Только вникнув в политику колебаний международной дипломатии, в раздражавшее русскую общественность балансирование между признанием и отрицанием большевизма, можно понять тот суровый (*fatauchement*) «национализм», за который упрекают Колчака иностранные наблюдатели тогдашней сибирской жизни. «Колчак не понимал, — говорит член французской военной миссии проф. Легра, — что иностранцы необходимы для победы над большевиками» [«M. Sl.» — «Le Monde Slave», 1928, II, p. 186].

В сознании русских, боровшихся с большевиками, противогерманский фронт одновременно был и противобольшевицким. И в Сибири на первых порах, и на Волге он был облечен в демократическое одеяние. Он шел под флагом защиты разогнанного большевиками Учредительного Собрания 1917 г. Обстановка существенно отличалась от того, что история гражданской войны раскрывает на Юге. Изучение восточной эпопеи поэтому может представить особый интерес, но я буду ее рассматривать только со стороны подготовки ноябрьского омского переворота, приведшего к вручению власти адм. Колчаку. В «преддверии диктатуры» важно отметить те черты эпохи, которые создали и питали эти явления, столь несправедливо окрещенные противниками именем Колчака — между тем они сами должны признать, что «колчаковщина» появилась «задолго до Колчака». Колчак в ней неповинен, и поэтому следовало бы этот термин похоронить в истории. Мало того, читатель увидит, что демократическая власть — власть преимущественно партийная соц.-революционеров в Самаре — на практике ничем не отличалась от власти «реакционных генералов».

Вся эта эпоха не нашла еще себе исследователя¹. По многим вопросам нет еще необходимого даже документального материала. Приходится идти иногда ощупью и разбираться в смутных контрверсах, которыми полны мемуары действовавших лиц. История самарского Комитета Учр. Собр. (Комуч), Сибирского правительства, Директории и эпохи Колчака — все это требует детального, подчас архивного исследования.

Моя задача могла быть только очень скромна — я хотел сделать как бы сводку появившегося уже материала. Я пытался использовать всю литературу, изданную за рубежом (отчасти иностранную), и воспользоваться главным, что появилось в Советской России (в общей сложности мною использовано более 100 книг). И заранее приходится мириться с множеством «неточностей», быть может и немаловажных, которые кропотливый критик может отметить в моем труде².

В истории гражданской войны пока в значительной степени, к сожалению, приходится заниматься еще анали-

¹ Ценная двухтомная книга Г. К. Гинса — единственный пока обзор деятельности Сибирского «колчаковского» правительства — носит все же характер мемуаров, написанных тогда, когда достаточно документального материала в распоряжении автора быть не могло. На нее мне часто приходится ссылаться. Исследование А. И. Деникина касается «Восточного фронта» и Сибири лишь попутно. Автор также часто должен был судить по информации, полученной от других. В работе П. Н. Милюкова период этот изложен суммарно и тенденциозно в силу игнорирования фактов (см. мою критику, названную Милюковым в ответ «макулатурой»).

² В ответ на мою критику работы П. Н. Милюкова «Россия на переломе» последний бросил мне упрек в том, что я не умею разбираться в материале, который меня подавляет. Но в действительности столь авторитетный историк, каким является Милюков, лучше других знает, что легче всего разобраться в материале, когда его не знаешь или когда сознательно его игнорируешь. Самому Милюкову только потому и легко было устанавливать схемы, что он в своей работе игнорировал даже тот материал, который мог ему быть доступен. Отсюда и проистекали бесчисленные ошибки автора даже в изложении фактов.

зом отдельных фактов. По многим вопросам, как мы увидим, возможны лишь предположительные ответы: так обстоит, напр., дело с омским переворотом 18 ноября. Ясна обстановка «заговора», силы, которые действуют, но далеко не отчетлива еще сама организация переворота.

Мои «неточности» будут отчасти вытекать из того обстоятельства, что меня лично не было на месте действия, мною описываемого. Я должен выступать исключительно как историк, бытописатель, а не мемуарист, т. е. владея мертвым, а не живым восприятием. Правда, я пытался отчасти привлечь и непосредственных свидетелей путем бесед и выяснения спорных вопросов, которыми изобилует описываемая эпоха. Но живые свидетельства сами по себе и тенденциозны и противоречивы. Я пытался восполнить личные наблюдения чтением тогдашних сибирских газет, хотя бы их неполных комплектов. Повседневная печать при всех условиях так или иначе отражает обыденную жизнь. В газетах найдется материал, которого нет у мемуаристов и который не отражается в официальных документах эпохи, к тому же опубликованных в советской историографии довольно случайно и неполно.

Если у меня нет преимуществ, которыми располагает мемуарист; если мое отдаленное пребывание от места действия, при отсутствии достаточно разработанных и документальных данных, ставит меня в невыгодное положение в качестве историка того времени, то имеются некоторые преимущества и на моей стороне. Я чужд непосредственной заинтересованности мемуаристов, так часто стремящихся в изложении к политическому самооправданию. События преломляются в моем сознании не под углом зрения действующих лиц — я все же на сибирские события смотрю со стороны. Возможно, я не всегда верно улавливаю мотивы. Документ сухо передает факт, не давая ему пояснения и не изображая психологических основ мотивов действующих лиц. Но одно уже установление факта при современном состоянии материала мне представляется явлением положительным. Отделение легенд от происшедшего, вылушивание зерна из наросшей уже оболочки делает, как мне кажется, мою работу небесполезной и для современников, и для будущего историка этой эпохи.

Пелена искажений густо уже покрыла события недавнего еще времени. Я должен буду опровергать эти искажения. В силу этого работа моя часто, очень часто будет носить полемический характер. В силу спорности, я вынужден был подчас непропорционально много места уделять отдельным контроверсам. Я все-таки пытался посылно установить не только фактическую основу. Но в своих обобщениях и выводах я не стремился к фиктивному объективизму, скрывая собственные взгляды и настроения.

«История должна исправить, — говорит Струве, — огромную, непереносимую и жуткую в своей непонятности неправду». Я не могу, конечно, претендовать на выполнение таких больших заданий. Но я остро ощущаю то, о чем говорит Струве. Образ Колчака неотступно стоит как «какая-то неотомщенная тень». Моя книга — лишь маленькая дань погибшему за дело любви к родине человеку со стороны если не политического противника, то, во всяком случае, инако политически мыслящего. Колчак погиб «за чужие грехи». Как характерно, мы встретим эти слова не только у Гинса, но и у чешского обозревателя «сибирской драмы» Бог. Пршикрыла (1929).

Колчак был увлечен мечтой о восстановлении великой России. По словам автора известного сибирского «Дневника» бар. Будберга, Колчак «непоколебимо» был убежден, что если не ему, то тем, кто его заменит, «удастся вернуть России все ее величие и славу». Мечта искреннего, но, быть может, «наивного идеалиста» не осуществилась. Россия все еще в небытии... В чем причина? Думаю, что до некоторой степени ответ найдется и в фактах, которые пройдут на следующих страницах.

* * *

Автору никогда не нужно давать оружия критике. Моя книга написана несколько спешно, но мне хотелось ее выпустить к десятилетию гибели адм. Колчака. Мне думается, что многое из рассказанного здесь не было в свое время известно противникам «Верховного правителя». Закулисная сторона должна разъяснить психологию эпохи и реабилитировать память «Верховного правителя»,

по крайней мере, среди тех его противников, которые смогут действительно отнестись объективно.

Мне нет надобности, выпуская книгу в эмиграции, описывать ненормальные условия зарубежной работы — и прежде всего отсутствие под рукой подчас необходимых книг и материалов. С тем большей благодарностью я должен вспомнить полученное мной разрешение работать в пражском «Русском Заграничном Архиве» и содействие, оказанное со стороны всех работников Архива. Только здесь, в этом богатом уже хранилище газет эпохи гражданской войны, я мог, между прочим, хотя бы частично познакомиться с нужной мне периодической печатью.

Особо я должен отметить информацию, полученную мною от ген. М. А. Иностранцева и С. С. Старынкевича. Ряд указаний и материалов мною получены от М. В. Бернацкого, Г. К. Гинса, Н. Н. Головина, А. Ф. Изюмова, В. М. Краснова, Б. И. Николаевского, А. А. Никольского, Т. И. Полнера, Л. И. Пушкиной, Н. П. Ягудки и Б. И. Элькина. Моя работа, главным образом в третьей ее части, не могла бы быть выполнена без горячего содействия В. С. Озерецковского.

Париж. 1 октября 1929 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Союзники

1. Противогерманский фронт

Французский генерал Жанен, бывший в Сибири и командовавший там в период колчаковского Правительства союзническими отрядами, в воспоминаниях, напечатанных в «Le Monde Slave» [1924, XII, p. 228], упрекает русских в ксенофобии, которой они восполняют отсутствие подлинного патриотизма. Вряд ли, однако, эта характерная черта быта отдаленной уже от нас веками Московии может быть отмечена в России эпохи мировой войны. Русская история последних лет свидетельствует, скорее, нечто совершенно противоположное. Русскому народу и русской интеллигенции, пожалуй, можно послать другой упрек — в излишнем доверии к политическому идеализму, которым будто бы руководствуется мир в своих международных отношениях.

Реалистический, не оторванный от жизни патриотизм, к сожалению, почти всегда бывает синонимом национального эгоизма. Он властно диктует оппортунизм в политике, как тому чрезвычайно образно поучают воспоминания о мировой войне одного из творцов независимости и первого президента освобожденной от австрийского ига Чехословакии. Защита национальных интересов в современной конъюнктуре людских отношений требует прежде всего национального себялюбия и умения использовать в своих национальных интересах складывающуюся международную обстановку. Вот, в сущности, девиз, которым руководились в своей деятельности проф. Масарик и его единомышленники. Своей цели они достигли. Русские в этом отношении всегда облекались в какой-то донкихотский панцирь верности трансцендентальному долгу, мало считаясь с конкретными условиями своей национальной действительности. Надо думать, что жизнь своим суровым уроком теперь научила и русских присущему всем народам национальному эгоизму.

История союзнической «интервенции» в России в годы гражданской войны еще не написана. Во всяком случае, она неспособна возбудить энтузиазм русских патриотов, но, может быть, объяснит, почему глубокое разочарование охватило многих из тех, кто верил в то время в спасительность для России международного вмешательства демократии. «Все более и более выясняется, — писал в своем докладе А. И. Деникину в конце октября из Сибири ген. Степанов, — что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а, вернее, ради своих собственных интересов» [Очерки. Т. III, с. 108]¹. Ныне объективно, пожалуй, можно сказать, что спасение России заключалось в своевременном выходе из войны в период еще Временного правительства. Страна в революционную бурю должна была думать только о себе. Несколько искусственно взвинченный страх перед немецким империализмом, вера в творческую роль латинской культуры — носительницы мирового прогрессивного начала в противовес германскому реакционному² — не были оправданы последующими событиями. Развал России был результатом только войны. Только она вскормила и дала первенство большевизму. Судьба и в последний момент язвительно улыбнулась России: победа Антанты над Германией в создавшихся условиях обрекла Русскую державу на временное, по крайней мере, умирание. И вполне понятным становится то «волнение», которое испытал в Омске, по словам Гинса, временный председатель Директории Н. Д. Авксентьев при известии о капитуляции Германии. «Я вполне понимаю, — замечает Гинс, — продержись Германия несколько больше, союзная помощь России вылилась бы в иные формы» [I, с. 296].

¹ Тот же вывод делает в воспоминаниях и полк. Уорд, командовавший в Сибири английским батальоном: «Если бы мы обсудили вопрос о союзной интервенции прежде, чем вмешаться, я мог бы представить много доводов за то, чтобы нам остаться в стороне. Но... союзники стали вмешиваться для собственных целей» [с. 171].

² Точка зрения, которую развивали во время войны Кропоткин, Чайковский и другие их современники, жившие в значительной степени концепциями, почерпнутыми из прошлого. См. мою книгу о Чайковском, гл. II.

В книге, посвященной деятельности Н. В. Чайковского в годы революции и гражданской войны, я останавливался уже более или менее подробно на характеристике общественных настроений в связи с образованием двух политических центров — «Союза Возрождения» и «Национального Центра», где с наибольшей последовательностью и отчетливостью проводилось непризнание Брест-Литовского мира и идея осуществления так называемого Восточного противогерманского фронта. В сознании политических деятелей, примыкавших к указанным организациям, этот противогерманский фронт становится одновременно и антибольшевицким. Вернее, ударение делалось на последнем.

Здесь не было «лицемерия», как неудачно назвал Авксентьев в позднейшем письме (1919) из Парижа партийным товарищам на Юг политику «интервенционистов» [письмо напечатано было в «Прол. Рев.», № 1]. Продолжение войны своими слабыми силами, конечно, не мыслилось как нечто ударное в отношении Германии. Возрождение общей с союзниками борьбы могло бы ослабить захват Германии России и ее попытку черпать преимущественно продовольственную помощь в стране, все же необычайно обильной натуральными благами. Восточный фронт был как бы моральной помощью в общем деле со стороны тех, кто не изменял принятым обязательствам и не считал с своей стороны ликвидированными и обязательства союзников в отношении России¹. Таким образом, не одни только идеалистические мотивы двигали сознанием тех, кто пытался создать противоядие против Брестского мира, — были мотивы и вполне реалистические. Главным образом, сознание, что выход России из войны должен невыгодно отразиться на ее интересах в момент заключения мирного договора: Россия не будет иметь голоса на мирном конгрессе. Руководило то же самое чувство, которое в свое время было и у чешских патриотов. Мы могли бы до некоторой степени повторить слова, сказанные предста-

¹ Мнения толпы редко бывают вдумчивыми. За границей часто после внешнего «предательства» «имя России становилось анафемой» [из письма Набокова Вологодскому 22 мая 1919 г. — у Субботовского. С. 30].

вителем московских чехов 15 августа 1914 г.: «Чехия должна быть добыта чешским войском — для того чтобы на мирной конференции мы могли выступить с требованием самостоятельности, обосновывая наши требования нашим участием в вооруженных действиях. В этом задача наших добровольцев¹».

П. Н. Милюкову [Россия на переломе] возобновление Восточного фронта, о чем, как мы знаем, реально думал и ген. Корнилов, с военной точки зрения представляется фантастическим предприятием. Конечно, все зависело от того, насколько активны в этом отношении будут союзники. Сами по себе русские силы были слишком мало мощны для осуществления столь сложной задачи. «Восточный фронт» не означал непременно отдаленную Сибирь (эту презумпцию делает Милюков) — он должен был возникнуть там, где обстоятельства складывались наиболее благоприятно. К лету 1918 г., когда у союзников уже намечался более или менее реальный план «интервенции», условия действительно благоприятствовали во многих отношениях Сибири. Но союзные власти к этому решению шли медленно и с колебаниями. Туго внедрялось в их сознание известное единство в данный момент немецко-большевицкой проблемы, что уже достаточно отчетливо отливало в представлении большинства русских политиков. В оценке этой слитности было, конечно, значительное преувеличение. Но так в то время воспринималась действительность. Я отошлю читателя к тому дневнику современника — «Немцы в Москве в 1918 г.», который был мною напечатан в № 1 заграничного «Голоса Минувшего» (1926). Я сопроводил его статьей под заголовком «Приоткрывающаяся завеса». Здесь, между прочим, впервые была опубликована конфиденциальная нота мин. ин. дел Ф. Гинце 27 августа 1918 г., адресованная Иоффе, которая подтверждала

¹ *Лазаревский Вл.* Россия и чехословацкое возрождение. Париж. С. 25. Адм. Колчак в своих показаниях о времени, предшествующем перемирию с Германией, говорит: «Я... в первое время надеялся, что в случае, если нам удастся достигнуть известных успехов на фронте, мы будем приглашены на мирную конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире» [«Допрос». С. 188].

и ставила некоторые дополнительные пункты к Брестскому миру. Напомню, что § 5 ноты гласил: «Германское правительство ожидает, что Россия применит все средства, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить восстание ген. Алексеева и чехословаков. С другой стороны, и Германия выступит всеми имеющимися в ее распоряжении силами против ген. Алексеева¹. Французский журнал «Revue d'histoire de la guerre mondiale» перепечатал этот документ, осторожно оговорившись, что редакция не принимает ответственности за подлинность... И что же? Очень скоро гамбургский журнал иностранной политики «Europäische Gespräche» напечатал ноту Гинце уже по немецким источникам. Таким образом, отпали споры о ее апокрифичности². Загадок и тайн еще много в этой сумеречной эпохе. Завеса до сих пор еще не раскрылась. Но, поскольку в нашем распоряжении имеются материалы, мы имеем право говорить об известном единстве германо-большевицкой проблемы перед русским общественным мнением того времени.

Подобным единством объясняется та легкость, с которой в демократических кругах была принята идея «интервенции». По традиционному восприятию догм политического катехизиса, она должна была претить демократическому сознанию. Но этого не было. Интервенцию готовы были приветствовать не только «цензовые» элементы³.

¹ 23 июля Чичерин этого требовал от заместителя Мирбаха Гельфериха [*Деникин*. III, с. 115].

² Раньше выдержки из этой ноты были напечатаны у Деникина в III т. «Очерков». Автор получил сообщение о ней в сентябре 1918 г. из Москвы.

³ «В июне весь Харбин был полон воплями о необходимости для спасения России призвать союзников» [из доклада ген. Степанова А. И. Деникину].

Демократическое совещание 20 июня по вопросу о «помощи, которая должна быть оказана» союзниками, постановляет: союзники коллективно должны гарантировать территориальную неприкосновенность и суверенные права Российского Государства и невмешательство во внутренние политические вопросы. Харбинские эсеры со своей стороны декларируют необходимость союзнической помощи для воссоздания фронта против Германии [*Гутман*. Россия и большевики. I, с. 310–311].

«Русская демократия с безбоязненной радостью может встретить... эшелоны иностранных войск», — писала, выражая в значительной степени общее мнение противобольшевицкой демократии в Сибири, челябинская «Власть Народа», редактируемая известным соц.-дем. Е. Маевским, по поводу обязательств, которые принимало на себя позднейшее августовское обращение Великобритании к русскому народу. Это была не «интервенция» в точном смысле слова, не вмешательство во внутренние дела чужой державы. В теории это была кооперация сил, причем для одной стороны выдвигалась проблема противогерманского фронта, для другой — противобольшевицкого¹. Для успеха в русском общественном мнении идеи международного вмешательства противосоветский фронт должен быть поставлен ясно и отчетливо. Наша борьба с большевизмом «не должна быть завуалирована» — это подчеркивает член военной миссии майор Пишон в докладе, представленном

¹ Надо сказать, что в некоторых антибольшевицких кругах, преимущественно в эсеровских, как мы это неоднократно увидим, любили иногда больше, чем надо было, подчеркивать связь интервенции с противогерманским фронтом. Вероятно, эту черту и назвал Н. Д. Авксентьев «лицемерием». Тут приходится видеть своего рода самооправдание перед догматическим восприятием демократических традиций. Впоследствии подобная точка зрения действительно ставила в ложное и противоречивое положение тех представителей левой демократии, которые слишком мало доверяли актуальным внутреннерусским силам и склонны были делать ставку спасения России почти исключительно на помощь извне. Характерно, что те из них, которые возражали против интервенции, отнюдь не возражали по существу. Например, Якушев в очерке «Дальневосточное самоуправление в борьбе за власть» приводит речь большевизанствующего эсера Медведева на чрезвычайном приморском областном земском собрании во Владивостоке. Он говорил: «Не страшно, конечно, само по себе занятие иностранцами нашего края, если бы они пришли сюда действительно только для того, чтобы навести у нас порядок... но ведь мы знаем, что одним этим они не удовлетворятся: они ведь преследуют свои интересы, а эти интересы... совпадают с интересами некоторой части нашего общества, которая настроена против советов и их власти» [«Местное Самоуправление». — Труды Об-ва в Чехосл. Прага, 1926, т. III, с. 196].

после поездки в Сибирь, 4 апреля 1918 г. французскому посланнику в Пекине [с. 55]. При таких условиях интервенция не вызовет противодействия. Другими словами, «свои» ближайшие, непосредственные «интересы» союзников не должны были грубо превалировать над интересами других. От дипломатии требовалась некоторая прозорливость.

2. Политика колебаний

В борьбе, которая шла в руководящих политических кругах Запада по вопросу о тактике в отношении России с момента захвата власти большевиками, первенствующее значение имела проблема подчинения советской власти германским императивам. Плохо осведомленные о положении дел, мало разбирающиеся в сложной конъюнктуре русских отношений, иностранные политики шли по извилистым тропам. П. Н. Милюков так характеризует позицию союзников: «...до заключения Брестского мира союзники пробовали использовать даже и большевиков против Германии. После Бреста эта надежда отпала. Тогда на очередь стал — в апреле и в мае — новый план союзников для достижения той же цели, т. е. для удержания возможно большего количества германских солдат на Восточном фронте. Это был план воссоздания нового «Восточного фронта» где-нибудь внутри России... Россия при этом являлась не целью, а лишь средством, и притом средством временным, даже кратковременным. Этим объясняется внутренняя несерьезность, почти авантюризм союзнических планов, явная невыполнимость дававшихся ими обещаний, легкость нарушения этих обещаний и вообще пренебрежительное отношение к недавнему союзнику, переставшему быть полезным. Отношение это впервые глубоко возмутило против союзников русское общественное мнение без различия партий» [с. 18].

Будучи прав в оценке союзнической тактики и впечатления от нее в русских общественных кругах, Милюков далеко неточно излагает перелом в политике союзников. Колебания продолжались вплоть до лета 1918 г. Отсюда противоречивые шаги, лишавшие какой-либо устойчивости междусоюзническую тактику: после Брестского

мира неофициальные переговоры с большевиками пошли даже одно время усиленным темпом: Один из большевистских историков, М. Левидов, проделал чрезвычайно важную работу для истории первого подготовительного периода интервенции [К истории союзной интервенции]. Он исследовал не только официальные документы¹ и имеющиеся уже воспоминания, но и газеты того времени — всего 42 органа. В результате получилась довольно яркая картина тех этапов, по которым проходила официальная и неофициальная мысль о военной интервенции в России или, вернее, о помощи русским для воссоздания Восточного фронта². Пользуясь данными, приведенными в книге Левидова, и отчасти их дополняя, наметим в самых коротких чертах эти «этапы» интервенционной политики Англии, Франции, Америки и Японии.

* * *

Первый этап — это время, непосредственно примыкающее к большевистскому перевороту. Если орган английских «милитаристических» кругов — «Глоб» высказывает накануне переворота удивление тому, что союзники беспомощно наблюдают, «как Россия сама себе перерезывает горло»; если «Морнинг Пост» по получении известий о перевороте занимает определенную противобольшевистскую позицию и пишет: «Последователи Ленина — будет ли долгим или нет их существование — являются определенными врагами Антанты и открытыми друзьями Германии. Никаких дел поэтому с ними быть не может. Перед союзниками лишь одна задача — установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам»; если возникает уже мысль о возможности

¹ Английские «парламентские отчеты»; документы о «русско-американских отношениях» и др.

² Выводы Левидова нам не нужны — слишком казенный характер они носят. Но и здесь следует отметить, что книга Левидова выделяется своей серьезностью и отчасти тоном среди советской литературы. Приходится пожалеть, что до сих пор не появилось продолжения работы.

вмешательства Японии¹ — английское правительство, скорее, стремится сохранить нейтралитет в русских делах: Россию надо предоставить на время самой себе.

Французское правительство сразу приняло тактику бойкота в отношении Советского правительства. 12/25 ноября шеф военной миссии в России ген. Лаверн довел до сведения ген. Духонина полученную им телеграмму, которая гласила, что «Франция не признает власти Совета Нар. Ком.» [«Накануне перемирия». — «Кр. Арх.». XXIII, с. 215].

Официальная Америка довольно упорно молчала о России, склоняясь в лице Вильсона, скорее, к признанию советской власти. Поэтому американские представители в России — глава военной миссии ген. Джедсон и глава Красного Креста Томпсон — держат себя не только «относительно лояльно», но и завязывают сношения с Советским правительством в целях «разъяснения некоторых недоразумений». В январе и в Англии (Ллойд Джордж) намечается склонность к признанию советской власти для того, чтобы помешать Брестскому миру... Левидов дает соответствующей главе наименование «Весна в январе». Никогда волна интервенционистских планов «не была на таком низком уровне, как в январе и в половине февраля 1918 г.».

На пользу сближения с Советским правительством работают три союзных представителя: английский консул Локкарт, член французской военной миссии кап. Садуль и представитель американского Красного Креста Робинс. Садуль сумел повлиять и на французского посла Нуланса, которого большевицкий историограф называет подлинным отцом интервенции. Под влиянием Робинса, сносившегося с

¹ В декабре, как известно, произошла первая высадка японцев во Владивостоке в целях охранения военного снаряжения союзников. По-видимому, высадка была совершена по собственной инициативе, но она не была случайной и изолированной, как говорит Левидов. Показательно, что подготовка внедрения японцев началась гораздо раньше. У Субботовского [с. 136] приведена, напр., телеграмма комиссара Врем. прав. Русанова от 17 июня 1917 г. о том, что во Владивосток непрерывно прибывают из Кореи под видом рабочих и лиц разных профессий японские жандармские чины и агенты секретной полиции.

Троцким, американский посол Фрэнсис неформально уведомил «большевицких лидеров», что в случае, если перемирие будет окончено и Россия будет продолжать войну, он рекомендует своему правительству формальное признание фактической власти правительства народных комиссаров и «всю возможную поддержку и помощь».

Разговоры были впустую. Мир все-таки был подписан — формула Троцкого «не мир и не война», была отклонена¹. В дни окончательного обсуждения Брестского мира можно отметить одну любопытную деталь, показывающую, как наивны были союзнические представители в Москве. Протокол ЦК партии большевиков, где тогда решались все основные вопросы, отмечает доклад Троцкого 22 февраля «о предложении французов и англичан» содействовать «в войне с немцами». Троцкий оглашает «ноту французской военной миссии». Бухарин считает, что «недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма». Троцкий возражает: «Государство принуждено делать то, что не сделала бы партия». Разрешает спор отсутствовавший Ленин с обычной для себя аморальностью: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» [Протокол № 42²].

¹ Масарик ошибается, утверждая, что Троцкого не было при голосовании о Брест-Литовском мире. Большевики издали в 1921 г. все протоколы ЦК партии за это время. Троцкий на всех заседаниях присутствовал и участие в голосовании принимал, — он был в решительном заседании 23 февраля среди четырех «воздержавшихся» (Дзержинский, Крестинский и Иоффе). Против голосовали: Бухарин, Урицкий, Бубнов и Ломов. За принятие германского предложения высказалось 7 во главе с Лениным. Троцкий свое воздержание мотивировал необходимостью «не препятствовать созданию большинства для получения единой линии» [Протоколы ЦК. С. 252–253].

² Комментатор «протоколов» говорит, что самой «ноты» не удалось найти... Не было ли этой «нотой» то телефонное сообщение Нуланса Троцкому, о котором говорит Садуль: «В вашем сопротивлении против Германии вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку Франции». Садуль передает в письме к А. Тома, что миссия под угрозой немецкого наступления на Петроград накануне подписания Брестского мира согласилась

Мир, однако, еще не ратифицирован. Робинсу дают понять, что ратификация в значительной степени зависит от отношения американского правительства к вопросу о поддержке советской власти... Другими словами, на всякий случай ставка делается надвое. 5 марта Троцкий передает американскому правительству ноту, где ставит вопрос: «Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соед. Штатов, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии». Не будем забывать, что на том же заседании ЦК партии, где были приняты немецкие условия (18 февраля), единогласно было постановлено: «Готовить немедленно революционную войну». С своей стороны, Локкарт имеет «длинное интервью» с Троцким и готов уже дать всякие авансы большевикам. «Троцкий осведомил меня, — пишет Локкарт, — что на съезде советов 12 марта будет, по-видимому, объявлена священная война Германии или предпринят такой шаг, который сделает неизбежным объявление войны со стороны Германии»¹. Локкарт убеждает не предпринимать никаких враждебных по отношению Советского правительства шагов, так как не исключена возможность «прямого приглашения» американскому и английскому правительствам принять участие в защите Владивостока, Архангельска и т. д. Всякое враждебное действие лишь усилит германское влияние в России².

Как Троцкий умел втирать очки своей «священной войной», показывает тот факт, что даже известный писатель, определенный антибольшевик Гарольд Вильямс, «конфиденциальный агент британского правительства», по словам

предоставить в распоряжение Троцкого известное число офицеров и солдат, чтобы восстановить разрушенные железные дороги, ведущие к столице, и организовать отряды для ее обороны [Notes sur la révolution bolchevique. P. 320].

¹ Анишев [Очерки истории гражданской войны, 1921] приводит официальные большевицкие данные о том, что англичане предлагали советской власти по 100 р. в месяц за каждого солдата, если советская власть согласится продолжать войну с Германией.

² Набоков в «Воспоминаниях дипломата» свидетельствует, что Англия в это время была близка к официальному признанию советской власти [с. 190].

большевиков, уверовал, что «особенности революционной тактики большевиков не позволяют им принять этот мир как окончательный»... «В настоящее время, — сообщает он Министерству иностранных дел, — большевики являются единственной партией, обладающей в России действительной силой. Национальное возрождение в России вполне вероятно, и своей агитацией большевики могут помочь этому возрождению... Слухи о предполагаемой якобы интервенции в Сибири увеличивают чувство унижения во всех классах и переносят чувство гнева русского населения с немцев на союзников и ставят в опасность наши будущие интересы в России». Для большевиков все это ловкие шаги дипломатии. Впоследствии в «Известиях» (22 июня) Троцкий в полном противоречии с тем, что говорилось, а вскоре и делалось, заявлял: «С тех пор, как англо-французская печать стала настаивать на необходимости военного вмешательства союзников в русские дела, чтобы побудить нашу страну к войне с Германией, я... заявил, что к вмешательству союзных империалистов мы не можем относиться иначе, как к враждебному покушению на свободу и независимость Сов. России»¹.

* * *

Шаги советских дипломатов объясняются в значительной степени угрозой выступления Японии, по поводу которого идет в то время «ожесточенная борьба» в кругу союзников. Сведения об этом доходят до Москвы, и Фрэнсис телеграфирует своему правительству 9 марта: «Я опасаясь, что если съезд ратифицирует мир, то это явится результатом угрозы японской оккупации Сибири...

¹ *Троцкий*. Как вооружалась революция. Т. I, с. 199.

Вся фальшь большевических выступлений обнаруживается достаточно отчетливо. Бар. Будберг в дневнике имел полное основание сказать по поводу «демократического» совещания в Харбине 18—20 июня, на котором пролетарские представители заявили протест против приглашения союзников, что в этом протесте «ничего патриотического или национального нет». Просто они понимали, что с «прибытием союзников конец всяким надеждам на восстановление здесь совдепии» [XIII, с. 224].

Троцкий сказал, что Япония, естественно, уьет возможность сопротивления Германии и может сделать из России германскую провинцию»... «У меня нет достаточных слов, — добавляет Фрэнсис в другой телеграмме, — для того, чтобы охарактеризовать все безумие японской интервенции». Фрэнсис почти убежден в том, что, если не будет угрозы японской опасности, «съезд советов откажется ратифицировать этот мир».

Садуль с своей стороны убеждает Тома, что французские специалисты могут помочь большевикам создать «новую добровольческую армию» против немцев.

Актуальность японского выступления стояла в связи с февральскими агрессивными планами ген. Гофмана. 26 февраля в американской прессе появилось интервью с маршалом Фошем на тему о том, что в ответ «Япония должна встретить Германию в Сибири». Газеты лондонские и парижские начинают усиленно комментировать возможность со стороны Японии предпринять «действенные» шаги. «В парижских политических кругах, — передает корреспондент «Дэйли Мэйл», — все взгляды обращены на Японию». Агентство «Рейтер» официально сообщает, что «занятие Германией Петрограда... может означать, что в ближайшие пять-шесть недель Германия захватит богатые области Сибири и Сибирскую железную дорогу». В это время, а не в 1917 г., как пишет Милюков, и было сделано Японией предложение союзникам о совместном выступлении — фактически это обозначало самостоятельное выступление Японии по «мандату» союзников. Однако этому решительно воспротивился Вашингтон. В «неопубликованной», но сообщенной Фрэнсису ноте Вильсона японскому правительству 3 марта подробно разбирались мотивы противодействия японской интервенции со стороны Соед. Штатов¹. Учитывая «риск германского вторжения», американское правительство не считало целесообразным интервенцию главным образом потому, что такая «интервенция» вызвала бы «горячее возмущение» в России. В действительности позицию Соед. Шт. диктовали

¹ «Опубликованное интервью и пропавшая нота» — так называет Левидов соответствующую главу своего исследования.

не только альтруистические и демократические принципы, но и исконный «неустранимый антагонизм» между американцами и японцами. «Нота» Вильсона задержала решение вопроса, но не сняла его с очереди. Напр., 11 марта в газетах появляется заявление Сесили: «У нас есть сведения, что Германия организует военнопленных в Сибири... было бы весьма глупо, если не преступно, если мы не сделаем всех возможных шагов для того, чтобы предупредить германское нашествие на восток... Я полагаю, что было бы весьма разумно, если бы мы искали поддержки для этой цели у Японии» [с. 66]. Но в то время договориться союзники не могли, как это определенно явствовало из речи Бальфура в палате общин 14 марта. Английская пресса, комментируя эту речь, указывала, что «японская интервенция возможна с согласия не только всех союзников, но... и здоровых элементов России».

Между тем в России выступление японцев вызвало действительно почти всеобщее недоверие и протест — не так далек был от истины Локкарт, телеграфировавший в Форен Оффис: «Вы не можете себе представить, какие чувства вызывает японская интервенция. Даже кадетская печать, которую нельзя обвинить в симпатиях к большевикам, громко осуждает это преступление против России». Совершенно несуразно поэтому утверждение покойного Гурко, что «Союз Возрождения», отстаивавший идею создания Восточного фронта, «обратился с просьбой к Японии об оказании помощи своими войсками на русской территории»¹. Когда это было? Когда в апреле произошло частичное и самостоятельное выступление Японии во Владивостоке, в виде репрессии за убийство японского коммерсанта, Центр. Комитет нар.-соц. партии выступил перед старшиной иностранного Дипломатического корпуса с решительным протестом против действий японцев². Недоверие к Японии столь глубоко проникло

¹ Воспоминания «Из Петрограда через Москву, Париж»... — «Архив Рус. Рев.». XV, с. 14.

² *Мякотин В. А.* Из недавнего прошлого [«На чужой стороне». II, с. 188]. Автор ошибочно этот протест относит к более раннему времени. Десант вызвал протест и всех местных организаций [«Кр. Арх.». XXIX, с. 115].

уже в сознание русского общества, что позже, когда фактически союзническая «интервенция» началась, в Сибири отряды союзников встречаются населением «с энтузиазмом», а японские недоверчиво, холодно, даже враждебно»¹.

Находившиеся за границей русские дипломатические представители, Бахметьев и Маклаков, считали своим долгом предупредить союзников об опасности такой интервенции. Мартовская пропаганда потерпела фиаско, тем более что в самой Японии далеко не было единства по вопросу об интервенции... В истории не приходится задаваться вопросом о потерянных возможностях. Президент Масарик считает, что «для борьбы с большевиками была одна возможность: мобилизация японцев» [I, с. 216]. Представитель французского командования на Востоке Гинэ, с именем которого нам не раз придется встретиться, — он был самым ярким проводником идей интервенционной помощи России — с своей стороны утверждает, что «неустранимый антагонизм между американцами и японцами» помешал «низложить русский большевизм»². Прошло более десяти лет. И картина будущего еще не ясна. Есть вера в возрождение мощи России, но имеется ли твердое знание? И только потомки наши смогут положить на весы: развал России и возможное ее спасение, допустим, даже при условии потери, может быть только временной, той или иной территории на Дальнем Востоке. Никакие, конечно, фразы о дружелюбии, никакие международные гарантии не могли охранить от фактического захвата при активной японской интервенции. Кто был прав: те ли, кто склонялся к ставке на Японию, или те, кто видел в ее выступлении только угрозу целостности России? Ответит на это только будущее. Жертвы и страдания иногда бывают необходимы в истории... Может быть, более прав был американский журналист Кольфорд, писавший: «Никакой логической связи между японской интервенцией в Сибири и положением в европейской России не было». Все последующие

¹ Из телеграммы Вологодского и Гинса из Владивостока в Омск в сентябре 1818 г.

² En mission à travers de Lénine. Париж, 1921.

факты, скорее, показывают, что Япония, в конце концов, не задавалась сколько-нибудь широкими целями, а «просто имела в виду создать для себя точку опоры на Дальневосточном побережье для целей будущего» [с. 93].

Обезопасить всякого рода интервенцию могла только солидарность русской общественности. К ней и призывал Г. Н. Потанин в своем известном обращении к Сибири 13 марта. Он писал: «Сибирь в опасности. С востока в ее пределы вступают иностранные войска. Они могут оказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно; это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент». И Потанин призывал к деятельному участию в устройстве своей Родины; призывал «отбросить на время в сторону политические лозунги, которые разъединяют нас, и соединиться исключительно на почве интересов Сибири» [«Хроника». Прил. 20].

* * *

В упомянутой речи Бальфура 14 марта говорилось: «Большевицкое правительство — я полагаю — искренне желает сопротивляться германскому проникновению». Вера в эту «искренность» продолжает руководить политикой союзников. Как это ни странно, но именно после ратификации Брест-Литовского мирного договора начинается фактическое сотрудничество союзных миссий с большевицким правительством. «Мое правительство, — заявляет Фрэнсис, — готово оказать помощь всякому правительству в России, которое выступит с серьезным и организованным сопротивлением против германского нашествия» [с. 84]. Осуществляется как бы план очень скоро самоопределившегося в сторону коммунизма Садуля. «Сотрудничество союзных миссий с большевиками в целях организации армии началось... Несколько офицеров будет находиться непосредственно у Троцкого. Они составят своего рода военный кабинет, который будет иметь наблюдение над действиями военного комиссариата», — пишет Садуль Тома 26 марта [Notes...

р. 272]. Аналогичное телеграфирует из Москвы Робинс Фрэнсису в Вологду: «Французская миссия приняла предложение Троцкого и назначает офицеров для инспекторской работы в советской армии»¹. Чем дальше в лес — тем больше дров. Троцкий санкционирует с начала апреля сотрудничество союзников и «красной гвардии» для защиты Мурманской железной дороги от «белогвардейцев и их германских союзников» (подразумеваются финляндские войска Маннергейма) в целях помешать немцам получить новую морскую базу на Ледовитом океане. С согласия большевиков должен произойти морской союзнический десант в Мурманске. И тот самый Локкарт, который скоро будет замешан в «заговоре» против советской власти и арестован, тот самый Локкарт, которого большевицкие чекисты в своем официальном органе «Еженедельник ВЧК» открыто будут предлагать подвергнуть физическим пыткам, чтобы узнать подноготную «заговора», дело которого начало полосу красного террора, с убеждением пишет Робинсу, подводя итоги стараний Советского правительства на пути соглашения в сотрудничестве с союзниками: «Вы согласитесь со мной, что все это непохоже на действия германского агента и что попытка союзной интервенции с помощью и с согласием большевицкого правительства является желательной и возможной». Письмо датировано 5 мая. Так долго длится уже неестественное «сотрудничество». Садулю рисуется фантастическая перспектива привлечения к борьбе с немцами и большевиков, и их противников, которые «пришли бы работать не с большевиками, а с нами (т. е. союзниками) и параллельно с большевиками». 10 мая он рекомендует Тома сделать официальное обращение от имени Антанты по этому поводу. А для того чтобы этот жест имел бы серьезное значение, необходимо, чтобы ему предшествовала «высадка союзников в Белом море

¹ Между прочим, Троцкий был весьма не прочь использовать американскую миссию инженера Стевенса, прибывшего с 400 техниками при Врем. прав. для железнодорожной организации и уехавшего во Владивосток после большевицкого переворота. Миссии Стевенса приказано было вернуться в Москву.

и их продвижение в Сибирь» [с. 249]¹. В такие причудливые формы выливалась идея «интервенции».

Япония вновь интересуется европейское общественное мнение. Еще в конце марта Лондонская конференция рабочей партии выслушивает речь Гендерсона об условиях, при коих была бы приемлема японская интервенция: одобрение большинства русского народа, согласие союзников и Китая, гарантия японской незаинтересованности. Но несколько неожиданно Япония поставила Америку и Европу перед совершившимся фактом: 4 апреля во Владивостоке высадился японский десант. Официально он мотивировался защитой против организуемых в Сибири военнопленных.

С добросовестностью ученого президент Вильсон поручает своим представителям выяснить мнение различных политических партий в России по вопросу о вооруженной японской интервенции для отражения германской угрозы, а вместе с тем роль в Сибири немецких военнопленных. В Европу проникает слух о том, что с ведома и одобрения советской власти для борьбы против союзников вооружено уже 200 000 военнопленных. В этом видят реальный контроль Германии над деятельностью советской власти, что, естественно, в корень разрушает концепции московских «друзей» советской власти. Противогерманское сотрудничество союзников с большевиками начинает отражаться очень уродливо в кривом зеркале действительности.

3. Военнопленные

Таким образом, сталкивались две противоположные точки зрения на интервенцию. Французский журналист, коммунист Маршан, так их определяет: интервенция могла произойти «с активным участием или по меньшей мере с пассивным одобрением большевицкого правительства»; «интервенция должна быть направлена против этого правительства, должна иметь целью его низвержение и одновременное восстановление Восточного фронта». Какая схема

¹ Еще раньше Садуль уверял, что под некоторыми условиями от Временного правительства можно получить согласие на японскую интервенцию.

победит? Весы должны были склониться в ту или другую сторону в зависимости от оценки влияния Германии на советскую власть. Первенствующее значение приобрел при этом вопрос об организации германских военнопленных в России. Между тем это один из тех вопросов, который при современном состоянии материала не может быть во всей полноте разъяснен документально, как, впрочем, и большинство вопросов, связанных с таинственной страницей немецко-большевицких альянсов, которую в статье «Приоткрывающаяся завеса» я имел право не без основания назвать сказками Шахерезады.

Существуют уже контroversы. Так, проф. Масарик в меморандуме, составленном для Вильсона в Токио 10 апреля, определенно свидетельствует: «Нигде в Сибири (от 15 марта до 2 апреля. — С. М.) я не видел вооруженных немецких или австрийских военнопленных»... Еще раньше специально высланные в Сибирь для исследования вопроса о военнопленных на месте американский и английский офицеры Вебстер и Хиггс 30 марта доносят: «Вооруженных военнопленных в районе от Владивостока до Читы не имеется. Некоторые военнопленные в Иркутске вооружены — все они венгерские социалисты и записываются для борьбы против Семенова в Маньчжурии». В другой телеграмме из Иркутска, 31-го, Хиггс выражает еще большую убежденность, что «здесьшний совет не имеет в виду вооружать военнопленных». 1 апреля Хиггс сообщает: «Во всей Сибири всего 1200 вооруженных военнопленных, которые являются социалистами-революционерами. Они охраняют других пленных, и главным образом германских офицеров, которых совет боится. Они не будут использованы в военных операциях. Совет дал официальную гарантию для сообщения нашему правительству о том, что максимум 1500 военнопленных будут вооружены во всей Сибири»...¹ К совер-

¹ Об этой миссии Троцкий в обращении народного комиссара по военным делам «Всем, всем, всем» 22 августа писал: «Мно тогда были отправлены вдоль сибирской дороги из Москвы американские и английские офицеры, которые оказались вынужденными официально подтвердить, что все сообщения об угрозе сибирскому пути со стороны пленных являются вздорными вымыслами» [«Известия», № 181; «Хр.». Прил. 36].

шенно противоположному выводу пришел в апреле же майор Пишон. Для него «военная активность немцев» представляется «фактом совершенно неопровержимым»; «по сведениям, полученным недавно, на Селенге, к югу от Байкала, под управлением немецких инженеров и военных специалистов устроена укрепленная военная позиция» [Доклад. С. 49]. П. Н. Милуков в своей работе утверждает, что сведения о японском выступлении 4 апреля «скрепили союз» между большевиками и германцами: «В Сибирь поехали германские офицеры и занялись вооружением венгерских и австрийских пленных» [II, с. 28]. К сожалению, этот историк гражданской войны редко указывает источник, откуда он черпает свои сведения. Приходится думать, что это только предположения самого автора.

Немцы, конечно, отрицают все эти факты. Можно сказать без колебаний, что цифра 200 000 организованных военнопленных — версия, ходившая и в Москве, — преувеличена¹. Немцы не пошли бы официально на такую

¹ «Бытовые условия делали то, что значительная часть этих 200 000 пленных не очень жаждет вернуться на фронт», — отмечает 16 февраля франц. генеральн. консул в Иркутске Андре Буржуа в депеше, посланной в Петроград [К истории интервенции в Сибири. — «Кр. Архив». XXXIV, с. 145]. «Значительная часть этих пленных, — добавляет Пишон в письме к ген. Нисселю 8 февраля, — стали родоначальниками новых поколений путем брака или свободных союзов... Эти люди не вернутся к себе: они создали очаг, зарабатывают много, колонизируют Сибирь. Некоторые из них стали членами местных Советов» [там же. С. 162].

Этими бытовыми условиями и разнообразием состава военнопленных (здесь были среди других и турки) следует, пожалуй, объяснить явление, позднее поражавшее ген. Нокса и отмеченное им с несомненным преувеличением: в Сибири «каждый маленький офицерский батальон имеет 100 немцев в качестве поваров, прислуги, конюхов; каждая рота новобранцев имеет три немецких повара»... «Настоящее положение, — добавляет Нокс, — если бы оно было известно в Англии, вызвало бы бурю возмущения». На английского генерала это производит такое впечатление, что в условия «конвенции», которую он заключает 24 октября с русским правительством о помощи в формировании армии, он вводит специальный пункт о заключении военнопленных не славянского происхождения в лагерь [дополнение к воспоминаниям *Болдырева*].

опасную для пленнхх затею. Но, очевидно, та или другая санкция давалась под видом, что большевики организуют только «интернационалистов».

Отрицали организации военнопленнхх и большевики. Еще 22 декабря 1917 г. в «Правде» появилась никем не подписанная заметка, опровергающая «ложь», распространяемую буржуазными и подхалимными листками — в данном случае горьковской «Новой Жизнью», — об организации отряда военнопленнхх¹: дело идет о революционных интернационалистах австро-венгерцах, готовых предоставить целый отряд в распоряжение революционной России против «германского империализма». Этих «интернационалистов» оказалось чрезвычайно много. Уже в декабре происходит делегатское собрание военнопленнхх. На нем присутствуют 200 человек от 20 000. В апреле в одном Московском округе насчитывалось до 60 000 организованных пленнхх интернационалистов. На первом съезде военнопленнхх присутствует 400 человек формально от 500 000 организованных военнопленнхх².

Какого рода были эти «интернационалисты», прекрасно можно видеть из факта, рассказанного командующим большевицкими войсками на Юге, Антоновым-Авсеенко³. Он не отрицает попыток создания отрядов военнопленнхх в Донбассе в феврале 1918 г. «В начале» они были неудачны. «Одну сформированную из германцев роту при-

С. 525]. Майор Пишон в своих сибирских наблюдениях [«Кр. Архив». XXXIV, с. 162] в хорошем отношении к военнопленнхх — не видят в них врагов — склонен даже усмотреть отсутствие должного патриотизма. Не знаю, можно ли отнести подобные заявления даже к области некоторой российской «распушенности». Скорее, они могут служить доказательством того, что к моменту, когда вопрос о возобновлении Восточного фронта и союзнической интервенции получил уже конкретное решение и Антанта связала свою политику в России недвусмысленно с противобольшевицкими силами, война с Германией в сознании широких слоев русского общества была уже изжита.

¹ Из сборника *Троцкого* «1917 г.» стало известно, что автор заметки — сама большевицкая «примадонна», как назвал позже Троцкий перед американскими сенаторами известный нам Робинс.

² «Пролет. Рев.». Кн. 76, с. 58.

³ «Записки о гражданской войне» [1924, I, с. 228].

шлое распустить после следующего эпизода. Роте этой производился смотр. Командующий похвалил роту на немецком языке. Все, как один, ответили: «Хох, кайзер Вильгельм»...» Совершенно аналогичное о немецких отрядах, под разными обликами и видами находившихся в Москве весной 1918 г., рассказывает автор дневника, напечатанного в «Голосе Минувшего».

Эти организованные и вооруженные военнопленные оказались рассеянными буквально повсюду и вместе с латышами и китайцами с Мурмана оказались главной основой советских войск в первый период борьбы. С ними мы встретимся при подавлении июльского восстания в Ярославле, организованного Савинковым. И не только с «интернациональным батальоном», активно участвовавшим в бою на стороне советской власти. Из документа, напечатанного в «Красной книге ВЧК» [вып. I], мы знаем, что «отряд Северной Добровольческой армии» сдался германской комиссии военнопленных, которая несколько неожиданно оказывается сильной «боевой частью» и сохраняет во время боя «вооруженный нейтралитет». Начальствовал над немецким отрядом лейтенант Балк... Кто же он? Отвечает нам автор воспоминаний, напечатанных в № 1574 «Возрождения», — Н. Мазинг. Балк — один из немецких контрразведчиков, работавших во время войны в России. Он орудовал до большевицкого переворота в Кронштадте вместе с Михельсоном и Рошалем, с которыми его свел Натансон. Если изложенное все точно, то оказывается, что Балк через главаря немецкого шпионажа в России полк. Бауэра был связан с Натансоном еще в Цюрихе. Он находился в непосредственном ведении другого агента — майора австрийского генерального штаба Титца, числившегося в лагере военнопленных в Нижегородской губернии под фамилией... Блюхера¹. О его прежней деятельности автор воспоминаний рассказывает довольно показательные подробности. После октябрьского переворота Балк работал в комендатуре Смольного под фа-

¹ Автор считает его современным советским главкомом, это маловероятно. Советские историки говорят, что Блюхер — рабочий с Урала. См. книгу *Подшивалова* «Гражданская война на Урале 1917–1918 гг.» (изд. 1925 г.).

милией бывшего корнета Василевского. Титц в дни переворота находился в Москве и там, как артиллерист, налаживал обстрел Москвы (об участии немецких артиллеристов в стрельбе упорно говорили тогда в Москве). «Потом мне (т. е. Балку) — автор передает именно его рассказ — пришлось с ним работать вместе: мы усмиряли ярославское восстание. Он лично руководил орудийным огнем, я командовал батареей, солдаты были исключительно мадьяры из отряда, сформированного еще летом 1917 г. на Волге. Немало колоколен удалось сбить!.. не будь нашей организации, еще неизвестно, во что бы обернулось дело»...

Спустимся по Волге вниз. Один из руководителей Волжского фронта в июле записывает под Сызранью, 12 июля, в свой «дневник»: «Большевицкие войска главным образом из мадьяр, китайцев и латышей, с небольшим сравнительно количеством русских красноармейцев, были прекрасно вооружены артиллерией» [«Воля России», 1928, VIII, с. 101]. Под Симбирском 28-го его запись гласит: «В наши руки попал оригинал доклада большевика Мадракова... В нем черным по белому сказано, что при восстании против нас большевиков к последним «присоединяются мадьяры и австрийцы, которые разбиты по роду оружия и при выступлении займут определенные места под командованием офицерского состава и которым оружие будет выдано из склада» [с. 125].

В имевшейся у меня копии¹ донесения члена «Союза Возрождения», нелегально переходившего большевицкий кордон на востоке, под 24 августа отмечается: «В составе Советской армии не менее 50% германских военнопленных». То же самое о Волге говорит и Савинков в очерках «Борьба с большевиками» [с. 44]². Было ли какое-нибудь преувеличение, когда кап. *Голечек* в брошюре «Чехословацкое войско в России», изданной в 1919 г. в Иркутске

¹ Передана в пражский Архив.

² Подтверждение о таком составе отрядов Муравьева можно найти в «Прол. Рев.» [кн. 75, с. 68]. Нечто аналогичное отмечает на Воткинском фронте очевидец А. Ган (Гутман) в статье «Два восстания» [«Белое Дело». III, с. 157]; см. также воспоминания рабочего Уповалова в берлинской «Заре» [1923, № 3].

Информ.-просв. отделом Чех. воен. мин., писал про июльские бои у Бузулука: «Как везде, так и здесь чехословацкие части сражались с превосходящими силами неприятеля: 5000 человек преимущественно немцев и мадьяр, организованных и обученных немецкими и австрийскими офицерами» [с. 52].

Очень смело, как всегда, Троцкий говорил на июньском заседании в Большом театре: «Распространять такого рода слухи (о содействии большевикам со стороны Германии в борьбе с чехословаками) могут только негодяи» [«Известия», 22 июня]¹. Я не знаю, из каких источников почерпнул проф. Масарик сведения, что «большевики в июне предложили немцам, чтобы они разрешили против наших в Сибири вооружить немецких пленных; немцы были более корректны и высказались против этого» [II, с. 82]. При таком отказе каким образом могли появиться эти сильные боевые отряды среди военнопленных? Нет никакого сомнения, что переговоры между большевиками и немецким командованием велись едва ли не по инициативе последнего. У меня имеется определенное свидетельство в пользу такого предположения, исходящее из того источника информации, откуда я в свое время получил копию ноты Гинце (как мы знаем, подтвержденную), сведения о московской немецко-большевицкой контрразведке, об ее провокационной работе в русской военной среде весной и летом 1918 г.² Конечно, это были закулисные соглашения; открыто немецкое командование отказывалось от каких-либо санкций, равно как и челябинский ревком при наступлении чехословаков 26 мая официально отклонил предложение вооружения мадьяр³. А между тем для И. М. Брушвита, проехавшего почти всю Зап. Сибирь в апреле и в начале мая, уже в Екатеринбурге стало ясно, что «в Сибири идет организация под видом интернациональных полков идеальных боевых частей немцев-мадьяр». «Я владею немецким языком, — пишет он, — и вот в кафе, в ресторанах мне при-

¹ Троцкий. Как вооружалась революция. 1925, т. I, с. 200.

² См. статью «Приоткрывающаяся завеса».

³ Анишев Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920, 1925, с. 136.

шлось слышать откровенные разговоры» [«Воля Рос.». X, с. 94]. Для Сибири это общий голос. И Гинс телеграфирует из Владивостока в Омск в августе об отрядах военнопленных, снабженных артиллерией, и кап. Кириллов сообщает об артиллерийском батальоне мадьяр в Омске [«Вольн. Сиб.». IV, с. 41]; и эсер Неупокоев в письме Дерберу в Харбин 12 марта говорит о военнопленных в иркутском карательном батальоне [«Кр. Архив». XXIX, 15]; и Авксентьев в сентябре, указывая Вологодскому, находившемуся во Владивостоке, на необходимость воздействовать на союзников, отмечает, что иначе «с нами потеряют и они», так как при участии немцев, мадьяр, латышей, китайцев на стороне большевиков, «внутренний» фронт действительно стал «внешним»; и представители иностранных миссий в Иркутске (Буржуа и Жандр) в феврале протестуют безуспешно перед местной властью против снабжения военнопленных оружием, в то время как «простым людям» это запрещено¹. И наконец, сами большевики *post factum* признают, что военнопленные повсюду в Сибири не только вливались в ряды Красной армии, но и образовывали специальные воинские части. Съезды военнопленных принимали решения о содействии Кр. армии и поголовной мобилизации². Латыши, китайцы, мадьяры на первых порах не столько сопровождали Кр. армию, как говорит Дюбарбье³, сколько, по

¹ «В Иркутске ожидается, — доносит Буржуа 25 февраля, — 10 000 немецких солдат и 200 офицеров — у меня был большевицкий приказ приготовить для них помещение. Комендант лагеря уверяет, что дело идет об участии военнопленных в обороне Сибири» [«Кр. Архив». XXXIV, с. 150].

² «Октябрьская революция и наше строительство Красной армии» [«Пр. Рев.». Кн. 76, с. 159]. Аналогичные сообщения можно почерпнуть из разных источников. См., напр., сборник «Центросибирцы» [1927, с. 90, 99]; «Партизанское движение в Сибири» [1925, с. 207–208]. Гинс, бывший в Омске, говорит, что без военнопленных и латышей «красный гарнизон» в Омске был бы совсем бессилён [I, с. 63]. В упомянутой «ноте» 22 августа Троцкий заявлял, что бывших «военнопленных революционеров-социалистов, ставших русскими гражданами, не больше одной двадцать пятой части всего количества советских войск».

³ En Siberje après l'Armistice. Париж, 1922, p. 40.

словам чешских историков этого периода, составляли настоящую основу этих войск¹. В книге Парфенова [с. 54—55] приводится небезынтересная записка проф. Томского техн. инст. Михайленко, представленная 21 августа от имени томского Комитета партии к.-д. Сибирскому правительству. Автор записки набрасывает план организации Восточного фронта при участии союзников. Попутно в ней характеризуется военная активность немцев.

«Во второй половине февраля н. г., большевистский комиссар для Сибири, Кобозев, представил в Совет народных комиссаров обширный доклад о неустойчивости советской власти в Сибири. Этот доклад вызвал тревогу в германо-большевицких кругах и был яблоком раздора между комиссарами — Лениным, Троцким, Подвойским и Раскольниковым, с одной стороны, Дыбенко, Бонч-Бруевичем и комиссарами Балтийского флота — Забелло, Мясоедовым и Измайловым — с другой. Германский штаб, по ознакомлению с упомянутым докладом, поручил своему отделению в Петрограде командировать для проверки тезисов доклада Кобозева опытных агентов... По их представлению были осуществлены следующие мероприятия:

1. В Перми, Самаре, Саратове, Казани, Царицыне и Астрахани учреждены отделения германского генерального штаба для подготовки Приволжского фронта на случай наступления сибирских войск и союзников с востока, причем по разработанному уже германскими офицерами плану главные бои должны произойти между Уральским хребтом и Волгой, западный берег которой должен служить последней укрепленной позицией.

2. В Казань, где находятся большие запасы готовых и сырых артиллерийских материалов, усиленные вывезенными с Мурмана и из Архангельска военными грузами, командированы германские химики и артиллеристы для организации вблизи фронта снабжения.

3. В Сибири вооружено до 23 марта 62 800 военнопленных, которым было предложено принять русское подданство; во главе этих вооруженных сил находился австрийский полковник

¹ *Steidler*. Naše vystonpení. Прага, 1923. «Еще в декабре при подавлении антибольшевицкого восстания в Иркутске принимают участие в довольно большом количестве» и военнопленные» — доносит консул Жандр [«Кр. Арх.», XXXIV, с. 134].

Байер, а с мая месяца военный агент при графе Мирбахе — ф. Ульрих и майор Бах».

Большевицкий историк называет записку «очевидным шерлокхольмским шедевром буржуазной клеветы и дикой инсинуации, лженамеренно оттеняющими гермаофильство советской власти». Можно допустить, что в записке имеются преувеличения, но ведь нам важна сущность дела — общее его направление, а не детали. Рисуя план антигерманского выступления, записка говорила:

«Наступление сибирск[ой] армии потребует от германского верховного командования переброски значительных сил с запада на восток, так как, кроме сибиряков, наступление немедленно начнется и в других местах: на Украине — армии ген. Скоропадского, северо-кавказских отрядов ген. Алексеева, Деникина, Эрдели; отрядов Дутова, Семенова и других, которые вне зависимости от их политической идеологии могут быть объединены на общей платформе — войны с Германией; несомненно, усилится финская федеративная партия, возглавляемая Маннергеймом. Германскому командованию придется поэтому бросить на русские фронты большие силы и затратить огромную энергию на войну на Приволжском фронте, где продовольственный вопрос обострен и где железные дороги немногочисленны.

Такое отвлечение немецких сил крайне выгодно для наших союзников, и, решаясь принять на себя часть армии Гинденбурга, Сибир. правительство может не только не отказаться от предъявления к союзникам самых тяжелых и сложных по исполнению требований, но даже начать переговоры об отмене ограничений компенсаций, предложенных России за помощь союзникам в войне с Германией до Брестского мира.

Выступление России, несомненно, будет приветствоваться не только Англией и Францией, непосредственно заинтересованными в отвлечении с Западного фронта германских войск, но и Америкой и Японией, которые ныне стоят лицом к лицу с невыгодным для них распространением германского влияния».

Указывая на способ осуществить сношения с союзниками, записка ставит более узкую задачу: «Целью настоящей записки является доказать необходимость не-

медленного сооружения в Сибири заводов, работающих на оборону, и полную приемлемость и желательность такой меры для наших союзников, у которых требование Сибирского правительства о материальной помощи безусловно встретит самое горячее сочувствие...»

* * *

Сибирская обстановка летом 1918 г. была таковой, что чешские солдаты убеждены, что большевиков против них ведут немцы и что они сами «воюют, собственно, против Германии и Австрии» [Масарик. II, с. 83]¹. Могут сказать, что такая картина создалась с момента выступления чехословаков, как бы реализовавших осуществление противогерманского фронта на востоке. Были, однако, приведены факты, свидетельствующие, что организация большевиками «солдат-интернационалистов» в широком масштабе началась задолго до чехословацкого выступления — даже до японского апрельского десанта, в котором Милюков склонен видеть, в сущности, повод, побудивший немецкое военное командование послать офицеров-инструкторов в Сибирь. Отмечу, что упомянутый дневник «Немцы в Москве в 1918 году» начинает регистрацию своих сообщений о концентрации вооруженных военнопленных, одетых в русскую солдатскую форму русских солдат, разговаривавших на чистейшем немецком языке, о немецких штабах, контрразведках, о демонстрации «интернационалистов» под лозунгом «Kaiser Wilhelm und Deutschland über alles», о тайных условиях Брестского мира, о праздновании приезда Мирбаха и т. д. и т. д. уже с конца ноября... В дни бесед Троцкого с представителями союзнических миссий из числа «друзей» советской власти потаенные разговоры ведутся большевиками и с германскими Oberleutnant'ами. «Везде и всюду немцы», — записывает автор дневника 6 марта. Он, правда, записывает не только Wahrheit, но Dichtung —

¹ Автор, отрицавший в апрельском меморандуме военные образования пленных, должен позднее констатировать, что во «всех сообщениях (из Сибири) указывалось на участие немецких и венгерских полков в большевицких отрядах».

это запись своеобразного политического фольклора. Не всегда еще можно правдоподобное отделить от безусловно достоверного. К сожалению, до сих пор нельзя еще раскрыть всех скобок — вскрыть инициалы, обнаружить в полной мере источники информации. Здесь время для безоговорочной истории действительно еще не наступило и не наступит до тех пор, пока в России царит коммунистическая диктатура с ее чекистским судопроизводством. «Их господа — немцы», — делает заключение политический осведомитель-бытописатель, находившийся до некоторой степени в центре общественных наблюдений того времени. «Прибывший 4 апреля Мирбах, — подтверждает Мякотин, — являлся чуть ли не властелином в Москве» [«На чужой стороне». II, с. 188]. Это с некоторым запозданием понял и Фрэнсис.

Политика немцев, в свою очередь, была двойственна и противоречива. Теперь мы знаем разногласия, которые существовали между военным ведомством и дипломатическим корпусом по вопросу о тактике в отношении большевиков. От большевиков спорадически эта тактика искала опоры в русских монархических кругах. Поиски были взаимны. Неоспоримо, что летом 1918 г., по мере выяснения союзнических горизонтов, выяснялось и направление германской акции в России, которая через переговоры с представителями так называемого «правого центра» о низвержении большевиков¹ пришла к солидарности действий с ними, устанавливаемой августовской нотой министра иностранных дел фон Гинце. Но не следует здесь преувеличивать роль «Восточного фронта», толкавшего якобы немцев в объятия большевиков. Это любят подчеркивать все русские политические деятели, которые относились отрицательно к «совершенно фантастическому» плану, по их мнению возникшему «в охваченных страхом от крушения русского Восточного фронта французских правительственных кругах». Эти деятели весной и летом 1918 г. примкнули в Москве к так на-

¹ Любопытно, что, по свидетельству Милюкова, для этой цели предполагалось одеть германских военнопленных в русские шинели [с. 20].

зываемому «правому центру» — среди них были, казалось бы, столь разные по политическому мирозерцанию люди, как Милюков и Гурко. Милюков написал с этой точки зрения свою историю гражданской войны, Гурко дал воспоминания, напечатанные в т. XV «Арх. Рус. Рев.» И. В. Гессена. ...«Как раз в то время, — пишет Гурко, — когда велись переговоры с французами об образовании Уральского фронта, некоторые представители германского правительства завязали сношения с группой политических деятелей умеренно-правого направления» [с. 14]. Неудачу переговоров Гурко объясняет тем, что Германия, убедившись, что «может иметь дело только с правыми общественными кругами, ...естественно, отказалась от мысли строить свои планы на воссоздании порядка в России» [с. 15].

Но основной причиной, «положившей окончательный конец переговорам с немцами», была «мысль об образовании нового Русско-японского фронта на Урале и состоявшаяся вслед за тем высадка японских войск во Владивостоке». То и другое стало известно германцам, «причем как раз в тот момент (июнь...), когда германское правительство перешло на точку зрения германских военных кругов о необходимости в германских интересах воссоздать порядок в России и покончить с большевиками». Гурко делает большую хронологическую ошибку, так как японский десант во Владивостоке произошел в апреле. Милюков идет еще дальше — он даже захват немцами Украины объясняет опасностью «маловероятного» возобновления Восточного фронта и японского десанта: «Немцы двигались навстречу Восточному фронту внутри России» [с. 20]. Эта донельзя искусственная концепция также расходится прежде всего с хронологическими датами событий.

4. Выступление чехословаков

Потому ли, что русские общественные деятели сумели воздействовать на московских представителей Антанты и убедить их, что «до свержения большевицкой власти не может быть никаких надежд на возобновление Россией борьбы

с Германией»¹; потому ли, что группа иностранных дипломатов и военных агентов, проводивших мысль о создании Восточного фронта при непосредственном участии большевиков, персонально ослабляется с отзывом из России Робинса, — «соглашательская эпопея», начавшаяся после Брест-Литовского мира, постепенно ликвидируется. И Садуль, и Маршан виновником того, что сближение с большевиками, шедшее «гигантскими шагами», аннулируется, считают французского посла Нуланса, в начале апреля вернувшегося из Финляндии. «Как только Нуланс прибыл в Вологду, — пишет Маршан, — идея интервенции по второй схеме одержала верх и приняла определенную форму: интервенция против немцев с предварительной целью уничтожения большевиков». Большевики, по характеристике Садуля, были «вне себя» по поводу интервью Нуланса 26 апреля, где тот приветствовал владивостокский десант. К тому же времени пришло новое заявление Клемансо (14 апреля) о непризнании существовавшего «русского правительства» и заключенного им мира. 9 мая Фрэнсис со своей стороны уведомляет государственный департамент, что «время для союзнической интервенции в России наступило». В своей книге «Russia from the american embassy» Фрэнсис подробно излагает мотив своего прежнего отношения и доводы в пользу новой позиции. Для Фрэнсиса нет сомнений в том, что «Германия, при посредстве Мирбаха, имеет доминирующую роль и контролирует советское правительство. Мирбах является фактическим диктатором». Вместе с тем американский посол отмечал, что «многие организации в России уведомили союзнические миссии.... что Русский народ будет приветствовать интервенцию». Сомневаясь в том, что русские могут оказать «материальную и физическую помощь интервенции», Фрэнсис признавал, однако, невозможным, чтобы политика союзников оставалась «терпимой по отношению к правительству, защищающему принципы большевизма и виновному в тех жестокостях, которые практиковались советским правительством».

¹ Это доказывали, по словам Гурко, и те будущие прогерманцы, которые раньше вели переговоры с французскими представителями [ib., p. 13].

Историк «дипломатической подготовки» интервенции, подводя итоги, говорит: к концу мая «в среде союзных миссий в России не было ни одного человека, который стоял бы на точке зрения мурманского эпизода, т. е. интервенции с одобрения и с помощью Советского правительства» [Левидов. С. 129]¹.

Напрасно, однако, думать, что политика союзников с этого момента стала отчетлива, что исчезли колебания и противоречия и устранена была двойственность всех предшествовавших месяцев.

Маршан передает слова, якобы сказанные ему французским генеральным консулом в Москве Гренаром при начале чехословацкого выступления: «Интервенция, которую мы старались вызвать и которая до некоторой степени является нашей собственной работой, началась. Нужно стараться, чтобы она была успешной...» Да, и Гренар и Нуланс стояли за «активную интервенцию» — в этом, пожалуй, нет сомнений, но этим не определялся еще окончательный выбор позиции в Лондоне, Париже и Вашингтоне. Там мы еще встретимся и с колебаниями, и с противоречиями. Там все еще не было ни «определенного плана по отношению к России», ни «единообразного отношения к большевикам» [Масарик. I, с. 214]. В силу этого и в России продолжала существовать какая-то вредная двойственность. На истории чехословацкого выступления это становится очевидно.

* * *

Несколько неожиданное выступление чехословаков спутало все карты и тем самым способствовало разъяснению запутавшейся дипломатии. Недаром 29 мая «Дейли-Мейл» писала: «Союзники должны благодарить чехословаков за окончание долгого периода сомнений и отсрочек».

Выступление чехов имело огромное значение как для «фантастического» проекта Восточного фронта, так и для всех последующих событий в России... Мотивы выступления чешскими политическими деятелями по-разному

¹ Садуль начал «определенно переходить в советский лагерь».

формулировались в разное время, поэтому необходимо остановиться на этом первоначальном периоде. Роль чехов в Сибири — большой и сложный вопрос. Теория и практика здесь резко разошлись. Жизнь действительно с большой отчетливостью подтвердила одно из положений президента Масарика: «Жить всегда одним только умом — безумие» [II, с. 140]. Вопреки всем планам одного из главных творцов чехословацкой независимости, вопреки его воле, чехи и словаки были тесно вплетены в жизнь русского народа в период сибирского «анабазиса» — так назвал Пуанкаре продвижение чехословацких войск к Владивостоку. Вопреки теоретически признаваемому принципу нейтралитета в русских делах, чехам и словакам пришлось быть определенно действенной силой на внутренних фронтах гражданской войны в России.

У руководителей чешской политики в теории была совершенно определенная позиция... Большевицкий переворот застал чехословацкий корпус как независимую часть около Киева¹. Этот корпус, с согласия русского генерального штаба, подлежал перевозке во Францию².

«С Духониным было решено, — говорит Масарик, — что наше войско предполагается исключительно против нашего врага... Так был принят и подтвержден русскими же мой главный принцип о невмешательстве. Таким образом, мы достигли уверенности, что во время партийных споров и боев среди русских нас не будут звать то одни, то другие» [I, с. 187]. Большевицкий переворот формально не изменил положения чехословацкого корпуса.

¹ По некоторым данным к концу войны в России насчитывалось до 200 тыс. пленных чехословаков; Масарик исчисляет армию в 92 тыс. В Сибири первоначальный чехословацкий корпус определялся в 40 тыс. чел.

² По-видимому, раньше проектировалось использование чехословацкого корпуса в России. На военном совещании в Яссах (ноябрь, 1917 г.) представителями союзников обсуждался вопрос о занятии чехословаками областей между Доном и Бессарабией. У Владимировой [с. 220] имеется ссылка на мне неизвестную публикацию Черенского, посланного в Румынию для защиты интересов чехословацкой армии. Затем предполагался перевоз войск в Румынию, на что Масарик не соглашался [II, с. 190].

Большевицкий главковерх Муравьев обеспечил чехам «вооруженный нейтралитет» и отъезд из России во Францию. «Таким образом, — заключает Масарик, — большевицкая революция нам не повредила» [I, с. 220].

Дело оказалось более сложным с момента отделения Украины, признанного центральными державами. Оставаться на территории государства, которое заключило мир с Германией и Австрией, чехословацкий корпус уже не мог. Кроме того, президент Чехослов. Нац. Совета руководствовался и другими соображениями как бы морального свойства. Он сам их формулирует так по отношению к Украине: «Войско было формировано с согласия России, России же наш солдат присягал в верности». Опасался проф. Масарик и за судьбу пленных: «Без России же мы не могли попасть в Сибирь, а оттуда во Францию». Согласно теории нейтралитета, Масарик отказался, несмотря на убеждения Корнилова, Алексеева и Милукова, выступить против большевиков. Надо сказать, что в аргументации своей в данном случае автор не совсем последователен, так как, помимо нейтралитета, выдвигает и другие мотивы и тем самым как бы допускает возможность вмешательства во внутренние дела России при иной обстановке. Двойственность такой позиции оказала впоследствии свое влияние в Сибири.

Проф. Масарик отверг предложение потому: 1) что, по его мнению, русские политики неверно оценивали общее положение России и у него не было доверия к их руководству и к их организационным способностям; 2) что корпус еще не был готов и в боях у Киева и Бахмача чехи убедились, что они слабы по сравнению с немцами, а чехи рисковали, что большевиков от них будут защищать немцы и австрийцы; 3) что выступление чехов было бы не понято русским населением; 4) что к чехам «сейчас же присоединились бы черносотенцы» [I, с. 213—214]. Автор, впрочем, оговаривается: «Будучи частью французской армии¹, мы, естественно, применили бы оружие для защиты

¹ Во главе этой «французской» армии стоял русский генерал Шокоров, а начальником штаба был также русский ген. Дитерихс (по-видимому, чех по происхождению). Как ни корректны

французов и всех остальных союзников, если бы на нас было совершено нападение» [с. 212]. Допускал автор и прямую даже войну с Россией — «с большевицкой Россией, так как иной не было», но ее надо было официально объявить: «Я бы присоединился с нашим корпусом к армии, которая была бы способна вести войну с большевиками и немцами и которая защищала бы демократию против большевиков» [с. 216].

Я думаю, что читатель должен будет согласиться, что и в построении проф. Масарика, к сожалению, имеются черты некоторой неопределенности и тех самых роковых противоречий, которыми отличалась вся тогдашняя политика союзников в отношении России. Таким образом, отказавшись идти вместе с антибольшевицкими силами в период соглашательского с большевиками этапа союзнической дипломатии, чехословацкие представители в России 20 марта окончательно завершили свои переговоры с советской властью о беспрепятственном проезде через Сибирь во Владивосток. По мнению Масарика, «при данных обстоятельствах сибирский путь был самый верный» [с. 221].

Сам Масарик 7 марта уехал на Запад в целях содействия перевозке чехословацких войск во Францию, оста-

были эти «чешские добровольцы» — так охарактеризовал себя сам Дитерихс Болдыреву, — неизбежно в период гражданской войны получалось весьма ложное положение какого-то «двоеподданства». Это сказывалось, как мы увидим, и на деле. С другой стороны, совместительство, естественно, влекло к «вмешательству». Прочтите, напр., характерный приказ № 1322-а 13 июля кап. Степанова, командира 1-го Чешско-словацкого стрелкового «Яна Гуса» полка: ...«Бесконечно любя Россию и видя ее грозное падение в грязную вонючую и глубокую яму, я жестоко болел душой, но вот встали вы, мои искренние, дорогие братья. Вы, революционно-творческой работе которых в течение года я отдавал все свои познания и всю свою душу на защиту поправленных прав и свобод, — и энергично зашевелила онемевшими членами родная страна. Если бы вы захотели отблагодарить меня за маленькую пользу, принесенную вашему делу, то, собравшись все вместе и продумав тысячу лет, не придумали бы лучшей награды, чем та, которую принесли моему истерзанному народу» [«Белое Дело». I, с. 92].

вив секретарю Отд. Нац. Сов. в России Клецанде инструкцию: если дело дойдет до антибольшевицкого восстания, в русские дела не вмешиваться [с. 223]¹. Впрочем, одна оговорка в видах «возможных осложнений» делается и здесь: «Лишь тот славянский народ и та партия, которые открыто вступают в союз с нашим неприятелем, являются нашими врагами» [II, с. 83].

* * *

«Нейтралитет» чехословацких войск был разрушен самой жизнью. Чешские историки и политики склонны за это обвинять большевиков, — напр., Папоушек, бывший секретарь Масарика в России, определенно заявляет, что, если бы «не абсурдное нападение большевиков на чешские эшелоны, России не пришлось бы пережить последовавшие грозные годы»². Большевицкие историки всю вину возлагают на чехов, вернее, на дипломатию союзников³. В данном случае почти бесспорно более права советская историография — двойственность союзнической позиции ставила в двусмысленное положение чехов с самого начала и подвергала большому испытанию тот «вооруженный нейтралитет», который теоретически хотел выдержать Масарик.

Соглашаясь на эвакуацию чехословаков, советская власть потребовала частичного их разоружения, сохраняя вооружение, необходимое «для обороны против контрреволюционеров» (такая мотивировка имела в телеграмме Сталина 26 марта). Изданный в Пензе приказ 27 марта предписывал каждому эшелону оставить для своей охраны лишь одну вооруженную роту. Местом разоружения должна была быть Пенза. При недоверии к большевикам пензенский «договор», по свидетельству Штейдлера, вызвал

¹ В интервью 10 апреля проф. Масарик высказался за необходимость признания советской власти *de facto*.

² «Масарик и чехословацкое революционное движение в России». — «Воля России», 1925, V, с. 177.

³ Напр., военный историк Какурин подчеркивает, что сами чехи не склонны были принять активное участие в гражданской войне [Как сражалась революция. I, с. 212].

крайнее возмущение в чешских эшелонах¹. Само по себе разоружение Масарик в своих воспоминаниях (равно и в сообщении американскому токийскому посланнику) считает вполне естественным процессом. Таким же второстепенным вопросом считал вопрос о сдаче оружия и французский комиссар при чехослов. Нац. Совете майор Верже, писавший в «Чехословацком Дневнике» (официозная газета при армии): «Оружие, которое вы имеете, было вам дано Россией, когда вы вступили в ряды ее армии. Эта армия теперь мобилизована. При самых выгодных условиях вы бы сдавали оружие во Владивостоке, но не забывайте, что Франция вооружит вас с головы до ног, как только вы придете на французскую территорию».

Следует иметь в виду, что продвижение эшелонов началось тогда, когда советская власть чувствовала себя весьма нетвердо в Сибири и организующаяся «контрреволюция» стала то там, то здесь себя проявлять. Еще 10 марта президиум Центросибири, опасаясь выступления против власти, признал нежелательным продвижение чехословаков и ходатайствовал перед Совнаркомом о направлении эшелонов на Архангельск [«Хроника». Прил. 60]. Это ходатайство до некоторой степени совпадало с тенденцией французской миссии двигать чехов через Архангельск [Масарик. II, с. 84]². Впрочем, не одна только французская миссия выдвигала такой план. При возможности соглашения с большевиками на почве единого противонемецкого фронта считалось нецелесообразным движение на восток. Так, Робинс телеграфирует Фрэнсису 29 марта: «Посылка этих войск кругом света является бессмысленной тратой времени, денег и тоннажа». Таким образом, приостановку продвижения чехословаков в апреле нельзя отнести только на счет злой воли большевиков. После японского десанта советская власть вдвойне склонна была изменить маршрут, не доверяя лояльности чехов и «опасаясь захвата Сибирской жел. дор.» [письмо Садуля Тома 21 мая]³. И охотно шла, как утверждает Садуль, на эвакуацию через Архангельск — если пе-

¹ Часть оружия была скрыта.

² Проф. Масарик не сочувствовал такому продвижению, видя в этом раздробление чешских сил.

³ Также «Центросибирицы». С. 16.

реброска фактически задерживалась, то потому, что Троцкий не получал ответа относительно тоннажа. Затруднение якобы встретили большевики и в требовании немецкого правительства о возвращении военнопленных, в силу чего 21 апреля Чичериным было отдано распоряжение о приостановке передвижения чехов на восток.

Эвакуировавшиеся чехи ничего не знали о закулисных проектах и разговорах... Большевики опубликовали характерный документ, вскрывавший закулисную сторону. Это письмо чешского представителя Нац. Сов. в Вологде при союзниках — д-ра Страки, датированное 9 мая. Он описывает свой разговор с Лелонгом, уполномоченным ген. Лаверна, приехавшим из Москвы. По словам последнего, телеграмма Чичерина, на основании которой чешские эшелоны, находившиеся на запад от Омска, направляются на Архангельск и Мурман, явилась «благодаря влиянию союзников». На вопрос Страки: «Можно ли нам открыто перед нашими войсками сказать, что направление на запад определено союзниками, а не Россией и почему?» — он получил ответ: «Нет, это нельзя... Намерение союзников — неизвестно посольствам, находящимся в Иркутске. Это известно лишь 4—5 лицам и непременно должно оставаться тайной: этого требует интерес самого вопроса, и от этого может зависеть успех» [*Владимилова. С. 224*].

Вероятно, скрытность в данном случае объяснялась нежеланием, чтобы немцы узнали о направлении эшелонов на север, где проектировался союзнический десант, к которому, очевидно, должны были присоединиться переправляемые во Францию чехословаки. Но на сибирские эшелоны приостановка продвижения произвела сильное впечатление. В ней видели немецкую интригу. К тому же шла агитация чешских коммунистов, сеявших слухи о том, что войска до Франции не дойдут.

«В атмосфере, насыщенной взаимным недоверием и подозрениями, — пишет историк чехословацкой «легии» в Сибири, — наши войска чувствовали себя очень плохо, и среди них начали раздаваться голоса, требующие, чтобы продвижение на Владивосток было достигнуто более радикальным способом. Достаточно сослаться на резолюцию секретного совещания начальников отрядов пер-

вой чехословацкой дивизии 13 апреля, известной под именем Кирсановской резолюции, которая была подана командиру корпуса... Но и во второй дивизии, первые эшелоны которой были уже во Владивостоке, а другие находились частью в Сибири, а частью на Урале, было такое же настроение. Там были главным образом офицеры 7-го полка, капитаны Гайда и Кадлец, которые уже в начале мая были убеждены, что конфликт с большевиками неизбежен и что дорогу во Владивосток придется пробивать с оружием. Поэтому на всякий случай старались обеспечить свои отряды; например, капитан Гайда в половине мая неофициально вступил в переговоры с некоторыми руководителями русского тайного антибольшевицкого движения в Новониколаевске» [«Вольная Сибирь». IV, с. 19—20].

На почве общего возбужденного настроения 14 мая в Челябинске произошел инцидент, которому суждено было стать формальным поводом к вооруженному выступлению чехов. Инцидент состоял в убийстве чехами мадыарского солдата, обвинявшегося в поранении чеха. Челябинской следственной комиссией было арестовано несколько чешских офицеров, заподозренных в сношениях с «контрреволюционерами» (чешские источники говорят об аресте депутации, посланной в Совет)... В ответ, по распоряжению командира чешского эшелона Войцеховского, был занят вооруженными силами вокзал и предъявлено ультимативное требование об освобождении арестованных. В сущности, конфликт был улажен на этот раз без кровавого столкновения. Но большевики, утверждает Штейдлер, «воспользовались этим случаем, чтобы окончательно ликвидировать весь чехословацкий вопрос».

21 мая были арестованы в Москве оба представителя Отделения Чехосл. Нац. Совета Макса и Чермак «совершенно незаслуженно», так как вели себя лояльно по отношению к советской власти. Одновременно с арестом было дано распоряжение о полном разоружении и расформировании чешских эшелонов [телеграммы Троцкого и Аралова]. Чехословакам было предложено «организоваться в рабочие артели по специальностям и вступить в ряды Красной армии». Обе слишком поспешные телеграммы, объясняемые сведениями, доходившими до боль-

шевиков, являлись крупной тактической ошибкой со стороны большевицкой власти, но едва ли есть какое-нибудь основание предполагать здесь провокацию: выступление чехословаков было не в интересах большевиков. Последние так мало рассчитывали на возможность сопротивления на Урале, что даже эвакуировали золотой запас в Казань, как наиболее безопасное место¹.

«Лояльные» Макса и Чермак, принимая все условия Троцкого, предписывали с своей стороны сдать все оружие официальным представителям местных советов, причем объявляли, что «каждый, кто не выполнит этого приказа», должен рассматриваться как мятежник и ставит себя вне «закона». От имени Масарика Макса заявил, что происшедшие недоразумения в Челябинске, ошибка чехов. Он требовал немедленного прекращения всякого рода выступлений, которые препятствуют выполнению «национального дела». Отмечая уступчивость Максы, Садуль вместе с тем выражает сомнение, что чехи в Сибири доверчиво отнесутся к этим телеграммам... Там настроение, как мы знаем, было уже иное. По словам Штейдлера, уступки, сделанные советской властью, вызвали большое возмущение, и Отделение Нац. Совета ввиду проявленного оппортунизма потеряло авторитет в войсках...² Съезд воинских делегатов в Челябинске (16—20 мая) встал определенно на точку зрения неизбежности столкновения и постановил, прекратив дальнейшую сдачу оружия, двигаться «собственным порядком» во Владивосток. Управление передвижения было изъято из-под руководства Отд. Нац. Сов. и передано особому исполнительному комитету съезда во главе с командирами полков — Чечек, Гайда и Войцеховский. Председателем Комитета был избран член Отд. Нац. Совета Б. Павлу.

¹ Большевицкие историки видят здесь ловкий шаг эсеровских заговорщиков, проникших в правительственные органы и сумевших устроить эвакуацию золота туда, где предполагалось поднять восстание.

² *Драгомирецкий* [Чехословаки в России] дает другое объяснение: «Чехословаки, конечно, поняли, под каким давлением была доставлена эта телеграмма, посмеялись над ее содержанием и ответили, что они не признают над собой власти ее авторов» [с. 57].

В сущности, произошла маленькая внутренняя революция¹. «Относительно внутренних русских дел оставался действительным старый принцип нейтралитета²», — подчеркивает Штейдлер. Ясно, однако, что теперь это было фикцией. Чехи должны были столкнуться с антибольшевицкими силами, иначе им грозила бы опасность попасть вновь на положение военнопленных и быть выданными Германии... С этой стороны Масарик прав, когда говорит: «Наши бои в Сибири не были интервенцией — только обороной» [II, с. 82].

25 мая последовала известная грозная по содержанию телеграмма Троцкого: «Все советы на жел. дор. обязаны под страхом тяжелой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на жел.-дор. линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь военнопленных... Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников... Ни один вагон с чехословаками не должен продвинуться на восток...»

Большевицкие отряды, говорит Штейдлер, «предательски» напали на наши эшелоны... Во всяком случае, начались повсеместные выступления чехов и сорганизовавшихся русских антибольшевицких сил.

«Сталкиваясь непосредственно с организованными мадьярами, считая, что требования разоружения и остановки продвижения на восток исходят от Мирбаха³, наши сол-

¹ Подшивалов. Гражданская борьба на Урале. 1917.

² На первых порах чешские руководители в Сибири действительно строго держались заветов Масарика. Делегат Добровольческой армии в Сибири ген. Флуг тщетно пытался войти с ними в соглашение.

³ Это усиленно подчеркивалось чехами, как свидетельствует рапорт, представленный Мирбаху германскими делегатами, бывшими в Пензе 29 мая и арестованными чехами. «Нам заявили, что, по имеющимся в их штабе (т. е. в штабе дивизии кап. Чечека) данным, председатель германской комиссии военнопленных лейт. Лессинг руководит большевицкими отрядами и приказал германским военнопленным принять участие в боях большевиков с чехами.

даты, — пишет проф. Масарик, — были убеждены, что большевиков против нас ведут немцы... и что воюют, собственно, против Германии и Австрии». Казалось, что «воскресший чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами» [II, с. 83—84]. Только русские проявляли большой интерес к «противосоветскому фронту», а чехи к «противогерманскому»¹.

Таким образом, в Сибири взаимоотношения определились достаточно ясно. Как заявили впоследствии большевики в воззвании Комиссариата Сов. Упр. Сибири от 1 августа, «40 000 новых иноземных помощников в лице чехов» шли, чтобы «закабалить» трудящихся Сибири, сделать их «рабами» и «задушить революцию» [«Хр.». Прил. 42]. Иностранная дипломатия в Сибири все же удивлена конфликтом и принимает «все меры к мирной его ликвидации» [*Штейдлер*]. Вступается за чехов и центр.

24 июня Садуль пишет²: «Вчера я снова подтверждал Троцкому, что французская военная миссия удивлена и обескуражена борьбой, неожиданно возникшей между советами и чехословаками»... Начинается какая-то полная неразбериха. Садуль более 100 раз официально говорит Троцкому от имени ген. Лаверна о желании Франции ликвидировать конфликт в Иркутске.

24 июня между мирной делегацией Центросибири и чехословацкими эшелонами заключается даже договор, по которому на протяжении всей Сибири устанавливается «общее перемирие». Предварительные условия как основа для мирных переговоров гласят: взаимное освобождение пленных; отказ чехов от всякой связи и содействия политическим партиям и пр., борющимся против советской власти; в случае ликвидации конфликта чехословацкие войска начинают отправляться из Владивостока с 1 июля и т. д. [«Хр.». Прил. 35]. В конце того же

Мы опровергаем это утверждение... На самом деле в борьбе на стороне Советского правительства приняли участие только те германские и австрийские военнопленные, которые состояли в красной гвардии и были нами исключены из списков военнопленных» [*Bothmer. Mit graf. Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922*].

¹ *Přikryl. Sibiřská drama. Прага, 1929.*

² «*Quarante lettres*». P. 82.

июня, говорит Штейдлер, чехословацкие эшелоны получают «полуофициальное» сообщение, что Антанта одобряет выступление и что союзники придут к ним на помощь. Очевидно, Штейдлер имеет в виду заявление представителя французской военной миссии в Сибири майора Гинэ. Он обратился к чехословацким войскам с таким воззванием: «На здар, братья! Вчера я был счастлив сообщить временному исполнительному комитету чехосл. армии великую новость: шифрованную телеграмму от французского посланника, доставленную мне специальным курьером и содержащую извещение о выступлении союзников в России. К великому своему удовольствию, я уполномочен передать чехословацким частям в России за их выступление благодарность союзников»...¹ Садуль 13 и 16 июля, комментируя этот документ, утверждает, что генерал Лаверн отрицает его аутентичность и что Гренар официально должен его опровергнуть [ib. P. 94, 98]. Садуль прав: параллельно ведутся две политики, взаимно друг друга исключаящие.

* * *

Вся эта действительность могла бы быть целесообразна в том случае, если бы определенно принятое решение идти с антибольшевицкими русскими силами диктовало выжидательную тактику с целью помочь сорганизоваться в крайне ненормальных и тяжелых условиях, о которых говорит Фрэнсис в своей «исповеди» (так называет Левидов страницы в воспоминаниях американского посла, обосновывавшие необходимость выступления союзников в России). Этого определенного, окончательного официального решения еще не было. Отсюда «ложным» считает Штейдлер утверждение большевиков, что план чехословацкого выступления был заранее подготовлен [«Вольная Сибирь». IV, с. 26]. Это — версия чешских коммунистов, относивших в своем органе «Прокопник Свободы» (27 июня) соглашение уже к марту месяцу. То же утверждал работавший в военной миссии француз-

¹ «Чехосл. Дн.», № 108; «Заря», № 13; *Владимирова*. С. 227.

ский коммунист Паскаль на московском эсеровском процессе [*Владимилова*. С. 215].

Большевицкие историки усиленно цитируют сообщение о якобы бывшем в Москве в апреле совещании во французской миссии при участии русских военных о создании противогерманского фронта и использовании чехов. Наиболее подробные сведения об этом совещании находятся в книге Парфенова.

«В апреле, — пишет Парфенов, — центральному¹ штабу стало известно, что в Москве, в связи с прибытием из Парижа представителя французского генерального штаба, полковника Корбейль, начальником французской военной миссии генералом Лаверн и английской — генералом Локкарт, с участием представителей русской академии генерального штаба, полковника Сыромятникова и генерала Иностранцева, разрабатывается план низвержения советской власти и возобновления противогерманского фронта на территории России.

Для координирования действий и информации о положении дела в Сибири 12 апреля в Москву был послан представитель центрального штаба, капитан Коншин, который с документами представителя союза сибирских кооперативных союзов Закупсбыта, совершенно свободно доехал до Москвы, принимал участие в контрреволюционном совещании в стенах французской военной миссии и так же свободно возвращался в Новониколаевск.

На этом московском совещании решено было, что чехословацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток с согласия Совета Нар. Комиссаров, постепенно займут наиболее стратегические опорные пункты Уссурийской, Сибирской и Уральской жел. дороги и, координируя свои действия с нелегальными контрреволюционными организациями, выступят против советской власти. За эту «услугу» английское и французское правительства обязывались помочь отделению чехословаков от Австро-Венгрии и признать будущую Чехословацкую самостоятельную республику и в дальнейшем выплачивать содержание чехословацким войскам. Причем, учитывая настроение

¹ Сибирскому — об этом см. следующую главу.

чехословацких войск, имелось в виду «убедить» военного и морского комиссара Советской республики Л. Троцкого «разоружить» чехословаков, что должно было послужить сигналом и быть оправданием в глазах последних факта их противосоветского выступления¹ [с. 19—20].

В истории гражданской войны еще столько неясных и загадочных страниц, что пока нет возможности отделить в этом рассказе истину от вымысла. Невероятного ничего в нем нет. Надо помнить, что отдельные представители союзников в России, оторванные от центра, вели, часто вынужденно, свою самостоятельную линию, создавали и осуществляли свои планы, иногда совпадавшие, а иногда и расходившиеся с предложениями других представителей: расхождение было не только между дипломатическими ведомствами и военными миссиями, что в своих письмах отмечает Садуль в отношении Франции, — «расхождение» было между отдельными лицами. Поэтому и заверения, и обещания, и действия так часто бывали и неопределенны и противоречивы.

* * *

В июне как будто бы нет уже сомнений в том, что союзники фактически поддерживают противобольшевицкий фронт. В разных русских общественных кругах совместно с отдельными представителями союзников обсуждается план действий. Эти переговоры более или менее подробно описаны деятелями «Правого» и «Национального Центра» и «Союза Возрождения»; о них рассказано на московском процессе эсеров и самими подсудимыми и свидетелями из бывших соратников иностранных миссий; они изложены в показаниях Савинкова. Мы не можем на них останавливаться². Это будет уже другая тема, требующая особого, прежде всего критического детального рассмотрения — столько здесь контroversов и искажающих действительность тенденциозных показаний. Нет фактов, на

¹ По наведенным мною справкам, ген. Иностранцев, во всяком случае, отрицает свое присутствие на таком собрании.

² Все эти данные суммированы в книге Владимировой.

которые неоспоримо можно бы было опереться. Представители союзников совершают «соглашения», о которых в центре не знают. Все конспирируют-конспирируют друг от друга, участвуют на свой страх и риск в отдельных «заговорах», имеющих уже определенную цель низвержения существующей власти.

На какие общественные круги можно было опереться? Если Пишон из Сибири рекомендовал обосноваться на левых государственных элементах¹, то в Париже склонны считать, что для России приемлема только монархия. Пожалуй, такая же точка зрения начинает господствовать и в среде английского правительства. По крайней мере, Гавронский, после одной ответственной беседы, сообщает Чайковскому 11 сентября²: «Английское правительство считает необходимым опереться на монархистов, так как почти вся кадетская партия, в которой произошел сдвиг направо, состоит из монархистов»... Она считает не существенным, если «придется организовать сопротивление Германии в России, опираясь на монархию, так как Германия будет окончательно побита, а не опираясь на германскую реакцию, русская реакция не страшна, в конце концов, она исчезнет сама собой»... «Юридически, — добавляет интервьюер, — англичане признают только то правительство, которое будет санкционировано Учр. Собр.». Но умеренно правые (термин Гурко) элементы отгалкивают своей несвоевременной немецкой «ориентацией». И ставка делается на всех. Нельзя обвинять за это представителей иностранной дипломатии. Как было разобратся в русской общественной мешанине? Где и у кого были гарантии на успех? Это была игра со многими неизвестными. Но вот в чем была ошибка дипломатии — если хотите, ее преступление. Русская антибольшевицкая обще-

¹ Пишон указывает, что организующим началом при интервенции могли бы служить кооперативы [с. 34].

² Бумаги Чайковского в пражск. Архиве. Ср. письмо А. Ф. Керенского, приведенное мною в работе о Чайковском: «Известия о переходе консервативных и даже либеральных во главе с Милюковым групп на сторону Германии вызвали, видимо, у французской и английской дипломатии стремление перехватить ускользающую силу на свою сторону» [с. 57].

ственность, конечно, не была в то время достаточно осведомлена о закулисной «интриге», в которой, как мы видим, немаловажную роль сыграли и большевики. О двойной бухгалтерии союзников при создании Восточного фронта, вероятно, очень немногие имели весьма отдаленное представление. И когда иностранные дипломаты уверяли о близости «интервенции», уже в антибольшевицком «аспекте», мы им верили и на этом основании создавали свои построения¹. Происходила вольная и невольная «провокация», вызывавшая преждевременные самостоятельные выступления русских организаций вне связи с общим планом.

* * *

Мне кажется, нечто аналогичное произошло и с чехословацким выступлением. Сам же факт выступления ребром поставил вопрос об интервенции в общественном мнении союзных держав. Именно с июня начинается новая газетная кампания за интервенцию: даже итальянская «Корьере делла Сера» 2 июня требует прекращения политики пассивности по отношению к русскому вопросу и заявляет, что «молчаливая оппозиция, зародившаяся в тылу большевицкого террора, должна быть всячески поддержана».

В связи с чехословацким восстанием «военная сторона интервенции резко изменилась, — пишет 1 июня «Манчестер Гардиан», бывшая противница интервенции, — речь идет о том, чтобы прийти в соприкосновение с чехословаками и сделать их ядром для новой армии, могущей сражаться против Германии, и воссоздать Россию». «Нет никакого другого пути, кроме посылки в Россию союзных войск в достаточном количестве, — утверждает 2 июля «Дейли Кроникл», — чтобы они могли служить ядром для всех тех сил России, которые стремятся к восстановлению независимости». Орган Клемансо «Ом Либр»

¹ Савинков в своих показаниях утверждал, что через Гренара ему была прислана телеграмма Нуланса, в которой «категорически» подтверждалось, что «десант высадится между 5—10 июля», и указывалось о необходимости начать в то время восстание на Верхней Волге.

заявляет 1 июля, что история России приближается к поворотному пункту и требует от союзников не упускать момента. Левидов делает характерное сопоставление, отмечая, что в это самое время, 1 июля, Сесиль в парламенте говорит: «Если Советское правительство обратится с просьбой союзной морской или военной помощи для защиты русской территории против Германии, то это предложение получит дружеское рассмотрение». Но это уже лишь запоздалые отзвуки прошлого. Некоторый внешний флер — и только. Достаточно ясно ставила вопрос Вашингтонская декларация Чехословацкого Нац. Совета 28 июля. Отмечая колоссальные стратегические возможности и приводя мнение вождей чехословацких сил в России о желательности восстановления Русско-германского фронта, декларация спрашивала: «Должны ли мы отправляться во Францию или сражаться в России?»... «Масарик тогда дал инструкцию, — продолжает декларация, — чехословакам, находящимся в Сибири, пока остаться там. Но вопрос о пребывании или об уходе из России зависит не от одних чехословаков. Это должно быть решено союзниками, ибо чехословацкая армия является одной из союзных армий и находится под командованием Версальского военного совета. Безусловно, чехословаки желают избежать участия в гражданской войне в России, но в то же время они понимают, что они могут оказать, оставаясь здесь, гораздо большие услуги, нежели если они будут перевезены во Францию. Они предоставляют себя в распоряжение верховного союзного Совета».

Выступление чехословаков в Сибири, по словам Масарика, произвело «удивительное, можно сказать, невероятное» впечатление в Америке. «Наша Армия в России и в Сибири стала предметом всеобщего интереса... Анабазис наших русских легионов действовал не только на широкие круги, но и на круги политические... все это представлялось в виде чуда или сказки» [II, с. 78].

«В Америке поднялись голоса за интервенцию», — отмечает нью-йоркский корреспондент «Дейли Кроникл».

«Положение в Сибири заставляет Соед. Штаты предпринять шаги для помощи ей против немцев. Соед. Штаты должны предложить чехословакам, полякам и другим на-

родностям в России сражаться за свою свободу», — заявляет 20 июля сенатор Люис в сенате.

Такое же впечатление было и в Европе. Ллойд Джордж приветствовал президента Чехос. Нац. Комитета в Париже «по поводу блестящих успехов, достигнутых чехословацкими войсками над немецкой и австрийской армиями в Сибири». «Ваш народ, — заканчивает Ллойд Джордж, — оказал неоценимую услугу России и союзникам в их борьбе за освобождение мира от деспотизма» [*Масарик*. II, с. 79].

Чехословаки — как говорилось в декларации Бальфура от 9 августа о признании прав чехословаков на государственную самостоятельность — задерживают «немецкое вторжение в Россию и Сибирь».

Склонился наконец к интервенции и Вильсон, который, по словам американского журналиста Кольфорда, «задерживал интервенцию в течение шести месяцев», — согласился потому, что интервенция стала «неизбежна». (Незадолго перед этим потерпела неудачу миссия Бергсона, отправленного, по инициативе Клемансо, в Вашингтон для защиты перед Вильсоном идеи необходимости создания Восточного фронта.) Весы перетянула чехословацкая акция в Сибири¹. В официальном заявлении вашин-

¹ Несомненно, на устранение некоторой предвзятости к интервенции со стороны западноевропейского демократического общественного мнения, с которым правительствам Антанты приходилось сильно считаться, повлияли и летние выступления Керенского, прибывшего в Европу со специальной миссией пропаганды от московского «Союза Возрождения» [см. книгу о Чайковском]. По поводу речи Керенского на рабочей конференции — речи, по словам Набокова [с. 227], «произведшей очень сильное впечатление», «Дейли Кроникл» писала: «...мы видим, общая программа Керенского о деятельности союзников в русском вопросе близко совпадает с той программой, которую столь долгое время выставляли мы». Радикальная «Дейли Ньюс» заявляет: «Речь Керенского явилась призывом к союзной интервенции в России». См. статьи «Таймса» и др. [*Левидов*. С. 147]. Сам Керенский говорит, что к моменту его приезда Лондон и Париж уже совершенно определили линию своего поведения к России [*Издадека*]. С. 131].

Так было, быть может, в теории, но не на практике. Керенский, желавший выехать в Россию, получил отказ под тем пред-

гтонского правительства, опубликованном 3 августа, было сказано, что правительство Соед. Штатов считает допустимыми военные действия в России «лишь в целях оказания помощи чехословакам против нападающих на них вооруженных австрийских и германских военнопленных и помощи стремлениям к самостоятельности и самозащите, насколько сами русские захотят принять такую помощь». Как видим, насколько был ясен первый тезис, настолько туманен второй.

«Интервенция» решена и главным образом для помощи чехам. «Правительство Соед. Штатов, — гласила японская декларация 2 августа, — недавно обратилось к японскому правительству с предложением скорейшей посылки войск, дабы облегчить давление, оказываемое на чехословацкие силы... Принимая это решение, японское правительство... вновь подтверждает свою неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в ее внутреннюю политику»¹.

Фактическим окончательным разрывом с большевиками явился отъезд послов из Вологды, последовавший 25 июля. Советская власть пыталась противодействовать этому отъезду, для чего в Вологду приезжал Радек². Поворот политики уже совершился, и скоро «муромский эпизод» из интервенции при содействии советской власти превратился в интервенцию против нее... «Большевики вынуждены будут теперь повернуться к немцам», — заметил Садуль...

логом, что содействие Англии в данном случае противоречило бы «решению английского правительства не вмешиваться во внутреннюю политику России». Надо сказать, что это было уже в августе. Керенскому не доверяли, пребывание его в России считали вредным, и, быть может, в ответе заключалась просто неудачно сформулированная бюрократическая отписка.

¹ Декларации всех правительств союзнической ориентации и другие официальные документы имеются в приложении к русскому изданию доклада Пишона.

² Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Показания Фрэнсиса. М., 1927, с. 155.

Таковы факты, и на них нельзя не обратить внимания. Может быть, теперь станут более понятны слова адм. Колчака на допросе во время иркутского следствия: «Сама цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер — это не было помощью России, все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских» [«Допрос». С. 145].

Национальная Россия — ее сознательные силы — имела полное право противопоставлять себя советской или, вернее, захватнической большевицкой власти, действовавшей под интернациональным лозунгом. Но только в августовском заявлении британского правительства за подписью Бальфура она, в сущности, могла увидеть прямое обращение к себе: «Ваши союзники не забыли о вас: мы помним о тех услугах, которые были оказаны вашими геройскими армиями в первые годы войны, и мы приходим, как друзья, к вам на помощь, чтобы спасти вас от раздробления и разрушения от рук Германии... Мы сожалеем о разделяющей вас гражданской войне и о внутренних ваших несогласиях, облегчающих осуществление германских завоевательных планов, но мы не имеем намерения навязывать России какой-либо политический строй. Судьбы России находятся в руках самого русского народа... Народы России, объединяйтесь с нами для защиты ваших свобод. Нашим единственным желанием является видеть Россию сильной и свободной, а затем отстраниться и предоставить русскому народу выковать свою судьбу в согласии с свободно выраженной волей народа».

Интервенция, решенная, оставалась, однако, неопределенной и пассивной. Она скоро глубоко разочаровала чехословаков в России. Действия союзников — пусть вынужденно — не приобретали достаточно осязательных форм. Самочувствия оказавшихся на Волге и в Сибири эшелонов не могло удовлетворить сознание, что даже французские социалисты голосовали за бюджет на

союзные чешские войска в Сибири (из позднейшей речи военного министра Штефаника). Ждали более реальной помощи. Сказочная, по выражению Милюкова, армия у Вологды, о которой говорил Гинэ, не появлялась [II, с. 84]; не приближался и десант с Востока. И совершенно невольно в сознании чехословацких вождей в Сибири их выступление стало приобретать иной характер, чем тот, который пытались ему придать на первых порах. Единственной целью становилось создание опорной базы для русских, борющихся за освобождение своей страны. Если декларация высокого комиссара французского правительства в Сибири, 10 сентября, еще говорила, что «непосредственной причиной» выступления явилась необходимость оказать помощь чехословакам, которые следовали через Россию с «единственной целью» отправиться сражаться с немцами на Западном фронте, «никоим образом не вмешиваясь во внутреннюю политику страны, но были преданы большевиками, нарушившими соглашение, и атакованы вооруженными германо-австрийскими пленными», то сами руководители чехословацких легий, разочарованные в помощи союзников после тяжелой борьбы на Волге, в своем обращении к русскому обществу в Самаре 15 сентября говорили уже о сверхчеловеческих усилиях, которые употребили чехословаки, чтобы дать возможность русскому народу организовать себя. Политические руководители «легий» жаловались, что не встретили той поддержки и того понимания, на которые они вправе были рассчитывать, когда решились протянуть русскому народу бескорыстно братскую руку.

Психологически новая точка зрения была понятна, но она в значительной степени противоречила фактам.

И насколько было бы целесообразнее, если бы основная задача была с самого начала ясно поставлена. В действительности истекшие 9 месяцев подготовки «интервенции» для союзников были временем колебаний и противоречий, для чехов — компромисса, для большевиков и немцев — двойной игрой. Определенна была лишь позиция тех русских общественных сил, которые концентрировались на Волге и в Сибири для борьбы с боль-

шевиками¹. В одном отношении они были единодушны — они безоговорочно стояли на почве создания противогерманского и противобольшевицкого фронта при помощи союзников² и тех чешских эшелонов, которые логика истории повернула с востока на запад (Голечек). Эта логика истории, мне кажется, может быть выражена словами проф. Масарика, сказавшего в мае 1917 г. в Петрограде: без России «чешская независимость лишается необходимой опоры».

¹ Надо ли делать оговорку, что я, говоря о Восточном фронте, не касаюсь в данном случае тех, кто действовал в рядах Добровольческой армии на Юге?

² В Сибири по-разному, конечно, определялись пределы возможной интервенции. Например, Будберг в дневнике идет очень далеко: «Нужна открытая и честная деловая сделка, а не полужульнические с обеих сторон фигли-мигли, — говорит он на своем образном языке. — Нужно откровенно сознаться, что восстановление порядка и возобновление государственного аппарата среди распустившихся масс требует наличия силы... а так как своей силы нет, то и приходится просить временной помощи союзников. Нужно сказать правду» [XIII, с. 224].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Освобождение Сибири

1. Социалистическая власть

«Боевые усилия наших войск, направленные к занятию магистрали с целью эвакуации к морю, сопровождались затем другими событиями, — пишет д-р Штейдлер в очерке «Выступление чехословаков в России 1918 г.»¹, — которые были исторически важнее... Наши победы в мае и июне одновременно стали импульсом к местным антибольшевицким переворотам, производимым русскими антибольшевиками под руководством социалистов-революционеров, которые, впрочем, давно, до нашего выступления и независимо от него готовились к перевороту. Выступлением наших войск этот переворот был только ускорен и, конечно, облегчен... Наскоро сформированные им отряды русских добровольцев приняли участие в боях наших войск с большевиками. И надо признать, что явно антибольшевицкое и чехофильское настроение населения значительно помогало нашим военным успехам. Ценную помощь оказали особенно русские офицеры, казаки, студенты и остальные добровольцы (глав. обр. в позднейших боях) и железнодорожники, без участия которых было бы, при нашем наступлении, невозможным продвижение поездов».

В изложение это, пожалуй, надо внести несколько поправок, поскольку дело касается Сибири. Здесь часто инициатива выступления принадлежала русским — далеко не всегда «под руководством социал.-революционеров», и чехословаки играли лишь вспомогательную роль.

* * *

Сибирь вообще была несколько в ином положении, чем Европейская Россия. Ноябрьские события, т. е. боль-

¹ «Волн. Сибирь». IV, с. 25. Штейдлер — автор специальной работы «Československé hnutí na Rusi» («Чехословацкое движение в России»). В серии «Памятники войны». Прага, 1922.

шевицкий переворот, разыгрывались с опозданием и растянулись на три месяца (с ноября по февраль): в Томске, например, советская власть пришла лишь в марте. Сам переворот носил несколько специфический характер. Достаточно сказать, что на Урале большевики выступали под флагом Учредительного Собрания и демократической республики¹. Большевицкий историк Парфенов должен признать, что до октябрьских дней в Сибири, за исключением Енисейской губ., «не было почти ни одного совета, который бы стоял активно и целиком на платформе октябрьской революции» [с. 7]. В советах настолько сильно было антигерманское настроение, что второй всесибирский съезд советов 8 февраля заявил от имени «Сибирской советской республики», что он «не считает себя связанным с мирным договором, если таковой заключен Сов. Нар. Ком. с германским правительством» [«Хроника». Прил. 19].

Эта местная обстановка придавала на первых порах и особый колорит борьбе, которую вела так называемая революционная демократия с захватчиками государственной власти. Хотя головка сибирской компартии с самого начала провозгласила: «Да здравствует гражданская война»², в левых общественных кругах Сибири была популярна роковая концепция общесоциалистического фронта, т. е. стремление так или иначе договориться с большевиками³. Едва ли не этим следует объяснить то, что переход власти к советам произошел повсюду бескровно — за исключением Омска и Иркутска, где были выступления юнкеров и прапорщических школ, впрочем, не связанные непосредственно с захватом власти большевиками⁴. Чрезвычайно характерно иркутское восстание — бой, так

¹ См. выше цитированную работу Подшивалова [с. 57].

² *Шумяцкий*. Сибирь на путях к октябрю. 1927, с. 12.

³ О пресловутой формуле организации государственной власти по принципу от нар. соц. до большевиков, выдвинутой в октябрьские дни, см. мою книгу «Чайковский», глава II «Большевики и октябрьский переворот».

⁴ Кроме Шумяцкого, о выступлении в Омске см.: *Басов М. К.* истории юнкерских восстаний в Сибири. — «Сиб. Огни», 1922, № 4.

сказать, впустую. Желая во что бы то ни стало избежать ужасов гражданской войны, представители партий с.-р. и с.-д. в объединенном заседании советов предложили большевикам образовать орган власти из представителей всей «революционной демократии». Большевики согласились, но тем не менее создали свой военно-рев. комитет. Тогда «объединенная демократия» с своей стороны создала «комитет защиты революции», заявив 10 декабря, что она признает высшим органом власти в Сибири лишь временное Сибирское правительство, долженствовавшее быть избранным на проходившем в Томске Чрезвычайном сибирском областном съезде. Комитет призвал офицеров и юнкеров выступить против захватчиков власти. В организованный штаб вошли: полковники Иванов-Ринов, Скипетров, Никитин и некоторые эсеры, между прочим, член ЦК партии Тимофеев. (Обратим внимание на эти имена!) Восемь дней шел бой в Иркутске (убитых и раненых насчитывалось до 1000 человек) и закончился — не без посредства читинцев, пытавшихся примирить «оба крыла демократии», — мирным договором 20 декабря, создавшим коалиционную власть от народных социалистов до большевиков...¹ Военные представители штаба бежали... Большевики последовательно и настойчиво проводили свою собственную политику, а все остальные бесплодно старались создать в Сибири социалистическую коалиционную власть — ею после октябрьского переворота должна была явиться Сибирская Областная Дума.

* * *

Еще в дни Временного правительства началась в Сибири работа по организации местной областной власти. Происходившее в августе в Томске «народное собрание» постановило созвать общесибирский съезд для разработки основных положений областного самоопределения Си-

¹ Управляющий французским консульским агентством в Иркутске Жандр упоминает о посредничестве иностранных представителей [донесение его 23 декабря. — «Кр. Архив». XXXIV, с. 133].

бири, подлежавших утверждению Учр. Собрания. Первый съезд 8—17 октября декларировал автономное устройство Сибири. На основании этого 9 декабря собрался Чрезвычайный общесибирский съезд. Прибыло 155 делегатов¹. Признав единственным источником государственной власти Учр. Собрание, съезд постановил: «Временно создать во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством от национальностей, власть в лице Сибирской Областной Думы и Областного Совета, ответственного перед Областной Думой». Контролирующий и законодательный орган, т. е. Дума, должен «состоять исключительно из представителей демократии, без участия цензовых элементов». Власть исполнительная также должна быть социалистической, причем в состав органа ее могут войти и большевики, если «принимают платформу настоящего съезда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всер. Учр. Собр. и за областное народоуправство Сибири, так как только эта платформа может предотвратить полный государственный развал» [«Хр.». Прил. 13].

Что же получалось на практике? Полная мешанина во взаимных отношениях, приводившая к тому, что в Чите, например, согласно постановлениям съезда сельского населения комитетов Общ. безоп., городских и земских учреждений Забайкальской области, была создана «коалиционная социалистическая власть» совместно с коммунистами. Эта власть должна была одновременно

¹ П. Н. Милюков [с. 30] не точно говорит, что этот съезд, как и предшествовавший, состоял только из представителей революционных организаций — советов фронтовых и профессиональных организаций. Он был созван по принципу, установленному для Всерос. Дек. Совещания, которое происходило в Петрограде. Помимо представителей советов, здесь были представлены местные самоуправления, высшие учебные заведения, кооперация, национальные организации и т. д. По партийной принадлежности главенствовали эсеры [с. 97]. Присутствовали 27 с.-д. (из них на октябрьском съезде 1 был большевиком), 11 нар. соц., 2 к.-д. и др. [«Хроника». Прил. 12].

проводить в жизнь законы Сибирской Областной Думы и декреты Совета Народных Комиссаров!¹

«Временный Сибирский Совет», избранный съездом в качестве исполнительного органа до созыва Думы, прежде всего призвал население «к полному немедленному прекращению гражданской войны» [«Хр.». Прил. 14], т. е. к фактическому примирению с захватом большевиками власти². Так как Совет раб. деп. в Томске высказался отрицательно по отношению к съезду и постановил в случае попытки съезда взять власть «бороться с ним до конца», [«Хр.». Прил. 15], Временный Областной Совет обратился ко всем советам с.-р. и с.-д. с увещающим воззванием. Он называл советы «идейными и политическими руководителями масс» — «мозгом трудовой демократии» [там же. Прил. 16]. Это воззвание, в конце концов, лило только воду на мельницу большевиков, так как советы к январю были уже в руках большевиков.

* * *

Странно было видеть под всеми этими документами подпись исконного и всеми признанного вождя сибирского областничества Г. Н. Потанина, избранного председателем Временного Совета. В Сибири Потанин занимал совершенно исключительное положение. Имя его придавало авторитет любому политическому начинанию. «Властителем дум» называет его сибиряк проф. Зубашев. «Поводырем сибирской общественности», «Первым гражданином Сибири», «мозгом и сердцем современной об-

¹ Вероятно, под впечатлением этой сибирской практики, весьма быстро развившейся, проф. Масарик, проезжавший через Сибирь, в докладной записке для Вильсона (10 апр. 1918 г.) писал, что коалиционное правительство социалистических партий и левых кадетов с участием большевиков могло бы получить всеобщее согласие [I, с. 228]. «Левых кадетов», однако, отвергала и сибирская практика.

² Так и ставила вопрос о прекращении гражданской войны меньшевицкая конференция в Иркутске 2 февраля, «продолжение идейной борьбы с большевизмом», не доводя «до вооруженных столкновений».

шественности» именуется его Якушев, сделавшийся потом председателем Сибоблдумы и резким противником тактики ближайших единомышленников Потанина. Престарелый «поводырь» сохранил, по выражению Якушева, «поразительную для его лет ясность и свежесть мысли» [некролог в «Вольн. Сибири». I]. В то же время автор некролога Потанину считает нужным отметить, что «патриотизм» является «отличительной чертой» покойного сибирского общественного деятеля. Как мог тогда Потанин, примыкавший по своим политическим взглядам к народным социалистам, дать свое имя делу, заведомо осужденному на неуспех? Как мог он в противоречие со своим подлинным демократизмом пойти на компромисс, который создавала позиция, занятая областным съездом?

Областники, могшие опереться на сибирское старожилое крестьянство, на сельскую интеллигенцию и казачество, были застигнуты революцией врасплох, оказались неподготовленными, и «политическое оформление народных масс» пошло под знаменем партии с.-р. Таково мнение одного из энергичных деятелей этой партии в Сибири¹. «Областники» и группа кооператоров оказались на съезде в меньшинстве. Они боролись и против возможного союза с большевиками, и против отрицания коалиции с буржуазией². «Сознание долга заставило нас остаться», — пояснял позже на июльском торгово-промышленном съезде в Омске прис. пов. Патушинский, один из членов Временного Совета, близкий областникам и, по-видимому, тоже числивший себя в рядах народных социалистов. «Сознание долга» повело Патушинского и на дальнейшие уступки, которые оказались, однако, невозможными для Потанина. 30 декабря он отказался от звания председателя и члена Совета. Уход свой Потанин мотивировал тем, что он не мог «изменить продол-

¹ Якушев И. Я. Февральская революция и собрание областного съезда. — «Вольн. Сибирь». II, с. 15. Эсеры действительно при выборах в У. С. в Сибири получили 75% всех голосов, в то время как большевики только 10%.

² Ракитников. Сибирская реакция и Колчак. Издание: «Народ», 1920.

жающегося тяготения своих товарищей по Совету в сторону большевизма». «Уклон» этот Потанин увидал в том именно воззвании к советам, о котором говорилось выше и под которым, к сожалению, механически стояла подпись самого Потанина. «Конечно, это было неверно», — замечает Якушев. Это было верно постольку, поскольку представители «революционной демократии» не могли изжить в себе тяготения к фикции единого социалистического фронта и поскольку в московских деспотах продолжали видеть что-то от социализма¹.

* * *

Таким образом, Временное Сибирское правительство (Совет) являлось, в сущности, продуктом творчества эсеровской партии. Новая власть хотела опереться на кооперацию, где эсеры имели значительные связи. Это влияние было обманчиво. Никогда не следует забывать того, что не без язвительности отметил французский наблюдатель сибирской жизни в то время полк. Пишон. Он писал в своем докладе: «Как общее правило, нужно заметить, что каждый теперь в России и Сибири считает нужным кутаться в социалистический плащ: это модное одеяние всех людей, делающих или желающих делать политику. И поэтому нельзя давать себя обманывать политическими вывесками: под ними зачастую прячутся мысли и

¹ Не очень уместна якушевская сентенция о широком использовании «недостаточно честными противниками» письма Потанина, в силу чего светлое имя борца за свободу Сибири сделалось орудием политической борьбы и интриги» [«Вольн. Сиб.», III, с. 21]. Отказ Потанина был крупным и знаменательным явлением. Ошибка тех, кто не прислушался к голосу полуслеплого «поводыря». Нечего искать какого-то постороннего влияния на Потанина. Патушинский на съезде кооператоров 6 января отмечал влияние к.-д. Востротина [«Нар. Дело», № 4]. Авторы сибирской «хроники» видят здесь влияние томских к.-д. во главе с потанинским другом А. В. Адриановым, редактором «Сибирской Жизни», и т. д. Дело просто. Областники, в центре которых был потанинский кружок, самоопределились. Их линия поведения отныне будет чужда той двойственности, которая отличает тактику вдохновителей и руководителей Сибирской Областной Думы.

программы, диаметрально противоположные официальным девизам, начертанным на вывеске» [с. 42].

Сибирская кооперация быстро освободилась от антигосударственного налета, который могла ей придать партийная вывеска. Но в январе эсеры главенствовали на официальном всесибирском кооперативном съезде, собравшемся в Новониколаевске 6 января: из 88 делегатов 65 числилось в партии с.-р. Съезд, заслушав доклад члена Вр. Сиб. Совета Патушинского, принял соответственное обращение к населению и постановил оказать при выборах в Думу «содействие всем социалистическим партиям, стоящим на точке зрения непризнания власти народных комиссаров и признания автономии Сибири». Была ассигнована вместе с тем единовременная ссуда в сибирскую казну и выработана шкала, по которой союзы должны внести деньги [*Парфенов*. С. 15].

* * *

7 января в Томск съехалось 93 депутата будущей Областной Думы. Среди них было 56 с.-р., 10 нар. соц., 5 с.-д., 12 беспартийных и т. д. Большевики не допустили открытия Думы. Шестнадцать членов Думы были арестованы 26 января. Часть членов (40 человек) собралась на тайное заседание, объявила Думу открытой, выпустила от ее имени ряд обращений и избрала Временное Сибирское правительство. В состав правительства вошли: Дербер, Вологодский, Краковецкий, Новоселов, Крутовский, Ив. Михайлов, Патушинский, Серебренников, Устругов, Шатилов и др.¹. Перечисляю тех, с именами которых нам часто придется встречаться. Многие из членов Правительства были зачислены в состав его без предварительного опроса или согласия — в том числе Вологодский, Устругов, Серебренников [*Гинс*. I, с. 76].

Обращение Думы к «трудящимся Сибири» начиналось своеобразно: «В ночь на 26 января большевицко-царские (?) опричники арестовали 16 членов Областной

¹ Один из них Сулима — министр экстерриториальных народностей — сражался потом на стороне большевиков.

Думы...» Составители воззвания, по-видимому, не понимали плохого тона этой «революционности». «Именно многих миллионов трудящихся и населяющих Сибирь народностей и туземных племен» они объявили, что «вся полнота власти» принадлежит «подлинным избранникам трудящихся и народов Сибири — Вр. Сибоблдумы» [«Хр.». Прил. 18]. В следующей затем «декларации», отмечая, что Дума стоит на почве признания вс. Учр. Собр., группа членов Думы — действительно, это была только группа — с чрезвычайной решительностью объявляет, что «народы... в разное время присоединенные к Российскому Государству, решают... отделяются ли они от Российской Федеративной Республики и образуют самостоятельные государства или входят как автономно-федеративные единицы в состав Российской Республики». В области социальной политики Дума гарантировала проведение в жизнь закона о земле, принятого Учр. Собр.¹.

Все это продекларировав и объявив себя «единственно законной властью» для Сибири, новое Правительство разделилось: одна часть осталась в Зап. Сибири и образовала особый комиссариат, действовавший именем Сибирского правительства; другая, во главе с Дербером, выехала на Восток, в Харбин — единственный город, еще свободный от большевицкого влияния. Один из членов Правительства был командирован в Москву для информации и связи с ЦК эсеровской партии².

¹ Полная декларация напечатана в «Хронике». Прил. 23.

² Первое Сибирское правительство (Совет) с самого начала (декабрь) завязало отношения с иностранными представителями, бывшими в Сибири, и подняло вопрос о признании и военной и финансовой помощи со стороны союзников [Якушев. — «Вольная с Сибирь». V, с. 62]. Пишон склонен был всемерно содействовать в этом отношении антибольшевицкому Правительству, во главе которого стоит «умный, деятельный, энергичный человек» (Дербер), который «решительно и беспощадно порвал с большевиками». В донесении ген. Нисселю 24 января — 6 февраля он пишет: «Он прекрасно почувствовал и понял ошибку, совершенную с самого начала, выразившуюся в их социалистической непримиримости, исключившей все не окрашенные одной

2. Боевые силы

На какие силы могла опираться в Сибири власть, намеревавшаяся отстаивать, в сущности, эсеровские партийные позиции? Власть всегда склонна преувеличивать свои шансы. Автор очерков по областному движению в Сибири, напечатанных в «Вольной Сибири», обольщается многочисленными приветствиями, полученными Сибоблдумой. Но ведь все эти семипалатинские городские думы, якутские земства, в сущности, в значительной степени приветствовали сами себя. Приветствия от «фронтовиков»? — но именно «фронтовики»-то и являлись основой большевизма в сибирской деревне. Приветствовал даже атаман Семенов!

На фронтовых солдат, не вернувшихся еще в Сибирь, Правительство почему-то возлагало особые надежды. Из них предполагалось создание кадров новой Сибирской армии. Назначенный главным комиссаром Сибирской армии бывший командующий Иркутским округом при Вр. прав. подп. Краковецкий, член У. С. от Румынского фронта (?), создал в Киеве специальный сибирский военный комиссариат. В короткое время на фронте объединилось до 50 000 сибиряков. Предполагалось выделить из них наиболее надежные отряды и послать в Сибирь на поддержку Правительства. «Но, — добавляет сибирский историк этого времени, — вся работа была внезапно прервана большевицким переворотом на Украине и свержением Укр. Рады, с помощью которой велась организационная работа по созданию Сибирской

краской элементы... Я уверен, что нам удастся расширить базу существующей организации... в правую сторону» [«Кр. Арх.». XXXIV, с. 154].

Более холодна и сдержанна была депеша иркутского ген. консула Буржуа. Он против финансовой помощи: «это были бы деньги, брошенные на ветер», «субсидируя это дело, мы шли бы за знаменем, не имеющим никакого авторитета и, боюсь, без будущего» [там же. С. 148]. Характерно, что предшественник Буржуа, Жандр, находил: «почти все население объединено в одном порыве — найти тирана, который спасет Россию» [донесение 24 ноября. — Там же. С. 132].

армии» [«Вольная Сибирь». III, с. 14]. Надежды на создание таким путем особой Сибирской армии тем более были утопичны, что ей ставилась задача возобновления противогерманского фронта¹.

Если у сибирских рабочих было настроение против «похабного» мира, то едва ли оно так сильно было на разложившемся фронте.

Безразлична была и сибирская деревня, слишком далекая и оторванная от центра, изолированная в самой себе территориальной замкнутостью сибирских расстояний. Поднять ее на войну с Германией, конечно, нельзя было. Деревня подчас «праздновала» возвращение солдат-«дезертиров»². Пишон в своем докладе замечает, что ему приходилось сталкиваться с абсолютным отсутствием антипатии к немцам, несмотря на все события на фронте и в прифронтной полосе [с. 22]. Он наталкивался только на враждебное отношение к японцам. «Все те лица и группировки, — писал в докладе Пишон, — которые заявляют, что «за ними крестьяне», обманываются и нас обманывают. Интеллектуальный уровень крестьянской массы весьма низок, и показателем этого явились различные выборы, во время которых крестьянин давал свой голос тому, кто больше ему обещал реальных выгод. Крестьянам не приходилось принимать непосредственного участия в революционной борьбе: каждая деревушка проделала самостоятельно свою местную революцию, совершенно не заботясь о соседях, в общей массе крестьянин очень доволен тем обстоятельством, что полученная свобода дала ему «право» рубить казенные леса бесплатно, пользоваться бесплатно всякими бывшими угодьями и т. п. Колоссальному повышению цен на продукты сельского хозяйства крестьянин тоже весьма рад: он начал копить деньги» [с. 30—31].

Общая характеристика, конечно, правильная. Она подтверждается анкетой, сделанной редакцией «Сиб. Зем.

¹ Поэтому Дербер и убеждал «горячо» иркутских эсеров в целесообразности интервенции [Кроль М. — «Вольная Сибирь». IV, с. 70].

² Наблюдения В. Н. Львова в Симбирске (неизданные воспоминания).

Недели» среди всех своих деревенских корреспондентов 20 апреля, т. е. при большевиках¹. Всякие анкеты относительно — нельзя этого упускать из вида. И все-таки показательно, что за большевицкую власть высказалось лишь 7. Некоторые волостные читатели на вопрос о власти промолчали ($1/4$). 65% — 47 ответов — отнеслось отрицательно к большевикам. Отмечалось в ответах, что власть советов поддерживают большею частью пришедшие с фронта солдаты². К другим социалистическим партиям население равнодушно. Боятся налогов, эгоистические соображения на первом плане и т. д.

Деревню, у которой была «тоска по правительству, по власти»³, активной могла сделать или хорошая организация — здоровая, непартийная агитация, или сама власть большевиков. И, может быть, во многом прав Гинс, указывающий, что «борьба в Сибири началась раньше, чем население успело проникнуться ненавистью к большевикам» [II, с. 5]. То же нам скажет впоследствии участ-

¹ Обзор анкеты напечатан в «Сиб. Вест», № 35; большие выдержки у Гинса [I, с. 53].

² Обобщающие характеристики всегда вызывают возражения. Одни факты противоречат другим. Якушев в одной из своих статей говорит: «За время большевицкого управления сибирское крестьянство в целом, за исключением фронтовиков, было враждебно настроено к большевикам» [«Вольная Сибирь». IV, с. 106]. Вегман, автор статьи «Как пала в 1918 г. советская власть в Томске» [«Сиб. Огни», 1923, № 1, с. 132], будет подчеркивать правые элементы среди фронтовиков. Равно представитель Добр. армии ген. Флуг, проехавший всю Сибирь, найдет у большинства фронтовиков отрицательное отношение к большевикам. Пишон скажет со своего наблюдательского поста, что все приходящее с фронта сильно дезорганизовано [«Кр. Арх.». XXXIV, с. 155].

³ Эту знаменательную черту отмечает 12 марта эсер Неупокоев в письме из Иркутска в Харбин «Правительству Автономной Сибири», т. е. Дерберу. Между прочим, Неупокоев указывает и на другую важную черту для характеристики настроений деревни того времени. Говоря о ликвидированном противосоветском восстании в Балаганском уезде, он пишет, что, несмотря на «усмирение», движение разрастается, «оно может принять слишком большие формы и будет опасно кому угодно, так как не носит пока характера организованности борьбы за какие-либо определенные лозунги» [«Кр. Арх.». XXIX, с. 93].

ник приуральского рабочего движения, представитель знаменитых в летописи гражданской войны ижевцев и воткинцев: «Сибиряки, не пережившие большевизма, не хотели защищаться от него»... [«Берлинская Заря», № 6].

* * *

Совершенно естественно, что при организации боевых антибольшевицких сил приходилось идти по другому руслу — в другой среде вербовать эти силы.

Деятели Сибирской Думы, выступившие уже в роли историков сибирского движения, чрезвычайно преувеличивают организационную роль Думы. «Сибирское правительство, выбранное в тайном заседании Сибирской Думы 28 января, — говорит, напр., редакция «Вольной Сибири» [III, с. 7], — в сущности, являлась только главным революционным штабом, который подготовил свержение большевиков»... «Нелегальная Сибирская Дума не только сумела возглавить сибирское противобольшевицкое движение, но и освободить Сибирь от ненавистной населению власти большевиков». А дальше уже Якушев рассказывает, как были организованы опытными в создании конспиративных боевых дружин эсерами военно-революционные силы [IV, с. 100—103]. Должен признать Якушев, что подготовительную работу в значительной степени «облегчило то обстоятельство, что вся она велась в Сибири не от имени партии, а именем Сибирского правительства». Территория Сибири была разделена на два военных округа — Западный и Восточный. «В каждом из этих округов военное руководство было возложено на особые военные штабы, действующие в полном контакте с политическими комиссариатами Вр. Сиб. пр».

Не отрицая инициативы и энергии отдельных членов эсеровской партии, надо отметить, что в Сибири возникла совершенно самостоятельно и чисто военная организация. Напр., уже в ноябре в Томске, по инициативе кап. Кириллова, созданся офицерский отряд под названием «Белый легион» [«Вольная Сибирь». IV, с. 37]. В январе в Томске насчитывается три военных организации — одна из них эсеровская, которые до марта между

собой не имеют связи. В марте организуется штаб, по инициативе А. Пепеляева, и начальником объединенной военной организации становится полк. Сумароков — человек довольно правых убеждений. Помимо казачьих организаций, возникших в Забайкалье и на Дальнем Востоке, — о них будет сказано ниже — с декабря и в Зап. Сибири действуют казачьи организации, не связанные инициативой эсеровских эмиссаров, напр. омская казачья организация в ст. Атаманской во главе с Анненковым, субсидируемая торгово-промышленными кругами. Только казалось, что вся «правая» Сибирь равнялась «исключительно по партии соц.-революционеров» [Парфенов. С. 17].

Было бы большой ошибкой думать, что в эсеровские военные организации шли какие-то правомерно мыслящие социалисты-народники. Нет, шли, отыскивая хоть какой-нибудь точки опоры. Эсеры, или вернее фирма Сибирского правительства, и являлись такой опорой, в особенности при пассивности других политических групп¹. Поэтому так легко и охотно эсеровские военные организации шли на слияние с другими беспартийными организациями. В конце концов, вся эта вооруженная сила была чужда социалистической позиции Областной Думы и ближе себя чувствовала к «кружку» Потанина, наиболее решительно и бескомпромиссно отстаивавшего вооруженную борьбу с большевиками. Сомнительным эсером был атаман енисейского казачьего войска Сотников, первый в январе 1918 г. поднявший в Красноярске восстание. Таким же был и начальник Западн. военного округа подп. Гришин (псевд. Алмазов), о котором впоследствии омская «Заря» [№ 128] писала: он первый организатор и вождь армии, освободившей Сибирь; деятель «героического периода борьбы с советами». Числился в среде эсеров и начальник Восточного военного округа полк. Элерц-Усов и др. Они все тянулись к партии только как к возможному

¹ Прибывшая в марте в Омск делегация от Добр. армии во главе с ген. Флугом встретила, например, отказ со стороны официальных лидеров кадетской партии принять участие в активной работе против большевиков, они считали безнадежными выступления против сов. власти без поддержки со стороны союзных держав [Арх. Рус. Рев.». IX, с. 251].

организованному центру. Поэтому так скоро между представителями партии и ими оказались коренные разногласия. И они стали с точки зрения правоверных партийных деятелей лишь «авантюристами».

«Отчет» ген. Флуга, возглавлявшего «сибирский отдел Союза Защиты Родины», дает довольно ясное представление о плане, к которому склонялись военные организации. Его можно уяснить себе на примере тех переговоров, которые у Флуга были в Томске. В первый же день приезда, 28 февраля, Флуг посетил Потанина. «Он оказался дряхлым старцем, с слабыми остатками зрения и слуха, живущим в крайне тяжелых материальных условиях». «Письмо Л. Г. Корнилова, — рассказывает Флуг, — которое я ему привез, мне пришлось самому прочесть Григорию Николаевичу вслух, после чего он, заявив, что по старости уже не принимает личного участия в политике, пригласил своего соседа А. И. Гаттенберга, рекомендовав мне последнего как общественного деятеля и вполне доверенное лицо, заменяющее его в кружке, названном его именем» [IX, с. 258]. «В результате полученных сведений, — продолжает Флуг, — убедившись, что программа потанинского кружка чужда идее сепаратизма, которая ей, по слухам, приписывалась, и близка к корниловской¹, а также, что беспартийная офицерская организация пойдет на слияние с так называемой эсеровской, делегация остальное время пребывания

¹ «Политическая программа ген. Корнилова», привезенная Флугом, между прочим, заключала пункты: «Сорванное большевиками У. С. должно быть созвано вновь. Выборы в У. С. должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед У. С., коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. У. С. как единственный «хозяин земли русской» должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй». Последний пункт программы гласил: «...Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный несокрушимый союз братских народов» [с. 286].

в Томске провела в переговорах с подп. Гришиным (оказавшимся лицом, обладавшим здравыми военными понятиями) по вопросам о сближении обеих организаций между собой... о выработке общего плана действий и т. п., с тем чтобы работа вообще велась в направлении полного слияния под единоличным командованием и при политическом руководительстве кружка Г. Н. Потанина» [с. 259].

Соглашение легко достигалось, потому что к Корнилову в Сибири относились с открытой симпатией и доверием. «Имя ген. Корнилова в то время в Сибири в цензовых кругах и в части интеллигенции было окружено необычайным ореолом и пользовалось исключительным моральным авторитетом, — пишет с.-р. Колосов. — Сам факт связи с ним и с его организациями областники, впрочем, и не скрывали, так как об этом в «Сиб. Жизни» [№ от 28 августа] писал А. В. Андрианов. Насколько большим и непререкаемым авторитетом пользовалось в цензовых кругах имя Корнилова, показывает инцидент с бывшим министром Вр. прав. Н. В. Некрасовым. Он приехал летом 1918 г. в Сибирь, но его появление в Сибири подняло целую бурю в цензовой прессе и в цензовых кругах, потребовавших от Некрасова ответа за его поведение в деле Корнилова. После своего рода общественного суда над Некрасовым страсти разгорелись до такой степени, что он предпочел вернуться обратно в советскую Россию, несмотря на весь риск, связанный с таким переездом» [«Былое». XXI, с. 252—253]. Только почему Колосов говорит о «цензовых кругах»? Ни областники, ни кооператоры, с которыми был связан Некрасов, не могут быть отнесены к этим «цензовым кругам».

* * *

В марте—апреле некоторое единство между существовавшими военными организациями было создано. В Новониколаевске находился центральный штаб Зап.-Сиб. комиссариата Вр. Сиб. правительства — в него входили кооператор Сазонов, эсеры Фомин, Марков, П. Михайлов и Гришин-Алмазов.

Самой сильной военной организацией была омская «организация тринадцати», возглавляемая Ивановым-Риновым и насчитывавшая до 3000 человек (в нее входил отряд приобретшего потом печальную известность Волкова). Томская организация во главе с Сумароковым и Пепеляевым имела от 1000—1500 бойцов, новониколаевская во главе с Гришиным-Алмазовым — 600 человек, иркутская — кап. Калашников и полк. Элерц-Усов — до 1000 человек и т. д. Число всех организованных военных в Зап. Сибири к маю определялось в 7000 человек, разбитых на боевые дружины по пятеркам и содержавшихся в значительной части на счет местной кооперации¹. Объединение это создано, однако, вовсе не на почве приобщения к лозунгам «господствующей партии»: пришлось сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное содержание ее и представлялось неприемлемым». Так охарактеризовал положение дел, с точки зрения сибирского офицерства, Гришин-Алмазов в позднейшем своем докладе на Юге [*Деникин*. III, с. 94].

Военные организации готовились к перевороту. Пытались вооружиться — иногда даже производили нападения на склады оружия². Но все-таки они были слабы. Их состояние не давало возможности свергнуть власть без помощи извне. «Даже при наилучших условиях, — говорит Флуг, — офицерские организации в большинстве крупных центров не могли рассчитывать удержать захваченную власть более 1—2 недель, после чего неминуемо должна была наступить реакция» [IX, с. 271]. Но существовала какая-то слепая вера, что вопрос об интервенции союзников решен в положительном смысле, что начнется она около 1 июля, «причем корпус ген. Плешкова

¹ Указанная статья *Якушева* в «Вольн. Сибири»; *Вегмана* в «Сиб. Огнях», 1928, № 1, с. 141; *Парфенов*. С. 19. Большую роль играл, в частности, Закупсбыт, где работали многие из участников военных организаций (напр., Гришин-Алмазов). Поэтому впоследствии в Сибири остроли, что государственная власть перешла к Закупсбыту.

² 15 марта восставшими была свергнута советская власть в Якутске и организован областной Совет «независимой Якутской области».

(на Д. В.) явится в роли авангарда союзных сил, которые числом до 100 тыс. человек уже сосредоточиваются в тихоокеанских портах» [Флуг. С. 256]... В связи с этой уверенностью выступление намечалось на конец мая. Едва ли этот срок имел какое-нибудь отношение к тому, что «приближался» срок, когда Дума назначила созыв сибирского У. С. Так предполагает Якушев [«Вольная Сибирь». IV, с. 106]. Большевицкие историки ставят это в связь с упомянутым в предшествовавшей главе совещанием, которое якобы было в Москве и после которого, 3 мая, в Новониколаевске был созван съезд нелегальных военных организаций для информации и инструкционных указаний [Парфенов. С. 20]. Съезд руководителей местных штабов военно-революционных организаций действительно в Новониколаевске 3 мая происходил. 14 мая в Челябинске состоялось совещание представителей чехословацкого командования — Гайды и Кадлеца, с центральным штабом сибирских боевых дружин (Гришин-Алмазов) и военным отделом самарского Комитета членов У. С. (кап. Каппель и полк. Галкин). «На этом совещании был выработан план будущего выступления», — утверждает Парфенов [с. 23]. Возможно, в датах здесь есть некоторая путаница, но факт несомненный, что Гайда и Кадлец, убежденные, как говорит Якушев, в том, что «вооруженный конфликт с большевиками неизбежен, вошли в половине мая в неофициальные переговоры с некоторыми представителями новониколаевского военного штаба» [«Вольная Сибирь». IV, с. 108] и по достигнутому соглашению Гришин-Алмазов отдал приказ о выступлении.

В конце мая с чехами и без чехов в ряде городов начались выступления. В Семипалатинске, Бийске, Омске, Красноярске большевицкая власть была свергнута до прихода чехословацких войск¹. В Томске восстание намечалось на 28 мая в связи с волнениями, происшед-

¹ Совершенно очевидно, насколько был не прав владивостокский корреспондент парижских «Посл. Нов.» [21 дек. 1921 г.], изображавший начало антикоммунистического движения в Сибири 1918 г. связанным со случайным обстоятельством скопления чехословаков на Сибирской магистрали и столкновением с советской властью.

шими там на почве реквизиции церковного имущества в женском монастыре. Восставшие должны были в первую очередь разоружить в казармах мадьяр, представлявших главную силу большевиков. Из-за случайного предательства восстание началось не совсем удачно¹. Но большевики сами эвакуировали Томск 31 мая в виду слухов о приближении чехов, захвативших при участии барнаульской организации 26 мая Новониколаевск. Томск, следовательно, почти не оказал сопротивления, хотя там находился батальон «прекрасно вооруженных, дисциплинированных и готовых к борьбе мадьяр², хотя советская власть стояла «прочно и незыблемо», как извещала в день падения Томска большевицкая газета «Знамя Революции». В Томск вступил отряд Гайды и пробыл в нем два часа. Летопись событий отметит символическую картину, когда монархист полк. Сумароков и городской голова меньшевик Васильев вместе приветствовали чехословаков...

В Новониколаевске переворот «окончился в 40 минут»...

Я не буду следить за перипетиями борьбы чехов и за восстаниями, иногда при активном, а другой раз при пассивном их содействии. К началу августа почти все города Зап. Сибири были освобождены от большевиков³. Повсюду в городах появились «уполномоченные» Сибирского правительства. 1 июня «Западно-Сибирский комиссариат» в составе членов Учр. Соб. П. Михайлова, Маркова, Линдберга и председателя томской уездной земской управы Сидорова, обращаясь к «трудовой демократии», объявил, что временно до окончательного освобождения всей сибирской территории им принадлежит высшая местная власть, как уполномоченным Сибирского обла-

¹ *Вегман*. — «Сиб. Огни», 1923, № 1; *Кириллов*. — «Вольная Сибирь». IV, с. 39.

² *Кармашев*. Последние дни советской власти в Зап. Сибири. 1921, с. 10.

³ «15 июля было неудачное восстание в Иркутске, сопровождавшееся большим террором со стороны большевиков. Через месяц чехи взяли Иркутск “без единого выстрела” и были встречены населением (за исключением рабочих) с неподдельным энтузиазмом» (*Кроль М.* — «Вольная Сибирь». IV, с. 71–72).

стного правительства. Задачею комиссариата «является создание правильно организованной военной силы, достаточной для утверждения народовластия и охраны жизни и достояния граждан от всех покушений врагов демократического строя как извне, так и изнутри» [«Хр.». Прил. 41].

Фактически на освобожденной от большевиков территории правил начальник омских военных организаций Иванов-Ринов — опытный администратор и человек с характером, по выражению Гинса. Таким образом, осуществлялась временно «военная диктатура» по плану ген. Флуга [«Арх.». IX, с. 255].

3. Начало «атаманщины»

Позже эти первые дни рисовались «героическим» периодом борьбы с советской властью — порой общественного подъема и «великих надежд, объединивших всех и двигавших на подвиг» [«Заря»]. До некоторой степени это так и было. Пожалуй, только в Сибири на короткое время создался как бы единый противобольшевицкий фронт. Внутреннее единство, правда, было только казовым, но и его было достаточно для того, чтобы освободить Сибирь.

Если вы прочтете отчет о деятельности «делегации» ген. Флуга и одновременно повествование о тех же событиях бывшего председателя Сибоблдумы, вы ясно ощутите разницу восприятия. Эсеры считали, что власть перешла к ним. Военные расценивали обстановку по-иному, и на другой день после свержения большевиков начались коллизии.

Сибирская обстановка, конечно, мало соответствовала позиции, которую хотели занять представители Областной Думы. «Все слои, — вновь отмечает с.-р. Неупокоев, — положительно мучаются в тоске по власти». В этой политической атмосфере, когда речь заходит о власти, чаще всего тебе отвечают: «Хоть бы сам черт, лишь бы был закон и порядок». И от палат «буржуев» и «саботажников» до самых низов... ежедневно вы слышите смертельную тоску о скорейшем приходе этого «спасителя» [«Кр. Арх.». XXIX, с. 92)¹]. Было совершенно очевидно,

¹ Ср. с мнением Жандра.

что «политические младенцы» не могли быть у власти. С этим прежде всего не примирились бы те военные круги, которые представляли единственную реальную силу (из 40 т. добровольцев $\frac{1}{2}$ ее приходилась на казацкие организации).

* * *

Военная власть освобожденной Сибири, к сожалению, как бы с молоком матери, всосала в себя многие из тех черт «атаманщины», которые так пагубно отозвались впоследствии. Уже ген. Флуг в своем отчете отмечает недостатки местных казачьих организаций, делавшие их малопригодными в качестве опоры для будущей власти: «некоторая моральная распушенность, неразборчивость в средствах, стремление руководствоваться больше честолюбивыми побуждениями своих атаманов, чем сознанием гражданского долга»¹.

Конечно, эта «распушенность» отличала не только казачьи организации. Гражданская война, открывающая красивые страницы подлинного героизма, вместе с тем почти неизбежно разнуждывала общественные нравы. В своих показаниях, быть может, слишком сгущая краски, слишком обобщая, адмирал Колчак, строгий к себе и к другим, вспоминая период своего пребывания в Харбине (весной 1918 г.), рисует довольно безотрадную картину и военной и гражданской общественности: «Основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, — это всеобщая распушенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах. Никто не желал ни с кем решительно

¹ «Арх. Рус. Рев.». IX, с. 252. Флуг передает отзывы того конспиративного кружка военных, с которым он в Омске вошел в сношения и который по политическим взглядам примыкал к правому крылу партии народной свободы.

А вот характеристика, данная ген. Степановым в докладе, посланном Деникину с курьером: «добрые малые, готовые на все, «кроме установления у себя хотя бы тени необходимого воинского порядка» [Деникин. III, с. 105].

считаться — каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Напр., в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо высказывались друг о друге. Ужасное впечатление у меня осталось от Харбина. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что-нибудь было невозможно» [«Допрос». С. 141].

Колчак рассказывает, как самостоятельно и стихийно создавались в Харбине и на Дальнем Востоке военные отряды. В Зап. Сибири мы видели большую организованность, но суть дела та же... Около есаула Калмыкова собирается группа офицеров в 70—80 человек; к ним примыкают уссурийские казаки. Таким образом появляется «отряд» атамана Калмыкова. Аналогичным путем организуется в Харбине отряд Орлова, примерно в 1000 человек, а раньше отряд Семенова; недостатка в добровольцах не было. Номинально подчиняясь какой-то высшей власти, «атаманы» действуют совершенно независимо — и особенно на Дальнем Востоке, где эти отряды поддерживают деньгами и оружием иностранцы. Сама «вольница» часто диктует атаманам свои условия. Между отдельными отрядами иногда идет глубокая рознь, например между семеновцами и орловцами. Отряды легко присваивали себе функции политической полиции и создавали у себя особые органы контрразведки. Никакой связи с прокуратурой не существовало, и само понятие «большевика» было до такой степени неопределенно, что под него можно было подвести что угодно... Самочинные аресты и убийства становились обычным явлением. «Я не могу сказать, — добавляет Колчак, — что это делали представители всех отрядов — у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того, что в Харбине арестовывали на улице вечером, и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо» [с. 127].

Каковы же были причины этой «распушенности»?

«Из разговоров с офицерами, — говорит Колчак, — у меня создалось впечатление, что эти органы (контрразведки) создавались по образцу тех, которые существовали в Сибири при советской власти. Во время большевической власти... в целом ряде пунктов по железной до-

роге существовали такие заставы, которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контрреволюционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы. Они занимались совершенно самочинно осмотром поездов и когда находили кого-нибудь, кто, по их мнению, был причастен к большевизму или подозревался в этом, то арестовывали. Такие явления существовали по всей линии железной дороги. После моего прибытия туда, когда выяснилась эта картина, я беседовал с начальниками отрядов и говорил, что, в сущности, контрразведка должна быть только в моем штабе, так как существующие контрразведки мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что мы боремся и то, что делали с нами, будем делать и мы, так как нет никакой другой гарантии, что нас всех не пережут¹. Мы будем бороться таким же образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устраивали травлю по всему пути, а там, где мы находимся, мы обязаны таким же образом обеспечить и себя от проникновения сюда лиц, которые являются нашими врагами. Поэтому, хотя такие органы контрразведки никогда не значились официально, на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах, которые мне были подчинены, мне удалось поставить дело таким образом, что о производившемся аресте немедленно сообщалось мне и прокурору. Арестованные лица передавались прокурорскому надзору, и там производилось быстрое расследование дела. Нужно сказать, что в Харбине ходило много рассказов относительно деятельности этих органов. Не знаю, насколько они были справедливы, но это был сплошной кошмар, стоявший на всей линии железной дороги, как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними. Для меня, как нового человека, эти рассказы казались совершенно невероятными. Я сперва не верил им и считал больше словами, но потом, конечно,

¹ Калмыкову приписывали такую фразу: «Перегрызай горло всякому большевику, а то он тебе перегрызет» [Революция на Дальнем Востоке].

ближе познакомился и увидел, что на железной дороге идет все время жесточайшая взаимная травля как со стороны тех районов, где хозяйничали большевики, так и в тех районах, где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же».

«Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались, принимались меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности?» — задает Колчаку вопрос один из допрашивавших, с.-р. Алексеевский.

«Такие вещи, — отвечает Колчак, — никогда не давали основания для привлечения к ответственности — было невозможно доискаться, кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц, офицеров и солдат, арестовывали и увозили. Затем арестованные лица исчезали, и установить, кто и когда это сделал, было невозможно» [с. 129—130].

Часто мотивом здесь являлась прямая месть: «Люди, которые пробрались сюда с величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло, по крайней мере, до 400 офицеров; люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, которых они узнали в дороге, и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что главным мотивом этой деятельности является месть, что все эти ужасы, которые творились по линии железной дороги, происходили на почве мести» [с. 136].

Гораздо более пристрастную характеристику «большевиков *saucе гоуале*» дает нам бар. Будберг в своем апрельском дневнике: «Разные вольные атаманы — Семенов, Орлов, Калмыков, своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, после-революционные прыщи Д. В., внутреннее содержание их разбойничье, большевицкое, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений; поменьше стеснений, работы и обязанностей. Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне¹: кому не пришлось по случайно сложившейся обстанов-

¹ Большинство этих отрядов, как показала последующая практика, было наиболее устойчиво в смысле своего антибольшевизма.

ке, а кто по привычке шаррахнулся на свою, оказавшуюся белой, сторону. У многих все это случилось, конечно, невольно, и обвинять их самих было бы даже несправедливо» [XIII, с. 199]. Все-таки это было не так. Напр., «орловцев» Колчак, имевший с ними непосредственные отношения, характеризует как «твердых и честных людей». Во всех этих отрядах, без исключения, наряду с признаками «нравственного уродства и анархичности» было и «своеобразное идейное служение стране», как справедливо отметил в дневнике ген. Болдырев [с. 18].

* * *

Было ли аналогичное в Зап. Сибири при формальном существовании социалистической власти? Конечно, было. И едва ли кто сможет эти факты «распушенности» поставить в вину существовавшей власти. Послереволюционная анархия разрушила начала государственности, и восстановить их в сознании и в практике было нелегко. Власть была бессильна подчас бороться с «анархией»... Приходилось лишь надеяться, что с установлением нормального быта положительное начало возьмет верх над отрицательным.

14 июля отряд кап. Сатунина в 81 человек в с. Уллях Алтайской губ. объявил от имени Сибирского правительства республику и ввел военное положение до Учредительного Собрания [«Сиб. Вест.», № 25]. «Военное положение» всегда облегчает проявление «политической мести», увеличивает случаи расстрела арестованных «при попытках бежать» и т. д. и т. д. Как раз кап. Сатунин был предан суду за превышение власти и за незаконные расстрелы. Не приходится удивляться, что в освобожденной от большевиков Сибири в первые дни после переворота алтайский, бийский, енисейский и другие потребительские союзы¹ вынесли протест по поводу расстрелов «войсками Сибирского правительства кооперативных работников и общественных деятелей, не принимавших никако-

¹ Потребительская кооперация была повсюду наиболее большевистствующая. Это надо иметь в виду.

го участия в советских административных и военных органах управления» [Парфенов. С. 35]. 2 июля в «Алтайском Луче» мы читаем следующее письмо местного губернского комиссара труда В. И. Шмелева по поводу убийства кооператора Сычева, примыкавшего к большевистской партии.

«В покойницкой лежит труп члена правления алтайского союза кооперативов С. М. Сычева. Он сражен пулей, попавшей ему в лицо и снесшей череп.

Он вместе с другими заключенными (учителем Тихоновым и машинистом Дрокиным) переводился из одного места заключения в другое, из здания мужской гимназии в тюрьму. Но по пути, в Дунькиной роще, они все были убиты наповал, якобы при попытке побега, как объясняют конвойные.

Несомненно, попытка бежать из-под крепкого караула в числе пяти конных, хорошо вооруженных людей могла быть сделана после весьма зрелого и обдуманного намерения.

Но вот что я знаю о намерениях С. Сычева, которого я видел в день окончательного утверждения в Барнауле власти Времен. Сибир. правительства, когда он, встретив меня на улице, попросил проводить его в комиссариат. К нему, видимо, как к заведомому большевику и бывшему члену продовольственной управы, власти сделали на квартиру визит, но дома не застали, так как он все это тревожное время провел за городом, далеко от событий.

Он знает, что никаких обвинений к нему предъявить не могут, но общее нервное расстройство не позволяет ему сидеть дома спокойно и ждать возможных обыска и ареста, подвергаться риску случайных эксцессов... Поэтому он решил явиться в комиссариат с предложением арестовать его, если это потребуется.

Совместно с помощником уполномоченного Министерства продовольствия и снабжения, И. Петрашкевичем, я проводил его в следственную комиссию, где и был составлен протокол о его явке, о чем было доведено и до сведения военной власти. Сычева отпустили домой, так как никаких распоряжений и надобности в его аресте не было.

Позже он был все-таки арестован.

А потом его застрелили в Дунькиной роще при побеге.

Но зачем, спрашивается, было добровольно предлагать себя арестовывать, чтобы затем делать попытку к побегу?

Как для гражданской, так и для военной власти должно быть ясно, что подобные «случайности» разрушают необходимую работу по восстановлению гражданского правопорядка и всякая власть, какова бы она ни была, берущаяся его установить, должна решительно бороться с такими «случайностями».

Необходимо гласное и публичное расследование. Необходимо отвыкать от всего темного и закулисного, что нам оставляют за собой идущие своей чередой политические курсы и режимы...

В особенности молчать не имеют права сторонники и активные защитники Сибир. Врем. правительства, в платформе которого, наряду с другими свободами, значится также и гарантия неприкосновенности личности. Губернский комиссариат и политические партии требуют гарантий, чтобы подобные случаи больше не повторялись».

Как реагировала власть на требование Шмелева, мы не знаем, но мы увидим позже, как реагировали участники этой власти в отношении аналогичных случаев, имевших место при Верховном правителе адм. Колчаке.

Для борьбы с беззаконием в военных отрядах новая сибирская власть, по революционной традиции, пыталась назначать комиссаров, уполномоченных при командующих фронтами (напр., с.-р. Фомин при Гайде, В. Михайлов при Гусарике, командовавшем Барнаульским фронтом). Эсер Алексеевский в дни допроса адм. Колчака ехидно его спрашивал по поводу организации центральной контрразведки: неужели таким образом надлежало бороться с эксцессами? [с. 135]. Но что могли делать комиссары Сибирского правительства хотя бы с таким, напр., самовластным начальником, каким был будущий ген. Гайда? Он с легкостью производил массовые расстрелы захваченных в плен мадьяр. Я говорю «с легкос-

тью», потому что мы увидим, что Гайда был вообще довольно жесток и беспощаден. Вот сцена, зафиксированная в воспоминаниях кап. Кириллова, напечатанных в «Вольной Сибири» [IV, с. 55]. На ст. Посольская был захвачен помощник Гайды полк. Ушаков. Он и его адъютант-чех были «зверски» убиты. «На лице полк. Ушакова было много штыковых ран — все лицо его было обезображено и изуродовано, уши, нос и язык отрезаны, глаза выколоты, все тело его также покрыто было глубокими штыковыми ранами». Тела убитых были подобраны сибирскими войсками и чехословаками и засыпаны полевыми цветами... «В этот момент доложили, что прибыла партия пленных. Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал: «Под пулемет». Партия пленных, где было много мадьяр, была немедленно отведена в горы и расстреляна из нескольких пулеметов...»¹

Уполномоченным Правительством при I Среднесибирском корпусе был эсер Фомин. Падает ли на него ответственность за этот эксцесс?

4. Центральная власть

Члены Правительства, избранные на тайном заседании Сибоблдумы, пока еще были в нетях. Эсеры, вошедшие в Зап.-Сиб. комиссариат, несмотря на свое нерасположение к «буржуазии», не могли обойтись своими людьми при организации власти — страна и так была слишком бедна культурными силами. Гинс довольно образно рассказывает, как Михайлов, проявивший наибольшие организационные способности и тактичность, создавал деловой аппарат управления:

«Этот бледный человек, с горящими черными глазами, работал день и ночь. Он немедленно созвал совещание из всех общественных деятелей, выяснил положение финансов, продовольственное, нужды железных дорог, а затем приступил к формированию отделов управления и выяснению кандидатов на должности управляющих ими. Впрочем, совеща-

¹ См. также у ген. Иностранцева «Первое поручение адм. Колчака» [«Белое Дело». I, с. 101].

ние, где намечались кандидаты, было более интимным по составу: «буржуев» на него не пригласили...

Кандидатов на все высшие должности было вообще очень мало. В тогдашних обстоятельствах найти их было тем труднее, что большевики еще не были отогнаны от Тюмени. Исход борьбы был далеко не ясен. Обыватель еще прятался в раковину. Омская кооперация заявила Иванову-Ринову, что она не будет вмешиваться в политику и останется только хозяйственной организацией — обычный прием уклонения. В этот момент нужно было проявить много мужества, чтобы встать во главе власти. Между тем нельзя было и прятаться за спины других. Несведущие, совершенно не подготовленные к практической работе люди могли сразу погубить начатое дело освобождения.

Не удивительно поэтому, что кандидаты намечались почти по наитию. Здесь не было, в сущности, выборов, а намечались жертвы общественного долга. Каждого приходилось упрасивать» [с. 87—89].

Фактическое правительство Зап.-Сиб. комиссариата было создано. Эсеры «максималистического» толка, по выражению Колосова, пошли на уступки общественности. Но на первых же порах стало проявляться принципиальное расхождение «делового аппарата» с теми, кто являлся формально представителем верховной власти. «По всем... вопросам, — говорит Гинс, занявший пост управляющего делами Правительства, — у комиссариата проявлялась либо нерешительность, либо прямая симпатия к сложившимся при большевиках порядкам. «Совдепы» должны быть сохранены как профессиональные организации для обеспечения завоевания революции... Денационализация может быть применена только по отношению к предприятиям, лишенным общественного значения... Земельные комитеты неприкосновенны»... и т. д. [I, с. 93].

Неавторитетность ли комиссариата и неопределенность его полномочий или просто желание принять непосредственное участие во власти побудили, наконец, членов Правительства, избранных 28 января, взять бразды правления в свои руки. Инициаторами выступления, по словам Гинса, были Патушинский и И. Михайлов. Этот акт от имени Сибоблдумы санкционировал особой грамотой 30 июня председатель Думы Якушев: «Ныне по

прибытии в город Омск достаточного числа членов Правительства, избранных Сибоблдумой, Сибирское правительство в лице председателя Совета министров и мин. иностранных сношений П. В. Вологодского и членов Совета министров: мин. вн. дел В. М. Крутовского, министра финансов И. А. Михайлова, министра юстиции Г. Б. Патушинского и министра туз. дел М. Б. Шатилова — принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири» [«Хр.». Прил. 66].

Это была своего рода Директория, очень мало зависящая от того, что когда-то Думой было избрано какое-то Правительство. И, конечно, совершенно прав государствовед Гинс, отмечающий, что санкция, данная грамотой председателя Облдумы, не соответствовала положению, выработанному Думой о временных органах управления Сибирью, по которой верховная власть принадлежала самой Думе. Это было Правительство, созданное жизнью, идущей мимо нежизненных фикций и формальностей. Думы еще не было, а Правительство было налицо. И ему должна была принадлежать полнота власти на территории, освобожденной от большевиков. Это понял, по словам Гинса, Якушев, «тогда не успевший еще окунуться в партийную политику» [I, с. 97]. Но формально Правительство свою деятельность сцепляло неразрывными узами с Думой, что и послужило почвой, на которой выросли сложные и острые конфликты. В декларации Омского правительства 4 июля «торжественно» объявлялось во всеобщее сведение, что «ныне оно одно (т. е. Вр. Сиб. пр.) вместе с Сибирской Областной Думой является ответственным за судьбы Сибири... отныне никакая иная власть, помимо Вр. Сиб. пр., не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени». Не упоминая больше о Думе, Правительство почитало «своим священным долгом заявить, что созыв Всесиб. Учр. Собр., которому оно передаст свою власть, является его непреклонным намерением, к скорейшему осуществлению которого оно будет стремиться всеми силами». Однако... Правительство полагает также совершенно необходимым объявить не менее торжественно, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в сово-

купности составляли державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссоединению российской государственности» [«Хр.». Прил. 70].

Сдача власти комиссариатом не прошла без трений. Возникло некоторое колебание: сдавать или не сдавать власть?

«Случайно, — рассказывает Гинс, — я попал на совместное заседание членов Западно-Сибирского комиссариата и членов Сибирского правительства вечером 30 июня. Присутствовал и Якушев. Председатель Сидоров заявил, что комиссариат, прежде чем сдать власть, просит членов Сиб. прав. ознакомиться с их программой. «Это любознательность или условие?» — спросил Ив. Михайлов.

Сидоров не сумел уклониться от ответа. Тогда все прения направились в русло формального вопроса: может ли Комиссариат противодействовать вступлению во власть министров Сибирского правительства или ставить им какие бы то ни было условия? Имеют ли право пять министров требовать присвоения им прав, принадлежащих пятнадцати избранныкам Думы, и кто правомочнее: пять министров или четыре члена комиссариата, получившие специальные полномочия от всего (!!) Правительства? Прения обострялись. Уже Патушинский заявил, что если комиссариат не создаст власти, то министры объявят об этом отказе всему населению. Уже, казалось, происходит разрыв сношений и переговоров, когда я взял слово и стал горячо убеждать комиссариат передать власть Сиб. пр-ву, потому что Сиб. пр-ву, а не отдельным лицам, присягали войска, от имени Сиб. пр-ва действуют все власти, за комиссариатом никто не пойдет, а авторитет власти будет расшатан».

«Вы правы!» — сказал мне Якушев, которого я тогда впервые видел. Подействовали мои слова и на членов комиссариата. Власть была передана. «Переворота» не потребовалось [с. 98—101].

Для объективности следует прибавить, что Г. К. Гинс склонен вообще придавать своей инициативе несколько большее значение, чем она имела в отдельных случаях. Дальше нам придется встретиться с такими фактами. Сомнения у членов комиссариата возникали, вероятно, потому, что при новом Правительстве власть, как мы видели, призрачная, ускользала от эсеров. В новом Пра-

вительстве только Шатилов был, по-видимому, строго партийным человеком. Уже престарелый Крутовский, издатель известных в свое время «Сибирских Записок», был близок по своему миросозерцанию к народным социалистам. Известный сибирский адвокат Патушинский, защитник при расследовании событий на Ленских золотых приисках, также примыкал к этой политической группе и входил в число областников. Присяжный поверенный Вологодский, заслуженный сибирский общественный деятель, прежде числившийся в рядах эсеровской партии, был от нее уже далек. Молодой ученый экономист Михайлов, сын известного народовольца, тов. председателя Петербургского союза сибирских областников, хотя и был членом эсеровской партии, но занимал позицию, в значительной степени ей противоположную.

Омское правительство состояло из «наиболее реакционной части» избранного в январе Сибирского правительства. Таков вывод советского историографа [*Владимилова*. С. 354].

Комиссариат уступил Правительству дорогу. Оно должно было явиться единственной полноправной властью для всей Сибири. Но за кордоном была еще группа, претендовавшая на всесибирское признание. Это та группа членов январского Правительства, которая во главе с Дербером выехала в Харбин. Пока не было очищено Забайкалье от большевиков (начало августа), две половины январского Правительства между собой сношений не имели. 29 июля Дерберовская группа, выехав во Владивосток, тоже объявила, что на основании полномочий Областной Думы вступает в права и обязанности центральной государственной власти в Сибири. У Владивостокского правительства было более «левое» настроение. [Его декларация и состав в «Хронике». Прил. 50, 51].

Таким образом, в Сибири появилось две власти, претендовавшие на центральное значение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На фронте Комуча

1. Три версии

Оставим пока Сибирь. Познакомимся с другим одновременно создавшимся противобольшевицким фронтом — фронтом Поволжским. Здесь волею судеб у власти также оказались социалисты-революционеры, но только в роли народных избранников — членов разогнанного большевиками Учредительного Собрания.

На Волжском фронте и роль чешского выступления была гораздо значительнее.

«Не правы те, которые теперь, задним числом, воображают, что чехословацкие части были факелом, который якобы зажег противобольшевицкое движение», — пишет в своем коротеньком очерке «Как подготовлялось волжское движение?»¹ один из членов партии с.-р. Брушвит, сам принимавший в нем активное участие. Конечно, совершенно правильно Брушвит говорит, что «в русской общественной среде готовились организованно к выступлению против большевиков задолго до прихода чехословаков». Но, поскольку речь идет о Самаре, фактически прав французский консул в Самаре, писавший Нулансу в августе: «Ни для кого ведь нет сомнения, что без наших чехов Комитет У. С. не просуществовал бы и одну неделю» [*Владимилова. С. 356*].

Участники самарского бедствия, естественно, склонны преувеличивать и свою роль, и свою инициативу. «Еще никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла в степях Заволжья», — пишет другой эсеровский деятель на Волге, Нестеров, имеющий в виду борьбу уральских казаков против советов и крестьянские восстания в Николаевском и Новоузенском уездах. Организацию и этой борьбы Нестеров склонен приписать своей партии,

¹ Напечатан в серии очерков о гражданской войне на Волге, помещенных по случаю исполнившегося десятилетия в «Воле России» [1928, кн. X, с. 93].

которая в лице областного Комитета заключила конвенцию с казаками относительно общего плана действия¹. Общее восстание «нормально», по словам Нестерова, «должно было произойти осенью». Но «история рядом с нашим движением и нашей подготовкой поставила в порядок дня другое событие: выступление чехословацких «легий» и тем нарушила естественный ход событий» [«Воля России». X, с. 109—119].

Брушвит придает еще более организованный характер самарскому начинанию — он ставит его в непосредственную связь с сибирским движением. Командированный для зондирования почвы и налаживания связи в Сибирь Брушвит встретил там организации, уже готовые «поднять восстание». В начале мая он сговорился в Томске с инициаторами сибирского выступления. Был выработан «общий тактический план», согласно которому с Волги должны были послать подкрепления в Сибирь. Сам автор, «фотографически» излагающий факты, тут же добавляет: «Это была романтическая идея» [с. 93]. «С чехами, — говорит он, — мы тогда даже и не считались, и не знали, что им тоже придется выступать». Дальше Брушвит сообщает, что он получил от Гришина-Алмазова телеграмму о назначении выступления на 15—16 мая. К этому времени пришло чехословацкое выступление, и Брушвит отправился в Пензу для «связи» с ними. Не в напечатанных воспоминаниях, а в свое время на митинге в Самаре² Брушвит рассказывал, что он был встречен вначале недружелюбно. Чехи вмешиваться не хотели, но тем не менее он убедил их двигаться на Самару.

Третий участник волжского движения с.-р. Лебедев, бывш. управляющий морским ведомством при Керенском, инициативу и организацию волжского движения приписывает центру. В своих воспоминаниях, напечатанных в той же «Воле России» [28, VIII] и по форме носящих

¹ Соглашение было выработано в июне. Между прочим, в проекте, опубликованном Лебедевым в «Воле России» [VIII, с. 69], подчеркивается паритетность в руководящем движении органе.

² «Вест. Учр. Собр.», 6 сент.; *Владимирова*. С. 322.

характер дневников»¹, Лебедев так излагает разработанный в Москве план, отдавая пальму первенства, конечно, своей партии. В высоких тонах написан этот апофеоз:

«... Народные массы смотрели с надеждой на единственную большую партию соц.-рев., единственно могущую в это время поднять знамя борьбы против большевизма.

¹ Записи сделаны Лебедевым, как поясняет редакционное примечание, в дни, указанные в датах или несколько позже описываемых событий, но в 1918 г. Не сомневаемся, что записи эти делались, но надо предположить, что они подвергались существенным коррективам, иначе придется признать, что автор дает себе слишком нелестную характеристику. Лебедев, среди других входивший в «Союз Возрождения России», в брошюре, изданной в Нью-Йорке в 1919 г. и воспроизводившей доклад автора по приезду из России в заграничном «Союзе», называет «Союз Возрождения» объединением «руководящих элементов русской государственной жизни» [с. 11]. В брошюре Лебедев рисует идиллическую картину согласованной деятельности «Союза Возрождения», «Национального Центра», партии к.-д., савинковской организации, беспартийных офицерских организаций и партии с.-р. на почве восстановления общесоюзного фронта для борьбы с Германией. «Все ясно понимали, — писал Лебедев в своем докладе, — что большевицкая власть сама по себе не может долго продержаться, но нужен был какой-то толчок, какая-то внешняя сила, вокруг которой и под прикрытием которой могла бы сформироваться национальная сила. Таковой силой могли явиться или уральское казачество, ведущее у нас в течение 3-х месяцев ожесточенную борьбу против большевиков на Урале, или армия ген. Алексеева, находящаяся на юге России, или же союзные войска... В конце мая мне пришлось ехать в качестве особо уполномоченного от этих общественных организаций на Волгу и дальше на Урал именно для ведения этой борьбы» [с. 12–14].

В своем «дневнике» Лебедев уже усиленно подчеркивает, что соц.-рев. к «белому» движению никакого отношения не имели. Лебедев, по-видимому, человек увлекающийся. Попав на Волжский фронт в среду своих партийных товарищей, он быстро изменил свои московские настроения. Но доклад г. Лебедева был сделан уже после ликвидации Самары. Следовательно, если не предполагать позднейшей ретушировки «дневника» согласно современным взглядам одного из редакторов «Воли России», политически шедшего до последнего времени в рядах «черновцев», мы будем иметь пример довольно исключительного двурушничества.

Все ждали в этот момент, что эсеры выступят против новых самодержцев. Что они прибегнут к своему обычному приему борьбы былых времен — террористическим актам — и что вслед за ними подымутся народные массы. Советская Россия в этот момент уже представляла собой насыщенный раствор, готовый для кристаллизации, и не хватало только сильного толчка, чтобы этот процесс начался.

Надо было иметь громадное мужество для того, чтобы, собравшись в самой крепости большевизма и на глазах у все сильного посланника Германии, графа Мирбаха, объявить на всю Россию необходимость возобновления войны с Германией и большевиками. Партия это сделала¹.

Она первая и единственная сделала это. На Дону — Краснов, на Украине — Скоропадский и кадеты, в Финляндии — Маннергейм, в Москве — большевики пресмыкались перед победителем и, как во время татарского нашествия, из ханских рук получали власть над народом. Иные же боролись против большевиков, но оставались нейтральными по отношению к Германии².

8-й совет партии соц.-рев. не побоялся взять на себя инициативу борьбы как партия³ [VIII, с. 61—62].

«У нас не было сомнений, что местные военные организации при помощи уральского казачества и крестьянства быстро справятся с местными большевицкими силами.

Но справиться с местными большевиками было просто. Гораздо труднее было создать серьезный антигерманский фронт. Союзники (их представители) обещали прислать десант в Архангельск и в Сибирь через Владивосток.

Правда, и германцам было нелегко, даже опираясь на послушный им Совет Нар. Комиссаров, отправить сколько-нибудь крупные силы на Волгу. Они к тому времени безнадежно увязли на Украине, и рисковать посылкой войск за полторы тысячи верст от своих границ в глубь страны, объятой восстанием, для них было бы громадным риском. На этом строились все наши расчеты. Вкратце план был таков. Восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архан-

¹ «Опираясь на финансовую и военно-техническую поддержку союзников», как говорилось в «тезисах» для партийных агитаторов, изданных на основе резолюции 8-го совета [Владимирова. С. 216].

² Намек на Добровольческую армию.

³ Восьмой совет партии происходил 20—27 мая, т. е. тогда, когда волжский план, по словам Брушвита, не только был разработан, но и осуществлялся.

гельске и их движение к Вологде на соединение с Волжским фронтом. Другой десант во Владивосток и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать оборонительный фронт до их прихода...

Волга была избрана как наиболее удачное место, потому что она была достаточно удалена от центра большевицких сил, потому что на ней происходил уже ряд стихийных крестьянских и городских восстаний, потому что на Волге имелось много эвакуированного с фронта вооружения и потому что она представляла собою естественный барьер, за которым легко было начать развертывание всех наших сил. И наконец, за Волгой уже боролось, и с большим успехом, демократическое уральское казачество и с ним крестьянство двух соседних уездов — Николаевского и Новоузенского.

Единственно, чего мы не знали, — это когда, где именно и как начнется наше восстание. Но мы глубоко верили в то, что оно начнется» [с. 63–64].

Раз неизвестно было, где и как начнется восстание, то, совершенно очевидно, не было и продуманного плана, а были лишь теоретические размышления, осуществление которых могло быть постановлено в зависимость от обстоятельств. Так и ставилось дело в «Союзе Возрождения». Поднимая вопрос о создании Восточного противогерманского и противобольшевицкого фронта, хотели избежать авантюры — они могли погубить борьбу за освобождение России¹. Ген. Болдырев, который будто бы вместе с Лебедевым разрабатывал возможный план восстания на Волге, ехал на Восток, а вовсе не на Волгу, для того чтобы «встать во главе вооруженных сил». Поэтому Болдырев без колебаний отклонил от себя сделанное ему в Самаре предложение занять пост военного министра [с. 28]².

Я остановился на трех указанных версиях организации борьбы с большевиками на Волге потому, что Са-

¹ Информация в Москве была очень слаба. См., напр., № 1 Бюллетеня «Союза Возрождения». Экземпляр передан мною в пражский Архив.

² О Восточном фронте, о предложении ген. Лаверна М. В. Алексею прибыть в Самару, когда откроется возможность, «для руководства всеми войсками, действующими против большевиков» и о плане «крайних правых» по отношению к командованию За-волжским фронтом см.: *Декинн*. Т. III, с. 87–88.

марский фронт, созданный искусственно и преждевременно, возник, скорее, в противовес планам «Союза Возрождения» и «Национального Центра» — двух основных политических организаций того времени. Форсируя выступление в Самаре, творцы этого фронта хотели создать фронт Учредит. Собрания и тем самым поставить другие общественные группы перед совершившимся фактом. Без достаточной подготовки самарский план превращался в «авантюру». Идя вразрез с намеченными комбинациями, это выступление осложняло дело, а в своих итогах нанесло чувствительный удар антибольшевицкому движению.

2. В Самаре

«На Волге сосредоточивались эсеровские силы для борьбы за Учредительное Собрание, революцию и Россию», — говорит в своих первых записях Лебедев [VIII, с. 56]. Совершенно очевидно, что это не было знаменем «Союза Возрождения». «Союз» ударение делал на последнем слове и относился отрицательно к идее восстановления власти старого Учр. Собр., с которой носилась партия, не смогшая в январе этого У. С. отстоять.

Я достаточно подробно останавливался в книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» на позиции эсеров после октябрьского переворота, в дни защиты Учр. Собр. и начала гражданской войны¹. Позиция партии была двойственной и противоречивой с того момента, когда, по мнению соц.-революционеров, наступила гражданская война. Брушвит этот момент определяет разгоном Учредительного Собрания². Но в действитель-

¹ См. гл. II. «Большевизм и октябрьский переворот» — «Комитет спасения Родины и революции», «Борьба за Учр. Собр.», «Кризис революционной общественности».

² Другие такой датой считают октябрьский переворот. Поэтому совершенно неосновательно приписывать идею насильственного низвержения большевиков исключительно партии соц.-рев. Это делает Лебедев; это делает и другой самарский партиец С. Николаев в «Воле России»: «Партия с.-р. раньше всех поняла и правильно определила действительную природу большевиков и их власти. Для нее было ясно, что власть эта может быть устранена только насильственно и только организованными силами самого народа» [VIII, с. 235].

ности лишь с конца мая соц.-рев. более или менее захватывает идея Восточного фронта, лишь 8-й совет партии с большей определенностью устанавливает тезисы о внешней и внутренней войне. По показаниям на московском процессе 1922 г. одного из руководителей военной комиссии эсеров, Дашевского, в качестве центра был избран Саратов [*Владимилова*. С. 230]. Выступление чехов перевернуло все планы, и спешно была выдвинута Самара¹.

В Самаре существовала беспартийная военная организация во главе со шт.-кап. Галкиным, установившая некоторые отношения с местной группой эсеров. Силы ее были слишком недостаточны для самостоятельного активного выступления². Чешский генерал Чечек в своих воспоминаниях подчеркивает, что он и Брушвиту, и ранее прибывшему из Самары делегату говорил: «Мы в Самару войдем, но задерживаться в Самаре не будем, ваша организация это должна знать» [«Воля России». VIII, с. 257]. В то время как Брушвит вел «политические» разговоры с чехами в Пензе, Климушкин прощупывал местные партийные организации. Представители соц.-дем. ему ответили, что «местная организация принципиально разделяет позиции эсеров и является «сторонницей активной борьбы с большевиками», но в силу позиции Центр. Комитета партии вынуждена «воздержаться от активного участия в борьбе с большевиками» [«Воля России». VIII, с. 224]. Пошли эсеры «на всякий случай» и к кадетам. Представители местного губернского комитета задали интервьюерам вопрос: «Есть ли у Вас сведения, что чехи пробудут на Волге так долго, как это потребуют наши русские интересы?». Климушкин ответил: «Ни сведений, ни уверенности в этом у нас нет». Тогда председатель Комитета

¹ Позже в Саратове было подготовлено выступление, имевшее целью открыть советский фронт уральским казакам. Соответствующий заговор в 4-й армии был раскрыт в августе. [См.: *Владимилова*. Работа эсеров в 1918 г. — «Кр. Арх.». XX, с. 156–165.]

² Галкин был командирован штабом Добр. ар., но связей с последней не имел. Посланная позже из Добр. армии в Сибирь делегация во главе с ген. Флугом в марте не могла Галкина разыскивать в Самаре [«Отчет о командировке». — «Арх. Рус. Рев.». IX, с. 249].

Подбельский заявил: при таких условиях кадеты будут считать организацию такого предприятия опасной¹. Согласилась поддержать эсеров только группа народных социалистов [там же. с. 225—226].

Совершенно непонятно при таких условиях заявление Лебедева (в упомянутом докладе), что власть в Самаре была вручена Комитету У. С. «по единогласному решению всех политических партий и общественных организаций» [с. 15]. Таково было решение только партии соц.-революционеров. На происходившем в Самаре 5 августа съезде членов партии, бывших на территории У. С., член самарского Комитета Голубков рассказал, что при обсуждении в Комитете вопроса об организации власти выявилось два течения: одно высказалось за создание коалиционной власти, включая к.-д., другое — за власть только членов У. С. «Остановились на последнем. С этим согласились и ЦК, и поволжские организации». Эсеры подменили, комментирует большевицкий историк, «намеченную в Москве Директорию “учредилровкой”». Эту «измену» позиции «Союза Возрождения» с.-р. Веденяпин на съезде объяснял так: «“С. В.” предполагал создать власть, основанную на военной (?) диктатуре, для чего имелось в виду выделить триумвират с неограниченными верховными полномочиями. Такая власть в настоящее «время не встретила бы поддержки со стороны населения»².

На деле все было еще проще. Пришли чехи и взяли Самару, «как граблями сено», по выражению Чечека [«Воля России». VIII, с. 211], — большевики сдали Самару почти без боя³. В операциях под Самарой приняли участие и местные военные организации, и «партийные силы». О последних подчеркнуто говорил на съезде Веденяпин. А

¹ Член партии к.-д. Соловейчик в своей брошюре «Борьба за возрождение», изданной в 1919 г. в Ростове-на-Д., говорит, что в середине мая к эсерам и кадетам в конспиративном порядке обращался французский консул Жано с предупреждением, что надо быть готовыми к свержению советской власти. Встречено было это сообщение скептически.

² *Владимирова*. С. 323—324. Автор пользуется протоколами съезда.

³ При взятии Самары у чехов было убито 7 человек; большевики потеряли 30.

мемуаристу Николаеву уже кажется, что Самара была взята «офицерскими и крестьянскими боевыми дружинами» до прихода чехов [«Воля России». VIII, с. 235]¹.

6 июня Комитет членов У. С. объявил о свержении советской власти и о принятии им на себя функций высшей государственной власти: «Собравшись в нашей штаб-квартире в 5 час. утра, — рассказывает Климушкин, — мы, все 5 членов У. С. (Вольский, Брушвит, Климушкин, Фортунатов, Нестеров), основная пятерка, взявшая на свою ответственность организацию вооруженного движения, сейчас же отправились в городское самоуправление и вступили в исполнение своих обязанностей» [с. 231]. Несколько по-другому изображает этот момент в своих воспоминаниях изменивший «учредивцам» с.-д. Майский. С довольно злой иронией он говорит: «Вышепоименованная пятерка в чешском автомобиле и под чешской охраной была доставлена в здание городской Думы и здесь объявила себя Правительством» [с. 60]. Но и сам Климушкин на митинге в Самаре в начале сентября 1918 г. излагал обстоятельства, при которых появилось Самарское правительство, приблизительно так, как изображает Майский: «Когда мы ехали в Городскую Думу для открытия Комитета в автомобилях под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков, горожане считали нас чуть ли не безумцами... В первые дни мы встречались с величайшими трудностями... Реальная поддержка была ничтожна, к нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали» [Владимирова. С. 324].

3. Народная армия

Народная власть в Самаре была поддержана «лишь небольшой кучкой интеллигенции, офицерства и чиновничества» (слова Брушвита на митинге). В беседе с самарскими кадетами Климушкин высказывал уверенность, что чехи «неизбежно задержатся на Волге долго» и «будут

¹ Помещая тут же воспоминания Чечека, редакция журнала даже не сделала оговорки.

искать контакта с русскими силами». И все же надо было быть готовым к тому, что чехи, согласно директивам свыше, покинут Самару. Единственной реальной вооруженной силой, которая могла быть в руках объявившего себя верховной властью Комуча, являлись на самом деле только добровольческие военные организации, т. е. фактически ставку эсерам приходилось делать на офицерскую среду. Что такое офицерство военного времени? Это — пестрый конгломерат, включающий все оттенки русской интеллигенции; эта ее органическая часть, в своем политическом и бытовом облике имевшая мало общего подчас со старым кадровым составом офицерства. Прежде всего, это новое офицерство было демократично. Его политические симпатии были столь же разнородны, как разнородно и все общественное мнение.

Самарское офицерство в большинстве, конечно, было беспартийно. Это вовсе не значит, что оно было «политически индифферентно», как думает Климушкин: «Плохо разбираясь в политике, оно было равнодушно к тому, с кем идти, лишь бы только драться с большевиками и поскорее их свергнуть» [с. 227]. Патриотический лозунг покрывал партийные знамена. Поэтому даже несочувствующая старому Учр. Собр. офицерская среда откликнулась на предложение совместного выступления и поддерживала Комуч, возглавивший антибольшевицкое движение на Волге. Она приняла знамя Уч. Собрания, шла под водительством членов У. С., но делала прежде всего патриотическое, а не партийное дело. Едва ли в сердце у каждого был как бы заранее выгравирован лозунг — «военная диктатура», которым поступиться заставила лишь тактика.

Психология офицерства достаточно отчетливо выступает в воспоминаниях кадрового офицера полк. Степанова, напечатанных в кн. I «Белого Дела» («Симбирская операция»). Степанов командовал 1-м чехословацким стрелковым Яна Гуса полком¹. Лебедев дал ему такую

¹ Между прочим, он рассказывает, что еще в Тамбове, где чехо-словацкий корпус сосредоточился всеми своими силами эшелонами, он предлагал заместителю Масарика Богдану Павлу выступить на Москву. Но предложение это сочувствия не встретило.

характеристику в своих записях: «Симбирск 26 июля... Сегодня ночью... Мы сдружились — я и Степанов... В нем мне чувствуется (не ошибусь ли?) глубокий демократ, человек, бесконечно любящий Россию, и человек с огромной волей. Я стал ему говорить о своей заветной мечте — походе на Казань, Н. Новгород, Москву. Степанов весь загорелся... Мы переживали чудные минуты... Жали руки и заключали союз: идти на Москву, сделать все возможное, чтобы эта мечта превратилась в действительность» [с. 133]. Свои личные переживания Степанов излагает, приводя беседу под Уфой с одним из своих знакомых, «членом правого крыла кадетской партии». Последний говорил: «Монархические принципы так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Потому, как это ни тяжело признать, монархические лозунги, если вы их выбросите, — потерпят фиаско. Мой совет вам вести деятельную борьбу под флагом восстановления поправленных прав 1-го всер. Уч. Собр.». «Долго думать не приходилось, — добавляет автор воспоминаний, — так как единственной реальной силой фактически были чехословаки, которые не сделали бы ни одного шага для борьбы с большевиками под монархическим лозунгом»¹ [с. 85]. Очевидно, Степанов, демократически настроенный, никогда не предлагал положить свой живот «во имя славного дела партии с.-р.», как выразился однажды Вольский. Неизбежно между руководителями партийной эсеровской политикой и этим

¹ Автор рассказывает о посещении полк. Чечека в Уфе депутацией от уфимского «монархического объединения» во главе с гр. Толстым. После его ухода Чечек в довольно грубой форме стал говорить: «До сих пор ко мне не явился ни один монархист, который предложил бы мне свою жизнь и силы для освобождения своей Родины от германских ставленников». Если Степанов верно передает квалификацию Чечека, то, по-видимому, последний не совсем разобрался в составе делегации, бывшей у него. Надо предполагать, что дело идет о гр. Толстом — известном уфимском земском деятеле, члене первой Госуд. Думы, редакторе «Уфимской Жизни», погибшем в качестве заложника в Сарапуле. Он принадлежал к партии к.-д. [Гутман. — «Белое Дело». III, с. 149; «Памяти павших». С. 62–63].

идейным офицерством (легко сказать «реакционным офицерством!») все глубже и глубже сказывалось расхождение. Вместе с тем начиналось со стороны офицеров и тяготение в Сибирь.

* * *

Господствовавшее среди офицеров настроение смущало самарских эсеров. «Мы ясно видели, — пишет Климушкин, — что офицерская среда чужда нам, положиться на нее целиком мы не можем. Но мы так были уверены в силе демократии, в силе тех масс, которые шли за нами, что офицерские планы нас не очень пугали» [с. 227]. Не столько эта уверенность, сколько сознание, что без офицерства бороться нельзя (слова с.-р. Утгофа), заставило с самого начала пойти на создание коалиционного военного штаба во главе с полк. Галкиным, которому были вручены «чрезвычайные полномочия» при формировании армии и командовании военными силами [приказ № 1]. В штаб вошло 5 групп. Их так определил на партийном съезде докладчик, один из работников штаба, Грачев: 1) соц.-рев.; 2) беспартийные офицеры, организовавшиеся в подполье и работавшие с соц.-рев.; 3) беспартийные и неорганизованные офицеры; 4) организованные еще в подполье монархисты; 5) офицеры из Поволжского большевицкого округа. Главнокомандующим войсками Комуча был назначен чешский полк. Чечек.

Создавая армию, Самарское правительство начало с принципа добровольчества, приказ о чем был издан в первый же день [приказ № 2, 8 июля]. Отличительным знаком новой армии была принята георгиевская лента наискось околыша. Этим выражалась «идея беззаветного мужества». Эсеровские политики, публицисты и историки обычно в довольно восторженных тонах говорят о Народной армии и о поддержке, которую Комуч встретил в массах. «Характерно, что большевики замалчивают в своих газетах наше грандиозное восстание, — записывает Лебедев 26 июля. — Оно понятно, Учредительное Собрание и Народная армия так страшны для них, так популярны, что даже руганью сопровождаемые о них сведе-

ния являются пропагандой в нашу пользу». «Это ведь не Скоропадский с Красновым и Алексеевым», — патетически заключает автор свою тираду [с. 125].

В действительности же добровольчество не дало ожидаемых результатов. Ген. Болдырев, прибывший в начале августа в Самару, исчислял количество этих добровольцев в 3000 человек. Майский, бывший министром труда в Самарском правительстве, доводит число добровольцев до 5—6 тыс. Эти добровольцы вместе с чехами (3—4 тыс.)¹ и выносили всю тяжесть борьбы... Комуч вынужден был перейти к принудительной мобилизации всех родившихся в 1897—1898 гг. Население «предпочитало мобилизации», — утверждает Лебедев. После захвата Казани (7 августа) власть Комуча простиралась на губернии Казанскую, Самарскую, часть Уфимской и Симбирской. К моменту приезда Болдырева число мобилизованных определялось в 50—60 тыс., среди которых, по словам Болдырева, вооруженных бойцов насчитывалось лишь 30 тыс. Действительная сила превышала 10 тыс.

Можно было продекларировать, как это сделал на крестьянском съезде появившийся 20 сентября в Самаре Чернов: «Народная армия должна быть мужицкой» [«Вест. Ком. У. С.», № 63]. Но крестьяне в армию не шли² или шли неохотно. Это общий голос, а не только злопыхательство Майского, в своих воспоминаниях утверждающего, что объявление мобилизации сразу «испортило отношение между крестьянством и новой властью» [с. 158]. Данное мероприятие было воспринято крестьянством как покушение на свободы от всяких государственных повинностей, которые, казалось им, только что были завоеваны [с. 134]. Эти мобилизованные были глубоко заражены — дополняет со своей стороны Болдырев — тем «общим отвращением ко всяким жертвам государственного порядка, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя» [с. 31]. У нас имеется аналогичное авторитетное свидетельство соц.-рев.,

¹ Позже число чехов на всех волжских фронтах, по-видимому, доходило до 10 тыс.

² Крестьянские отряды, не отличавшиеся, однако, большой устойчивостью, были в Вольске и Николаевске.

участвовавшего, как и Майский, в строительстве самарской власти, попавшего из Уфы в Советскую Россию, но не принесшего покаяния. Это Утгоф, начавший было печатать в «Былом» очерки из деятельности «учредивцев» на Волге. В первом очерке он с достаточной категоричностью говорил, что борьбу вели чехи и добровольцы: «Народная армия лишь отягощала казну». Причину неудачи Утгоф видел в отвращении населения к жертвам — будь то власть советов, Учред. Собрания, Колчака [с. 16]. Оценки Утгофа совпадают с выводами Болдырева: «Народная армия... представляла боевой материал весьма невысокого качества и являлась скорее обузой, требовавшей значительных средств на ее содержание». К тому же организационные увлечения приводили к обычному бюрократизму: молодой капитан, начальник одного из главных управлений армии имел штаб в 65 человек и... «почти никакого имущества» [с. 57].

В своих воспоминаниях (послесловие к «дневнику» 1928 г.) Лебедев все последующие неудачи на Волжском фронте и деморализацию армии склонен объяснить тем разложением тыла, которое якобы специально производили эмиссары Сибирского правительства вкупе с агентами генералов Алексеева и Деникина [VIII, с. 211]¹.

П. Н. Милюков в последней своей работе «Россия на переломе» утверждает, что причиной разложения Народ-

¹ Имеются у Лебедева аналогичные выпады и в «записях» 1918 г. «Снова черная сотня на помощь большевикам», — записывает он 26 июля по поводу какого-то призыва ген. Думбадзе к офицерам поступать в Сибирскую армию [с. 129]. В июле «черная сотня» в Сибири была в сущности эсеровская! Агитация Юга сказалась в том, что Добровол. армия в начале июля послала своего «агента» Моллера завязать связь с чехами [с. 185]. Об этом ниже.

Характерно, что в самые дни самарской эпопеи эсеровские политики, когда было нужно, козыряли своею связью с Добровольческой армией. Так, министр иностранных дел Веденяпин писал русскому посланнику Гулкевичу в Стокгольм: «Мы находимся в сношениях с Добровольческой армией на Сев. Кавказе, организованной ген. Алексеевым». Подчеркивание это было нужно Веденяпину для того, чтобы воздействовать на американцев [*Шапиро Д.* По Сибири. — «Сиб. Огни», 1922, № 3, с. 137].

ной армии являлось введение в нее «демократических» начал, погубивших армию в февральскую революцию. Подобное утверждение, как я указывал в своей критике работы Милюкова, можно делать лишь с очень большими оговорками, так как специфически «демократических» начал вовсе не было в обиходе Народной армии. «Левые» круги и большевицкие историки предъявляют организаторам Народной армии как раз противоположные обвинения. «Кадром этой армии, — говорит советский военный историк¹, — являлась подпольная офицерская организация с определенно выраженным черносотенным и монархическим характером, в силу чего в этой армии начали вводиться и все старые дореволюционные порядки старой армии»². Помощники Галкина по организации армии эсеры Лебедев и Фортунатов (одно время Боголюбов) понимали, что пресловутая «демократизация» армии ведет только к ее ослаблению: никаких комитетов и комиссаров, беспрекословное исполнение всех приказов и военно-полевой суд для не исполняющих их — такова программа штаба в обрисовке Лебедева³ [Доклад]. Майский обвиняет самарских «учредивловцев» в том, что они боялись шевельнуть пальцем для осуществления действительной демократизации армии и без боя отдали «эту огромную силу в руки монархистов и тем самым подготовили собственную гибель» [с. 163]. Комитет У. С. не сумел подчинить себе армию и «превратился в ее игрушку» [с. 149]. Одновременно Майский совершенно правильно ставит общий тезис: «В 1918 г. для каждого из существовавших

¹ *Какурин Н.* Как сражалась революция. 1925, т. I, с. 156.

² «Я хорошо помню, — рассказывает Майский, — какой переполох произошел как-то на частном совещании наиболее влиятельных работников Комитета, когда член У. С. Н. И. Ракитников высказал мысль о необходимости в целях борьбы с реакционным духом в армии командировать членов Комитета в отдельные войсковые части в качестве комиссаров, наделенных широкими полномочиями» [с. 160].

³ Исключение среди большевицких историков представляет только Анишев, автор работы «Очерки истории гражданской войны 1917—1920» [Л., 1925], он говорит о «демократических бирюльках», ускоривших развал Самарской армии [с. 219].

тогда в России правительств вопрос об армии ставился так: кто кого? Правительство ли сумеет взять в руки защищающую его армию, превратив в инструмент своей власти, или же, наоборот, армия возьмет в свои руки охраняемое ею Правительство, превратив его в простую этикетку на своей винтовке» [с. 148]. Самарское правительство не сумело подчинить своему влиянию армию, но не потому, что оно стало игрушкой «банд» Галкина, как выражается в мемуарах бывш. министр труда Кому-ча, которому на первых порах по приезде из РСФСР все казалось «милым и приятным» у Самарского правительства: «никакого намека на социалистическую революцию» [с. 33], — армия разошлась с общей политической позицией Правительства и не хотела под чужим партийным соусом делать свое патриотическое дело. Поэтому так настойчиво, «почти ультимативно», один из самых доблестных вождей Народной армии, подлинный герой гражданской войны, погибший во время «ледяного» отступления в Сибири, полк. Каппель¹ заявил прибывшему Болдыреву (нач. августа) о «необходимости немедленно общего и политического объединения» [*Болдырев*. С. 31].

Этого объединения старалось избежать Самарское правительство...

4. Борьба с большевиками

Я не буду описывать ни боев, ни захвата городов — вообще не коснусь стратегии Волжского фронта. Это не входит в мою непосредственную задачу. Первые два месяца Народная армия — пусть главным образом добровольческая и чешская части — имела успех. Успех опьянял. Начало почти всегда сопровождается некоторым энтузиазмом. В добровольцы шли наиболее активные элементы. Плохо вооруженные, как и везде, добывая себе в боях патроны и снабжение (особенно тяжело — отмечает Болдырев — было уральским и оренбургским каза-

¹ Каппель с самого начала проповедовал согласованную борьбу с большевизмом, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности. Его беседа с членом У. С. в Симбирске [*Николаев С.* Народная армия в Симбирске. — «Воля России». X, с. 126].

кам), эти добровольческие отряды мужественно боролись за освобождение Поволжья.

Чехословаки тоже переживали «медовый» месяц — месяц надежд и порыва. Они верили в помощь союзников, которая приближается. Представитель французской военной миссии в Челябинске Гинэ усиленно поддерживал эту версию [*Масарик Т. Г. II*, с. 83]. На запрос полк. Степанова Гинэ «дважды совершенно официально» заверил, что корпус японцев уже подходит к Чите и во Владивостоке высаживаются три дивизии французов, англичан и американцев, по прибытии которых чехам будет дан отдых [*«Б. Д.» I*, с. 89]. 28 июля Галкин на заседании Правительства делает «внеочередное заявление», со слов французского капитана Барда, прибывшего в Самару от Нуланса и ген. Лаверна, о помощи финансовой и материальной, которую союзники не замедлят оказать комитету У. С. [*Журнал заседания № 17; Владимирова. С. 329*]. Бард в Симбирске подтверждает Лебедеву, что союзники уже подходят к Вологде¹, и тем самым до некоторой степени провоцирует Лебедева на захват Казани.

Самарское правительство верит, рассчитывает и торопит с «интервенцией». «Во что бы то ни стало надо победить инертность американцев, — пишет Веденяпин Гулкевичу. — Их страх перед интервенцией в русские дела основан, очевидно, на недоразумении. Присутствие их в достаточной мере есть лучшая гарантия того, что военная поддержка союзников не превратится в интервенцию и длинную оккупацию... Каждое замедление в помощи союзников военной силой и продовольствием нам и чехам равносильно измене. Действуйте на общественное мнение в этом смысле». Так писал довольно «левый» по своим настроениям член партии соц.-революционеров. Самарский министр иностранных дел через некоторое

¹ На процессе эсеров в Москве Маршан обвинял французское генеральное консульство в сознательном обмане: «Оно вело целую кампанию лжи и преувеличенных слухов»... «Мне было приказано, например, сказать, что уже началась на Дальнем Востоке высадка японской армии в размере чуть ли не 200 000 человек, в то время когда сам генеральный консул сказал мне, что, может быть, японцы и не пойдут» [*Владимирова. С. 214*].

время получил ответ от французского министра иностранных дел Пишона. Тот писал: «Будьте уверены, что французское правительство приветствует всякий симптом национального пробуждения в России и всячески поддержит вас в вашей задаче ее воссоздания». Люди верили. Близкая возможная помощь окрыляла надеждами.

Окружающие настроения содействовали некоторому самообольщению. Лебедев, с излишним упоением говорящий в своем «дневнике» о влиянии эсеров в деревне [с. 93], в одном прав: на левом берегу Волги создалось определенно враждебное отношение к большевикам. Не только в деревнях, близких к восставшим казакам, но почти повсеместно. У меня сохранился доклад лица, командированного из Москвы на Восток «Союзом Возрождения»¹. Рассказывая о встреченном им антибольшевицком настроении, он передает, между прочим, что чувашаи и черемисы избивают людей с советским паспортом и красноармейских разведчиков. Несомненно, настроение такое было создано многочисленными карательными отрядами большевиков, которые прошли по Заволжскому краю и которые повсеместно возбуждали крестьянские восстания. Последние, естественно, учащались по мере продвижения Народной армии и вместе с тем содействовали этому продвижению.

Большевицкий историк гражданской войны на Урале (Подшивалов), описывая взрыв крестьянских движений на Южном Урале и в Поволжье [с. 123], должен признать «политически-психологическую неустойчивость масс»: «Деревня за деревней выходили с ружьями, с вилами, возникли крестьянские штабы, руководившие восстанием, появилась знаменитая крестьянская конница, вооруженная одними косами, но смело выступавшая против винтовок и пулеметов и вооружавшаяся потом захваченным в бою оружием». Такими восстаниями весной и летом 1918 г. были охвачены Самарская губ., Красноуфимский и Шадринский уезды Пермской губ., часть Бирского, Уфимского и Златоустовского уездов Уфимской губ., вся северная часть Оренбургской губ.

¹ Он передан в пражский Архив.

Лебедев, как всегда, когда дело хоть косвенно затрагивает эсеров¹, в повышенных тонах описывает восторг населения при падении большевицкой власти.

«В самой Казани население встретило нас с беспредельным восторгом. В течение 34-х дней, которые мы там оставались, во всех церквях служились молебствия, в мечетях то же самое. Железнодорожные рабочие образовали дружины против большевиков; университет целиком примкнул к нам, городское и земское самоуправление приняло самое деятельное участие в работе по защите города, по организации всего движения и по пропаганде в пользу формирования Народной армии. На текущий счет фонда Народной армии, учрежденного мною при Госуд. Банке, в течение нескольких дней поступило свыше 8 млн рублей... Состоятельные классы обложили себя добровольным пожертвованием на Народную армию в сумме 30 млн рублей. Я просил мусульманское население дать мне кавалерию, и в течение суток был сформирован эскадрон кавалерии. Студенчество горячо откликнулось на призыв и вместе с лучшей частью рабочих пошло в добровольческие полки. Офицерство сформировало четыре инструкторских батальона, где оно дралось простыми рядовыми. Была создана могущественная артиллерия. В Казани большевики несколько раз производили мобилизацию лошадей, и поэтому было весьма ограниченное количество лошадей; но, когда я обратился к Городской Думе с просьбой доставить мне лошадей, гласные в течение ночи бегали по всему городу и к утру было приведено 1500 лошадей. Крестьяне из окрестных деревень вели лошадей для Народной армии. Даже те, у кого было только 2 лошади, вели к нам одну на Народную армию».

В противовес позднему заявлению Майского Лебедев подчеркивает сочувствие рабочих и непосредственное подчас их участие в антибольшевицкой борьбе (Сызрань, Симбирск, в Уфе создан особый отряд из железнодорожников). Под 26 июля у него, между прочим,

¹ К этому мемуаристу более чем к кому-либо следует отнести пожелание, которое высказывает в той же «Воле России» Сухомлин: «Мы вправе ожидать от с.-р. не апологии своей партии, а беспристрастного изложения фактов [«Политические Заметки». X, с. 156].

записано: «Сегодня пришла пробравшаяся делегация от сормовских рабочих из Нижнего Новгорода» [с. 128]¹.

Каково было местами настроение, показывает знаменитое в летописи гражданской войны августовское восстание в Сарапульском уезде во главе с рабочими Воткинского и Ижевского заводов. Это движение, проникнутое, как нигде, идеалистическими побуждениями, показывает, каких результатов можно было бы достигнуть среди населения при подходящих условиях. Конечно, и на отдаленном от Самары фронте, в сущности, действовало только меньшинство, и здесь мы встретимся с ослаблением жертвенности по мере растущих затруднений. Это естественно, и не только в период гражданской войны настроения быстро меняются². И

¹ На сормовских заводах было ярко антибольшевицкое настроение. Когда в июне большевики поставили вопрос о национализации заводов, из 18 тыс. высказалось «за» — 300 и воздержавшихся было 150 человек. В том же июне латышским отрядом была разогнана беспартийная конференция рабочих. Участник этой конференции Уповалов говорит, что здание конференции было окружено несколькими тысячами рабочих [«Заря». Берлин, 1923, № 2].

² И чем менее культурен человек, тем большую роль играет у него настроение. Это правильно отметил, говоря о настроениях Сибири, передовик газеты «Сибирь» [№ 52]. Может быть, в этом отчасти ключ к загадке, которую с некоторым недоумением должен отметить Сухомлин в «Воле России»; одни и те же рабочие, крестьяне, солдаты во время революции переходили из одного лагеря в другой [X, с. 158].

В ижевском и воткинском движении, в сущности, такой перемены настроения мы не замечаем — оно оставалось резко антибольшевицким. Было ослабление воли и жертвенности в широкой массе, когда начались в сентябре тяжелые дни. Тогда на изолированном, предоставленном самому себе фронте начинает замечаться ослабление активной поддержки повстанцев со стороны крестьян [Какурин. I, с. 97]. По свидетельству участника движения Уповалова, по мере увеличения армии (она под руководством на Воткинском фронте кап. Юрьева и на Ижевском под начальством кап. Федичкина достигла более 30 тыс. бойцов, имела 100 орудий, несколько сот пулеметов, взятых в боях) вообще ухудшилось ее качество [«Заря», № 4]. Исполнительный комитет принужден был даже утвердить применение смертной казни за бегство с фронта; смертная казнь была введена в октябре распоряжением штаба Нар. армии [«Ижевск в огне». с. 76; Гутман — «Белое Дело». III, с. 157].

все-таки народное движение в Сарапульском уезде при всем трагизме своего исхода — отрадное явление народной жизни. Русский народ не такое уж быдло, как готовы изображать иностранные участники гражданской войны в России. Одно существование Ижевско-Воткинского фронта опровергает само по себе «непреложный факт», который открыла впоследствии некоторая часть эмигрантской демократической публицистики, а именно: «народ этой войны упорно не принимал» [Вишняк М. — «Сов. Зап.». X, с. 474].

Сознательное меньшинство среди повстанцев стойко выдержало испытание, до конца выполнив клятву, о которой говорит тот же рабочий Уповалов, — не положить оружия в борьбе с большевицкой деспотией до тех пор, пока в России не взойдет солнце свободы [«Заря», 1923, № 4]. Мы встретимся с ними в Сибири — это были лучшие части колчаковского войска, соединившиеся с Сибирской армией ген. Пепеляева и эвакуировавшиеся вместе с частью населения (20 тыс.) с родины. Под руководством Каппеля они прошли всю Сибирь — сделали свой «ледяной поход». Без достаточного основания все заслуги по организации и руководству этим уральским движением деятели Комуча приписывают себе. Восставшими была формально признана власть образовавшегося прикамского Комитета У. С.¹. Все движение отнюдь не было связано с агитацией эсеров и возникло в значительной степени наперекор официальной позиции с.-д. Движение носило совершенно самобытный характер. Возникло оно в союзе фронтовиков, где существовала нелегальная «офицерская» организация во главе с кап. Юрьевым («монархистом» — по квалификации с.-р. Ракитникова. Гутман называет его соц.-демократом). Получилось красивое содружество ко дню восстания 8 августа. 200 офицеров, работавших на заводах (в большинстве, по-видимому, принадлежавших к местному рабочему

¹ Ган (Гутман) в цитированной статье («Два восстания») указывает, что никакого энтузиазма здесь не наблюдалось. В роту Учр. Собр. записалось всего несколько человек учащихся и интеллигентов [«Белое Дело». III, с. 152]. См. также его книгу «Россия и большевизм» [ч. I, Шанхай, 1921].

и крестьянскому населению), организовали армию. Крестьяне дали хлеб и обмундирование. Рабочие были то у станка, то временно уходили на фронт [*Уповалов*]. Примкнули к организации и эсеры, и отчасти меньшевики.

Непосредственного отношения к деятельности каких-либо партийных организаций не имело и августовское восстание в Красноуфимском уез. Пермской губ., а равно и партизанские отряды в Осинском и Мензелинском уездах¹.

Успех легкого продвижения чехов и Народной армии в первые два месяца объясняется и состоянием военной силы большевиков. Лучше вооруженная, значительно превышавшая Народную армию по количеству, техническому оборудованию — артиллерией, броневиками, пароходами — большевицкая армия на Волге еще не представляла собой серьезной активной силы. Советской власти действительно приходилось опираться на интернациональную рать латышей, китайцев, мадьяр и добровольцев-коммунистов. Только эти части дрались хорошо. Среди бумаг Лебедева сохранилась показательная телеграмма командовавшего фронтом Вацетиса из Сарапуля в Москву 9 августа. «Бои за Казань, — сообщает Вацетис, — обнаружили совершенную небоеспособность рабочих дружин, организация каковых существовала лишь на бумаге... К вечеру шестого все рабочие боевые дружины рассеялись... Войска оказались крайне недисциплинированными... вся тяжесть обороны легла на пятый латышский стрелковый полк... Что касается русских частей, то в своей массе они оказались к бою совершенно неспособными» [с. 161]. Приводит Лебедев и другой документ, попавший в руки вождям Народной армии под Симбирском: лента переговоров по юзу Тухачевского, находившаяся в Симбирске, с матросом Пугачевским, командовавшим на линии железной дороги. «Что же, — говорил

¹ На Урале вообще были особые условия. «Брест-Литовский мир оказался, — рассказывает рабочий Струмилло в «Записках», также напечатанных в берлинской «Заре» [1923, № 4], — поворотным пунктом в настроении рабочих». Забастовавший Верхне-Тагильский завод, бывший цитаделью большевиков, превратился во враждебный им лагерь.

последний, и тут следовало невыразимое ругательство, — не присылаешь подкрепления. Сколько раз я тебе говорил: присылай».

* * *

«Разве же не знаешь, — отвечал другой, и следовало то же самое ругательство, — что вся моя сволочь разбежится».

Сами большевики должны признать, что известный приказ назначенного командовать фронтом «левого с.-р.» Муравьева о прекращении гражданской войны и заключении мира с чехословаками был встречен его армией очень сочувственно [«Прол. Рев.». Кн. 75, с. 65]. Может быть, Муравьев и образовал бы свою «левоэсеровскую поволжскую республику» в Симбирске, а затем и перешел бы на сторону уже настоящих противников большевиков¹ — ничего принципиального в этом типичном авантюристе не было, — если бы так глупо не попался в лапы латышского отряда.

Первоначальный успех рисовал перед экспансивным Лебедевым уже в ближайшей перспективе Москву. Он недоволен, что Комуч и штаб сдерживают его пыл: «Наш единственный, но верный шанс на победу — безостановочное движение вперед. Комуч должен быть правительством в вагоне и идти за армией в Москву, пока большевики дезорганизованы» [с. 125, 128–129]. Принцип в гражданской войне в общем, быть может, и правильный. В элементарной стратегии волжского воителя, б. лейтенанта французской службы, все, однако, слишком упрощено: «Мы шли по Волге так же, как шли к Симбирску, т. е. оставляя вправо и влево на берегах Волги значительные отряды большевиков, не обращая внимания на то, что делалось по бокам и сзади нас, как бы загипнотизированные одной мыслью — взять Казань... Большевики, не ожидая такой необычайной дерзости, не предприня-

¹ В приказе Муравьев предписывал двигаться вместе с войсками Народной армии против Германии [«Воля России». VIII, с. 209]. Любопытно, что 4-й губ. съезд советов одобрил поведение Муравьева и убийство Мирбаха [«Пролет. Рев.». Кн. 8].

ли никаких мер для нашей встречи» [Доклад. С. 39–40]. И Казань была взята вопреки прямому запрещению командовавшего войсками Чечека.

Лебедев своей экспансивностью заразил и Степанова, и Каппеля, и доблестного Швеца, самоубийство которого, столь похожее на кончину нашего Каледина, запечатлело его имя на страницах мировой истории. И тот и другой своей смертью хотели остановить начинавшееся разложение — перед одним были казаки, перед другим чехословаки. Среди освободителей Казани был и вскоре погибший под Зеленым Долом сербский майор Благотич с отрядом в 300 человек¹. Лебедев кокетничает в своих воспоминаниях, рассказывая о письме Фортунатова в Комитет У. С. с просьбой отдать всех под суд и расстрелять для примера войскам за неисполнение боевого приказа. На победителей сыпался «град поздравлений» — от Комуча до Чечека². Взятие Казани передавало новой власти сконцентрированный там значительный золотой за-

¹ При взятии Казани 10 чел. сербов во главе с музыкантами, игравшими «Марсельезу», привели в крепость сдавшийся им латышский полк.

² Как легко *post factum* создавать легенды, видно из освещения вопроса о взятии Казани, которое начинает просачиваться уже в литературу. Лебедеву теперь кажется, что отмена Чечком продвижения на Казань была сделана под влиянием «агентов» Алексеева и Деникина. Добровольческая армия сама первой хотела выйти на Волгу [Примечание 19; «Воля России». VIII, с. 185]. Автор книги «Чехословаки в России» (1928), русский чех Драгомирецкий, использовавший огромную литературу, но, к сожалению, не всегда в ней разбирающийся — мешала оправдательная тенденция, которая сквозит в труде, взятие Казани приписывает уже интриге Сибирского правительства [с. 182]: Сибирь-де не хотела соединения с Деникиным, которое произошло бы, если бы был взят Саратов, как желало верховное чехословацкое командование. Таким образом, г. Лебедев выступает здесь как бы в виде «агента» Сибирского правительства! А вот объективный ход событий. Вольский пишет Лебедеву 16 августа: «По нашим сведениям к Саратову приближается Алексеев, но не будет брать Саратова, если мы двинем туда свои силы» [«Воля России». VIII, с. 168]. Добр. армия была далека от принципа конкуренции в гражданской войне.

пас. Но в действительности Казань смогла удержаться в руках Народной армии только в течение одного месяца.

Ген. Андогский, начальник Военной академии, «пленный» в Казани, превозносивший «таланты» эсеровских стратегов, в разговоре с Зензиновым докладывал, что взятие Казани является «одним из замечательнейших событий военной истории». «Кажется, — рассказывает Майский, — он сравнивал его с взятием Очакова Петром Великим» [с. 28]. Но победа под Казанью, скорее, пиррова победа. Этого не хотели понять Лебедев и Фортунатов. «Одержанная победа пьянила им голову, и они с уверенностью утверждали, что не позже как через два месяца все мы будем в Москве» — так говорил Лебедев Майскому при встрече в Казани [*Майский*. С. 27]. Сам Лебедев записывал: «Сегодня ночью (4—5 августа) был заключен настоящий союз. Степанов и Каппель после моих речей о будущих походах подали друг другу руки и дали слово идти на Москву. Я... (многоточие у автора. — С. М.), а Фортунатов сидел и блаженно улыбался. Это было в каюте доктора Григорьева, недавнего приверженца Савинкова, пробившегося к нам. Милый доктор просветлел, улыбнулся и записал дату в свою книжку. Эта дата... Здесь снова решалась судьба России. Здесь из мечтаний о Москве выросла железная решимость дойти до Москвы. Как чудесно жить на свете!.. Моя мечта о Москве сбывается... Иначе и жить не стоит. Ночь эта была в Богородске на Волге» [с. 150]. Сцена, зарисованная наподобие исторической клятвы Герцена и друзей на Воробьевых горах под Москвой, в XX веке не имеет той наивной романтической прелести, которая веет со страниц «Былое и думы». В этих строках подражания знаменитому образцу чувствуется лишь искусственность и литературная фальшь.

... «Если бы в это время обещанная помощь (со стороны союзников) нам была бы оказана», — говорил впоследствии в своем докладе Лебедев, — если бы у нас в это время было хоть два лишних полка, мы, несомненно, двинулись бы к Н. Новгороду и положение было бы совершенно иным... Но у нас не было лишних сил... [с. 47].

Если бы мы знали наверное, что те части японцев и американцев, составляющие в общем не менее 50 тыс.

человек, которые высадились во Владивостоке, и не думают прийти к нам в ближайшее время на помощь, если бы мы знали, что наш фронт предоставлен самому себе и чехам, то весьма вероятно, что мы, вместо того чтобы пробивать дорогу во Владивосток и растягиваться на протяжении 7 тыс. верст в глубину и 500 верст в ширину на одном Волжском фронте, сконцентрировали бы все свои войска, двинулись бы на Москву еще в июле или начале августа месяца после взятия Казани и судьба России была бы иная, потому что вместе с падением Москвы рухнуло бы и влияние советской власти. Для этого марша у нас было достаточно сил, но у нас не было достаточно силы для него при условии защиты Волжского фронта и ожидания союзников, которые все не шли» [с. 49—50].

Все это — «стратегическая» фантазия. Более уравновешенный Вольский писал Лебедеву 16 августа: «Думаю, что едва ли правильно оторвать фронт еще дальше Казани. Сил не будет впредь сдерживать врага. Чехи истомлены. Наши молодые силы невелики и накаплиются медленно». Лебедев и в комментариях 1928 г. к «дневнику» отстаивает правильность своей тогдашней позиции, причем он рисует картину, которой, как мы видим, не было в действительности.

«Демократические и социалистические силы, сгруппировавшиеся вокруг Комуча, мощные на Волге, бывшие в состоянии бросить в августе месяце все свои вооруженные части вперед и идти в случае возможного успеха в центр России и к Москве, превращая «Волжский фронт» из гипотетического «Восточного» во фронт борьбы за немедленный захват власти, не могли этого больше сделать в ноябре 1918 г. Их связывали общая с их разноголосыми союзниками военная и административная организация и проигрыш кампании на Волге, происшедший как раз в этот период на почве обороны, диктовавшейся идеей превращения Волги в «Восточный фронт». Этот проигрыш обессилил силы демократии и открыл силы реакции...

Все остальное явилось логическим выводом из этой основной предпосылки. Сжатые между реакцией и большевизмом партия и руководимые ею массы прекратили вооруженную борьбу» [с. 211].

Виновников отыскивать легко¹. Но именно в августе, в «момент наивысшего расцвета политического и военного могущества Кому́ча», началась на фронте неудача.

В августе — в начале августа — отмечает уже Болдырев разложение армии, организация которой едва еще началась. Боевые запасы приходили к концу, а союзники занимались пока больше «советами». Начинается отступление — в сентябре армия разбегается по домам или переходит на сторону «красных» [Какурин. I, с. 157]. Большевицкого военного историка можно заподозрить в пристрастии, но, в сущности, об этом говорят факты. И Майский утверждает, что мобилизованные не сражаются [с. 260], и чех кап. Голечек говорит, что Народная армия в «критический момент напора большевицких сил почти совершенно разваливается»², и Савинков отмечает, что Казань защищает чешский полк Швеца и после смены его только офицеры-добровольцы [Владимирова. С. 336]. Спасти положение дел не могли уже ни латышские батальоны, которые пытается организовать Брушвит³ для сопротивления «нападающему германскому империализму», ни партийные добровольческие боевые дружины, оживить которые стараются в Самаре [Майский].

Самарские политики всю вину пытаются возложить на других. Большевики перебросили на Волжский фронт якобы 150 тыс. и получили в свои руки чье-то опытное руководство. (Тогда успехи большевиков объяснились участием немецких офицеров и даже немецких регуляр-

¹ Повествование Лебедева с оттенком большого самохвальства следует сопоставить с критическими замечаниями Дикгоф-Деренталя [Из перевернутых страниц. — «На чужой ст.», 1923, II]. Между прочим, по его словам, при взятии Казани значительную роль играли остатки савинковского отряда, спустившиеся после неудачи в Рыбинске и Ярославле вниз по Волге. Из семи участков четыре держали члены Союза Защиты Род. и Св. [с. 59].

² В 1919 г. в Иркутске Инф.-просв. отделом чехосл. воен. мин. была издана брошюра Голечека «Чехословацкое войско в России», с. 77.

³ Собрание 26 августа в Самаре, на котором, по отчету «Сибири» [№ 39], присутствовало до 400 представителей местных латышей.

ных частей¹.) В этот момент Дутов, вступление которого в Комуч довольно торжественно приветствовалось эсерами 15 июля, не помог со своими оренбургскими казаками — не помог потому, что радовался-де развалу фронта «учредиловцев». Не помогло совершенно сознательно и Сибирское правительство. По этому поводу Болдырев заметил: «Эгоизм Омского правительства оправдывался до известной степени необходимостью окончания подготовки нарождающейся Сибирской армии. Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тех стремлениях, какими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, в том числе и колебания боевого престижа армии «учредилки», была, несомненно, весьма выгодна» [с. 31]. Большевицкий комментатор болдыревского текста Вегман не без основания замечает: «Упрек, который Болдырев делает Омскому правительству, крайне неоснователен. Армия Сибирского правительства была в то время столь незначительна, что о посылке подкрепления на Волжский фронт и говорить не приходилось» [Прим. 20, с. 512]. Эта армия была, кроме того, как указывает сам Болдырев, «отделена от Волжского боевого фронта и огромным расстоянием» [с. 59]. Как ни ненормальны были взаимоотношения Сибири и Самары — об этом после, предъявленное Сибири обвинение должно быть снято. Но как характерно для «экспансивного» Лебедева, отыскивающего везде виновников неудач. В минуту самую тяжелую он, не хотевший больше жить, если не будет движения на Москву, легко оставил внешний фронт и променял его на фронт внутренний. Он записывает 3—5 сентября: «Вольский вызвал меня внезапно из Казани, шлют в Уфу для подготовки Государственного Совещания, с диктаторскими полномочиями, увы, по охране Совещания на случай заговора Сибири и... Галкина! Мне подчинены рабочие батальоны (батальон?) Уфы. Боятся, как бы во время Государственного Совещания этот военный министр Комуча вкупе с Сибирью не арестовал Комуча» [с. 183].

¹ Руководители Кр. армии на Вост. фронте действовали весьма решительно, вводя военно-полевые суды и расстреливая дезертиров [Анишев. *Op. cit.* P. 151].

В связи с неудачами на фронте стала изменяться и психология чехов. Чехи остались на Волге «благодаря нашим настояниям», — докладывал Веденяпин на партийном съезде в Самаре 5 августа. Владимирова делает к этим словам основательное добавление: «и при поддержке союзных консулов» [с. 232]¹. Они остались, встретив несомненное сочувствие среди населения. «За все время нашего пребывания на Поволжском фронте, — вспоминает Чечек, — мы не видели ни одного злодеяния против нас со стороны населения» [«Воля России». VIII, с. 265]. «Чехофильское настроение населения значительно помогло нашим военным успехам», — добавляет Штейдлер [«В. Сиб.». IV, с. 25]. Л. Кроль, со своей стороны, иллюстрирует это рассказом о первой встрече с чехословацким отрядом: «Отношение к нему жителей проявилось явно сочувственное. Солдатам несли яйца, молоко, масло». Но «энтузиазма» Кроль не заметил [с. 58].

Не очень-то уже доверяя реальной военной помощи союзников, оставшись изолированными в России, чехи искали опоры в тех элементах страны, «которые пользовались доверием населения»². Они делали ставку на демократию. К сожалению, слишком часто здесь приводился знак равенства между демократией и партией с.-р. При таких условиях помощь в деле «возрождения и спасения России» слишком часто превращалась в поддержку того партийного дела, от которого теоретически они открещивались. «Никогда наш солдат не будет орудием тех или других отдельных партийных групп», — гласило самарское обращение чехов 15 сентября к русскому обществу. Чешский коммунист Шмераль, выпустивший специальную брошюру «Чехословаки и эсеры» (1922), контакт с партией с.-р. объясняет необходимостью внушить

¹ См. также: *Майский*. С. 52. Жано рассказывает, как на собрании 13 июня с 9 час. веч. до 5 час. утра уговаривали чехов остаться, обещая им при их содействии собрать армию до 500 т. [«Pour la Russie», № 15].

² *Глос.* Чехословаки и Сиб. Обл. Дума. — «Вольная Сибирь». IV, с. 32.

солдатам мысль, что «они действуют как революционные социалисты и в своей борьбе против большевиков руководятся русской социалистической партией». Для чешских социалистов, конечно, это было важно. В омском обращении в июле к «русским социалистам» они говорили: «Мы, как социалисты, уверяем вас, что наша армия не будет и не может быть использована в целях контрреволюции». Дальше шли лозунги, которым сочувствуют чехи: федеративная демократическая республика, созыв Учредительного Собрания, передача всей земли народу и т. д. [«Вест. Ком. У. С.», № 30]. Но чешская армия не была однородна. Чешской национальной политике присущ был известный оппортунизм. Окружающая обстановка побуждала — главным образом военное командование — не игнорировать и другие силы, которые могли помочь. Отсюда двойственность тактики. Нет поэтому ничего удивительного в том, что Чечек в Самаре высказал живейшую радость по поводу возможности союза с Добровольческой армией — обстановка была совершенно иная, чем раньше, когда проф. Масарик считал необходимым так решительно отгородиться от Добровольческой армии¹.

Чехословацкое войско действительно было в трагическом положении. Оно пыталось на Волжском фронте создать русско-чешские добровольческие отряды. Майский утверждает, что это было сделано в целях борьбы с

¹ Лебедев подвергает некоторому сомнению сообщение, приведенное в исследовании Деникина: «В книге Деникина слишком много лжи, и верить его сообщениям целиком невозможно» [с. 185]. И это говорит автор «дневника», напечатанного в «Воле России»! Дело заключается в том, что, ставя «ближайшей задачей Добр. ар. ... выход на Волгу», ген. Алексеев послал Моллера для выяснения возможности содействия со стороны чехов и казаков. Моллер ознакомил с письмами Алексеева ген. Шохорова и Чечека. Чрезвычайно показательно, что, по словам Деникина [III, с. 97], первый уклонился от прямого ответа. Это подтверждает еще раз ненормальную двойственность, которую создавала для русских военных служба в чехословацких добровольческих частях. Очень определенно отозвался полк. Щепихин, состоявший начальником штаба у Чечека, указав, что прибытие Добр. арм. ожидается с «самым живым нетерпением, которое вызвано не только военной, но, пожалуй, в большей степени политической конъюнктурой».

«черносотенной опасностью» со стороны армии [с. 160]. Вероятно, причина была иная. Чешские отряды на первых порах были более устойчивы и выдержаны. Подобным слиянием достигалась большая компактность. Недаром эти отряды приобрели быстро популярность.

Но все это были палиативы. Разочарование чешских воителей шло crescendo. Характерную беседу в последних числах августа в Челябинске с Б. Павлу передает Майский:

«Создание русской армии и у вас на Волге, и в Сибири идет слишком медленно. Государственный аппарат также налаживается плохо. Вместо того чтобы единым фронтом вести борьбу с большевиками, отдельные антибольшевицкие правительства начинают грызню между собою. Нас, чехов, всем этим вы ставите в крайне затруднительное положение... Так долго продолжаться не может. Если в ближайшее время не произойдет радикальной перемены, нам придется пересмотреть свою позицию» [с. 172].

Еще более определенно констатируется неудача в сармском обращении чехов, подписанном Медеком, Влашекком и Чечекком. Оно цитировалось в первой главе. Чехословацкому командованию уже в августе приходилось считаться с тем фактом, что солдаты не хотели заменять собой Народную армию [слова с.-р. Утгофа, с. 19]. На фронте начинались уже «неприятные осложнения» — чешские войска, в свою очередь, стали разлагаться. Отсюда пессимизм ген. Сырового, отмеченный в дневнике Болдырева [с. 63].

Этой драматической стороны пребывания чехословацкого войска в России мы должны будем еще коснуться. Это отдельная страница в истории гражданской войны.

5. Политика тыла

Деятельность армии нельзя изолировать от правительства. Что же, Комитет У. С. служил делу партийному или общенациональному? В конце концов, ни тому, ни другому. Таков неизбежно будет вывод, если отбросить все внешние декорации. Вероятно, здесь кроется одна из основных причин быстрого краха Комуча.

Несправедливо и не соответствует фактам утверждение, что эсеры из Комуча проводили на практике политическую программу «левых с.-р.»¹. Самарское правительство, в состав которого входило 14 с.-р., один меньшевик и представитель военной власти полк. Галкин, прекрасно учитывало, что всякого рода социалистические эксперименты не к месту. Оно вело, по позднему выражению Майского, борьбу всеми способами, «не останавливаясь решительно ни перед чем для нанесения смертельного удара первой в истории человечества социалистической республике» [с. 43].

В области экономической политики «Комитет стремился к полному восстановлению капиталистической системы хозяйства» — такова общая характеристика, данная соц.-демократом, входившим в состав Правительства². Все реквизированные большевиками промышленные заведения до разрешения вопроса о них были переданы местному самоуправлению. Вместе с тем приказом от 9 июля учреждалась особая комиссия по денационализации предприятий и возмещению владельцам убытков.

Декларировался незыблемым лишь один закон У. С. 5 января — закон о земле. Впрочем, и здесь делались уступки существовавшей практике: право собрать урожай и др.

«Буржуазия» на первых порах поддержала Комитет У. С. Осложнения происходили вовсе не на почве той социальной политики, которую пытались проводить социалисты, оказавшиеся у власти. Может быть, многих раздражал красный флаг над зданием Комуча, чему немало дивился французский представитель Гинэ [с. 156]. Все это были пустяки. Майский утверждает, что одной из главных причин «ссоры» Комитета с поддерживавшими его «правыми элементами» было допущение Совета ра-

¹ Это, между прочим, говорит Милоков [II, с. 41], имея в виду позицию эсеров «левого типа Чернова». Тем более не прав был А. И. Деникин, когда писал в III т. [изд. 1924 г.] своей работы, что Комитет У. С. являлся «отображением Советского правительства» [с. 98].

² Глава «Экономическая и социальная программа Комитета», с. 82—98.

бочих депутатов, большевицкий Совет был распущен тотчас же после переворота. Затем в июле состоялась рабочая конференция, на которой были выработаны формы и сроки выборов в новый Совет уже как в орган «общественного мнения», а не «власти». Он был созван в начале августа и... принял большевицкую резолюцию [с. 128]. Меньшевики пришли в смятение, эсеры негодовали. В конце сентября Совет был ликвидирован. Нет, не в этом заключалось действительное расхождение в данный момент Комитета с «правыми». Поскольку Самарское правительство являлось правительством областным, с ним до некоторой степени мирились, хотя оно и было, по выражению Майского, «эсеровским предприятием»... Но Комуч, устранив на другой же день наименование «самарский» Комитет, склонен был себя рассматривать как ядро всероссийской власти, которая должна собрать Учредительное Собрание 1917 г. Местное, временное эсеровское, «предприятие» грозило сделаться всероссийским. Это даже Дану — лидеру меньшевиков — казалось «нелепой авантюрой». Еще более «нелепой» казалась такая возможность широкой обывательской среде. Настроение было иное, чем в 1917 г.¹ И деятели Комуча настолько непосредственно это ощущали, что всячески противились приезду «идеолога и вождя» партии, председателя б. Учр. Собр. Чернова, который появился в Самаре лишь 20 сентября. Старое Учредительное Собрание или, вернее, его «охвостье» (исторический термин: «охвостье» Долгого Парламента в Англии) — это фикция, за которую держались эсеры. Учредительное Собрание 1917 г. — это партийная фракция социалистов-революционеров! Такое знамя — отрицание общенационального дела. Это вызывало отпор, это раздробляло силы. Создавая приказом № 7 от 3 июля при Самарском правительстве особое Министерство иностранных дел для сношений, между

¹ В этом отношении показательны были городские выборы, прошедшие на территории Комуча в середине августа. Они отмечали необычайный абсентеизм избирателей. Если в Самаре социалистическому блоку удалось получить $\frac{1}{2}$ голосов, то в других городах этого уже не было.

прочим, с правительствами внутри России, признающими Учредительное Собрание, Самарское правительство тем самым ставило себя вне остальной противобольшевицкой России. Вот где была зарыта собака, а не в той «левой» социальной политике, которую проводит Комитет У. С. Вот почему образ действий Комуча вызывал «правый уклон» у местных кадетов, что так не нравилось приехавшему из центра Л. А. Кролю [с. 60]. Партийная психология Правительства мешала ему слиться с национальным движением: здесь слова расходились с чувством. Партийное Правительство было под гипнозом фикции, им созданной, отсюда его излишняя самоуверенность до последнего дня. Что можно в этом отношении прибавить к словам Вольского в цитированном уже выше письме 16 августа к Лебедеву: «Идеи Комитета приобретают при всей вражде к ним все больше веса, и победы являются реальным фактом убеждения врагов и тупиц (!!). В составе Комитета уже более 40 членов У. С. В Сибири находится до 40. Это уже почтенная величина. Солидарность демократии через голову реакционного Сибирского правительства растет все больше, и, вероятно, последнее бесильно завянет, если не утонет. Все больше, все труднее, но и славнее наше дело, дело народа, дело возрождения, дело демократии, дело партии социалистов-революционеров».

Поразительное самообольщение, исключительная самоуверенность, а практика была элементарна и бедна. Только ли голос противника звучит в надгробном слове Комуча, помещенном 12 ноября в «Отечественных Ведомостях» (орган Белевского-Белоруссова): «Самарские эсеры не сумели создать ни власти, ни аппарата управления, ни армии, ни приобрести авторитета в населении». Прислушайтесь к голосу с.-р. Утгофа, который с откровенностью признает, что самарская эпопея прежде всего показала, что у эсеров не оказалось людей (а в Самаре был цвет партии, по характеристике Майского), способных руководить деятельностью государства в такой сложной и запутанной обстановке. Они не могли в Самаре дать деловых министров — самарские министры не пользовались фавором даже среди партийных товарищей. Эти «мало-

грамотные» в государственных делах партийные люди вели «странную и противоречивую политику, которая всех раздражала» [с. 36]¹.

6. Демократия у власти

Демократическая власть в Самаре фактически существовала лишь четыре месяца. Много темных пятен было на ее фоне. Впрочем, они объясняются, быть может, ее кратковременностью. И все-таки чрезвычайно показательно, что за четыре месяца своего существования эта власть на практике мало чем отличалась от других властей, появившихся в период гражданской войны и не имевших демократического нимба.

Никакой демократичности на территории Комуча не было — утверждает Майский. Были лишь — «широковещательные заявления» [с. 176]. В житейском обиходе своими приемами эта власть не отличалась от приемов власти «генералов черной сотни»² — Колчака и Деникина. Впрочем, отличалась одним — своей претенциозностью. Все то, что впоследствии ставилось на вид колчаковскому Правительству, довольно пышно расцвело с самого начала на территории Комитета У. С. И трудно сказать, каковы были бы результаты, если бы власть продержалась полтора года: сумела ли она побороть своего рода самарскую «атаманщину»? Демократическая власть не склонна признавать, что она подчас была бессильна бороться с отрицательными явлениями, которые породила гражданская война и которые окрашивали освободительную

¹ Утгоф приводит курьезный эпизод для характеристики дипломатических хитростей самарских министров-обывателей: желая «одернуть» военного министра Галкина, который, по словам Майского, «сумел положительно терроризовать» Комитет, Вольский составил проект обращения к народу против Галкина. «Нечаянно» оно было доставлено Галкину. Последний сам распространил воззвание «среди реакционного офицерства» [с. 35]. Этот случай вместе с тем довольно наглядно иллюстрирует взаимоотношения на верхах — между Правительством и военной властью.

² Образная квалификация с.-р. Святицкого в брошюре «Реакция и народовластие» [изд. «Народ», 1920].

борьбу реакционным колером. Нет, это была сильная власть, не идущая по стопам «Керенского»...

«Мы не допустим, чтобы кто бы то ни было здесь, в тылу, вонзил нож в спину борцов за народовластие», — грозно и авторитетно говорил председатель Комуча Вольский на рабочей конференции 5 июля. «Мы находимся в состоянии самой настоящей войны... Судьба решит, кто возьмет верх в этой борьбе... Пока же снаряды рвутся... все виновные будут подвергаться аресту и военному воздействию...» [«Сам. Вед.».]. «В настоящее время политика власти должна быть твердой и жестокой», — заявлял на партийном съезде 5 августа министр внутр. дел Климушкин [Владимирова. С. 326].

В чем проявлялась эта твердость власти? Приказ № 1 Комуча гласил: «Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов... Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинно народно-демократическим принципам, упраздняется и восстанавливается окружной народный суд». Это было 8 июля. Заканчивал Комуч свою деятельность созданием 17 сентября чрезвычайного суда из представителей ведомств внутренних дел, военного и юстиции. По положению (§ 5) суд этот мог назначать только смертную казнь. Тогда же было издано положение о министерстве охраны государственного порядка¹, предоставлявшее огромные полномочия министру охраны и его подчиненным органам. «Реакционный» орган Белоруссова впоследствии замечал с язвительностью: «У Самары деньги находились на эсеровские газеты — и на обширный департамент полиции» [«Отеч. Вед.», № 5]².

Комитет У. С. таким образом облекал в одежду формальной законности репрессии, происходившие в порядке повседневности. Посылая этот упрек, Майский в

¹ На железных дорогах с самого начала было объявлено военное положение.

² «300 прапорщиков Роговского» — так называли в Самаре, по словам Дикгофа, агентов демократической полиции [«На чужой стороне». II, с. 70].

главе о «внутренней политике» Самарского правительства [с. 175—187], — главе, наполненной сообщениями о действиях карательных отрядов и о других политических репрессиях, как истинный ренегат, отмежевывается от коллективной ответственности. «Возможно, сторонники Комитета мне возразят, — пишет он в своих покаянных воспоминаниях, — что в обстановке гражданской войны никакая государственная власть не в состоянии обойтись без террора. Я готов согласиться с этим утверждением, но тогда почему же эсеры любят болтать о «большевицком терроре», господствующем в Советской России?.. Террор был в Самаре, на той единственной территории, где волей исторического случая и чехословацких штыков эсеры на краткий срок оказались носителями государственной власти». Разницу между «эсеровским и большевицким» террором Майский видит в том, что «эсеровский террор был направлен против революции и против рабочих, в то время как большевицкий террор наносил и наносит удары контрреволюции и буржуазии. Эта разница радикально меняет политическую и моральную оценку террора в том и другом случае. Всякий искренний революционер не сможет принять эсеровского террора, но он без труда примет террор большевицкий» [с. 186—187].

О «революционных» вкусах спорить не приходится. Концепция Майского лжива в своем фактическом обосновании. С кровавым и циничным террором большевиков самые разнузданные насилия гражданской войны не могут быть сравнены. Ничего подобного, конечно, на территории Комитета У. С. не происходило. Лживо утверждение ренегата, что большевицкий террор направлялся только на буржуазию¹. В оценке системы террора дело не в объекте, на который направлен эксперимент, — такая «революционная мораль» из французского архива XVIII века общественной этикой нашего времени должна быть отвергнута. Дело в идеологии террора, в его проповеди, в его искусственном насаждении. Так было у большевиков. У их

¹ См. соответствующие страницы моей книги «Красный террор в России», которую с фактической стороны никто не опроверг и опровергнуть не может.

противников мы видим эксцессы власти, ее агентов; проявления мести и разнузданного человеческого темперамента. Вот в чем разница — ее понять ренегатская психология, очевидно, не может.

В отношении самарской власти Майский прав только в одном. Проще было с ее стороны без надобности не создавать демократического декорума, а сказать, как делали это другие, что и она была бессильна облечь гражданскую войну в правовые формы. Принципиальная демократичность грубо разбивалась жизнью, а сами носители демократической власти в стремлении проявить твердость легко сбивались на путь бюрократического произвола, притом произвола масштаба провинциального, как и все, что было в Самаре. Можно ли негодовать вместе с Майским на то, что управляющий Самарской губ. устраивает собрания редакторов, на которых просто предписывает, как газеты должны себя вести, о чем писать и т. д., если сам министр внутренних дел Климушкин, вспоминая блаженные времена Императора Николая I, вызывает в Уфу писателей Белоруссова, Чембулова — нар. социалиста, редактировавшего газеты «Труд», «Армия и Народ», и держит им такую приблизительно речь: «Мы хотим предоставить свободу печати, но газеты усвоили такой полемический тон, который мы допустить не можем. Газетная полемика подрывает авторитет власти». Чем же Климушкин недоволен? В «Отеч. Вед.» была, например, статья против Брушвита и самого Климушкина, где говорилось, что они неподготовлены занимать столь ответственные посты. Нельзя и оспаривать вопрос о созыве У. С., хотя-де и сам Климушкин отрицательно относится к этому урезанному собранию. Ввести цензуры демократы не могут, они предпочитают предупреждать, закрывать газеты и арестовывать редакторов. Белоруссов попросил все это зафиксировать на бумаге. Климушкин отказался: «Все равно бумаги мы не напишем». Орган Белоруссова смог тем не менее позже воспроизвести для потомства эту изумительную беседу [«Отеч. Вед.», 20 ноября, № 9].

Строптивные сотрудники сажались в тюрьму «по административной ошибке». Такой случай по распоряжению самого Климушкина произошел с видным самарским кадетом Коробовым за статью в «Волжском Деле».

Через три дня, впрочем, Коробов был выпущен, т. к. арест его вызвал всеобщее возмущение: «забегали кадеты, заволновался торгово-промышленный класс, выступило с настоящим «представлением» военное ведомство» [Майский. С. 177]. Объявленная приказом № 1 свобода печати была в Самаре весьма относительной. Обвинять за это Правительство едва ли возможно. Не всегда и печать была на высоте, не всегда она учитывала обстановку гражданской войны. Может быть, из самых хороших побуждений орган казанских меньшевиков «Рабочее Дело» 27 августа писал: «В рабочих кварталах настроение подавленное. Ловля большевических деятелей и комиссаров продолжается, усиливается. И самое главное, страдают не те, кого ловят, а просто сознательные рабочие: члены социалистических партий, профсоюзов, кооперативов. Шпионаж, предательство цветет пышным цветом... Жажда крови омрачила умы. Особенно стараются члены квартальных комитетов... При большевиках рабочие относились отрицательно к комитетам самообороны и в выборах участия не принимали. Выбранными в большинстве случаев оказались лавочники-спекулянты, домохозяева, а нередко и просто всякие темные дельцы... И теперь они «работают». Сильно тревожит рабочих неизвестная участь арестованных их товарищей. Распространяются слухи о поголовном будто бы их расстреле и прочее. Но кто, почему расстрелян — об этом молчат» [Владимирова. С. 335]. Я охотно допускаю, что здесь сгущены краски. Но как характерно само по себе, что эти факты отмечаются не в сатрапии какой-нибудь генеральской диктатуры, а на территории Комитета У. С. Содействующие власти легко ее дискредитировали. И не удивительно, если редактор самарской меньшевицкой «Вечерней Зари» вызывался для «внушений» к власти придержащей¹; не удивительно, что оренбургский атаман Дутов предавал на фронте военно-полевого суда редактора с.-д. органа «Рабочее Утро» за «возбуждение одного класса против другого».

Все это, если угодно, в порядке вещей. Но своеобразно то, что эсеровский министр внутренних дел вообще смотрел «на охрану государственной безопасности с

¹ Отчитывались иногда редакторы еще и перед чешской комендатурой.

точки зрения запретов». Он недоволен оппозицией «буржуазии» и запрещает торгово-промышленный съезд на территории Комуча. Тогдашняя жизнь не могла быть вложена, конечно, в рамки Плеве, и съезд тем не менее состоялся в Уфе под охраной уфимского военного командования, пользуясь тем, что территориальная независимость Уфы от Самары была неясна. На съезд прибыло 133 делегата от Урала, Поволжья и Сибири — это было накануне уже Уфимского Государственного Сопещения.

Примеру министра следовали и его агенты — «губернскими диктаторами» называет их Майский. «Временно» (правила 6 июля) этим губернским уполномоченным действительно были предоставлены исключительно широкие полномочия. Они могли бесконтрольно, «своею властью» арестовывать, отстранять служащих в административных и общественных учреждениях, закрывать собрания и съезды, вызывать военные власти и т. д. За высшими тянулись низшие, и бессудные обыски, и аресты стали в действительности довольно обычным явлением на территории, подвластной социалистическому Комучу. Случалось, как и в других местах — на территории «генеральских диктатур», что эти обыски и аресты производились неизвестно кем, — и власти приходилось только беспомощно разводиться руками. Напр., в Казани, где гражданскими делами заведовал особо уполномоченный самарского Комитета В. Г. Архангельский, происходила конференция «беспартийных рабочих», обсуждавшая, по примеру Самары, вопрос о выборах в новый Совет рабочих депутатов, «вместо распущенной большевицкой своры»¹.

Конференция по шаблону не большевицкой революционной демократии постановила: «Признать необходимым создание политического классового органа казанского пролетариата в виде Совета рабочих депутатов как организатора, руководителя задач рабочих масс, который ни в каком случае не должен стать или пытаться стать органом власти». Во время конференции «неизвестно по чьему приказу» несколько делегатов было арес-

¹ Выражение Архангельского в статье «Казань во время борьбы с большевиками» [«Воля России». X, с. 145].

товано. Арест вызвал волнения среди рабочих. Помощник чрезв. уполном. обещался рабочим разобраться в этом деле, но «при всем своем желании не мог даже выяснить, по чьему распоряжению арестованы делегаты»...

Власть действительно не могла подчас разбираться в сложной обстановке. Вновь Майский дает чрезвычайно показательную иллюстрацию. На территории У. С. существовали две контрразведки: русская и чешская. Нравы всех контрразведок, и русских и иностранных, и демократических и недемократических, к сожалению, везде оставляют желать лучшего. Русская контрразведка, по словам Майского, была довольно плохо организована и потому проявляла себя сравнительно мало. «Чешская была организована гораздо лучше и потому очень болезненно давала себя чувствовать населению. Система обысков и арестов применялась контрразведкой весьма широко. Бывало, часто людей хватали направо и налево без сколько-нибудь достаточных к тому оснований. Бывали поистине поразительные случаи» [с. 181]. Майский рассказывает, как в его отсутствие у него у самого был сделан обыск. «Это было недоразумение, — как объяснил министру труда начальник чешской контрразведки. — Вышла ошибка, только всего, голова ни у кого не свалилась. Бывает хуже».

«Если такие случаи возможны были с членами правительства, — добавляет автор, — то легко себе Представить, каково приходилось рядовому обывателю. Действительно, тюрьмы «территории Учредительного Собрания» были переполнены «большевиками», среди которых было много ни к чему не причастных людей. В Самаре, например, во время моего там пребывания, число заключенных доходило до 2000, в Оренбурге было около 800, в Хвалынске — 700, в Бузулуке — 500 и т. д. При этом условия, в которых находились заключенные, были по большей части отвратительные. В камерах, рассчитанных на 20 человек, сидело по 60—80, питание было плохое, и обращение нередко вызывало острые конфликты между охраной и арестованными» [с. 182—183]¹.

¹ См.: *Владимирова*. С. 325. Большевицкие историки, умалчивая о себе, любят, конечно, распространяться на тему об «ужасах» в Самаре.

Ренегаты не скупятся на «разоблачения». Плохо не то, что они разоблачали, а то, что они делали это в стране, лишенной всякой печати, кроме казенной. Они писали там, где истину о кровавой деятельности ЧК сказать было нельзя. Отсюда их тенденциозность. Убавим многое с того, что они рассказали, и все-таки останется немало. Вот разоблачает на страницах «Известий» [8 июня 1922 г.] учредилловскую практику бывш[ий] управляющий делами Комуча Дворжец. Густо положены у него краски:

«Было известно только одно. Из подвалов Робенды¹, из вагонов чехословацкой контрразведки редко кто выходил... В нашем штабе охраны официально арестованных было очень немного, но я знаю, что имели место словесные доклады начальника охраны Климушкину о том, что за истекшую ночь было ликвидировано собрание большевиков, ликвидирован заговор или обнаруженный склад оружия... В особенности эта «славная» деятельность проявлялась после замены начальника охраны членом Центр. Комитета партии народных социалистов А. П. Коваленко², при котором число ликвидированных «восстаний» и «ликвидаций» стало огромным. «Подавление неоднократных восстаний в гарнизоне происходило с неимоверной жестокостью; подробности известны не бывали. Передавали, что в Самарском полку из строя был вызван каждый третий... Это совершалось в центре... Что делалось в провинции... понятно без слов... И все же это — только маленькая частица суровой черной действительности»³.

* * *

Политические деятели всю вину за нарушение демократических принципов склонны всегда возлагать на армию⁴. Это до некоторой степени естественно, ибо близость фронта выдвигает на первый план военную власть. В

¹ Робенда — чешский прапорщик, комендант Самары.

² Такого члена ЦК не было.

³ Естественно, что местные репрессии били и по эсеровским организациям. И деятелям Комуча не приходилось жаловаться на это на августовском партийном съезде.

⁴ По образному выражению одного из них — на «черносоотно-зубодробительные устремления» белогвардейцев, наполнявших собой разные штабы.

ненормальных условиях гражданской войны слишком богата почва для конфликтов между гражданской и военной властью и для развития незакономерных действий. Армия в гражданской войне часто самоё себя содержит. В армию гражданской войны наряду с героизмом проникает типичный авантюризм, в армии гражданской войны падает дисциплина и воцаряются вольные бытовые нравы. Все это засвидетельствовано наиболее правдиво вождем Добровольческой армии А. И. Деникиным.

Гражданская война жестока сама по себе, озлобляет население, независимо даже от якобы присущей русским жестокости, которую открыл в русском народе Горький. Может быть, даже наивно касаться этих элементарных сентенций. Во всяком случае, Волжский «демократический» фронт не мог представлять исключения из общего правила. Жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой «буржуазной» морали первые разнуждали гражданскую войну. На них лежит вина за дикость произвола, они морально ответственны за темные пятна междоусобной борьбы¹.

Большевицкие историки подчеркивают жестокости, которыми сопровождался захват Народной армией и чехословацкими войсками поволжских городов. В целях воздействия на массы, московский «Еженедельник ВЧК» [№ 5], описывая «жестокость» и «бесчеловечность» чехов и «белых», уверял своих читателей, что это «далеко пре-

¹ Какое впечатление должно было производить на противников большевиков чтение, например, в сарапульской газете «Прикамье» описание зверского убийства 26 чехов на Уфимском фронте или убийство сарапульских заложников на барже в июле 1918 г. [Гутман. Два восстания. — «Белое Дело». III, с. 149]? Месть становилась почти «естественной» потребностью. В моей книге о «красном терроре» приведены бесчисленные примеры, свидетельствующие, что применять террор во всех его видах начали большевики. Финляндец Сванлюнг, активный участник борьбы против большевиков, в своей книге «Человек и Чудовище» [Лондон, 1928] говорит: «Я охотно признаю, что мы... избивали красных, не вникая в отдельных случаях, совершили ли они какое-либо другое преступление, кроме того, что они были красные... но, насколько я видел, мы никогда не мучили и не пытали пленных».

восходит всякие примеры массового террора со стороны советской власти». Можно подозревать, что все сведения, идущие из большевицких источников, преувеличены до крайности. Напр., Климушкин решительно отрицает цифру 300 убитых при захвате Самары: совершено лишь два самосуда над захваченными комиссарами Шнейдерским и Венцисом [«Воля России». VII, с. 231]. При двух самосудах едва ли надо было издавать специальный приказ о самосудах, как это сделало Самарское правительство. Очевидно, Климушкин вдается в противоположную крайность — отрицание того, что было в действительности. «Усердие черносотенцев было так велико, — повествует Майский, — что уже к вечеру 8 июля Комитет членов У. С. вынужден был издать приказ № 3, в котором говорилось: «Призываем под страхом ответственности немедленно прекратить всякие добровольные расстрелы».

Черносотенцы здесь были ни при чем. Послушайте, как изображает Лебедев настроение рабочих под Сызранью:

«На окраине города мы натолкнулись на летящий нам навстречу грузовик. При виде нас он повернул, и сидящий рядом с шофером высокий красавец... закричал:

— Спасайся, товарищи, белые подходят!..

В момент он был стащен с грузовика:

— А, так ты «красный»? К стенке! К стенке!

И высокий человек был уже в руках десяти разъяренных рабочих» [с. 104].

Лебедев своим вмешательством остановил убийство. Но ведь не всегда при таких сценах присутствовали «особо уполномоченные», да еще облеченные безапелляционной властью!..¹ Другая картина изображена Лебедевым в дневнике от 23—25 июля:

¹ Рабочие на Ижевском заводе также требовали расстрела коммунистов... Пришлось протестовать ижевскому Совету — не должно быть смертной казни при подлинно демократическом быте [Ижевск в огне гражданской войны. Ижевск, 1927]. Такую чисто «стихийную месть» большевицкие мемуаристы отмечают и при крестьянском восстании в Красноуфимском уезде; большевиков убивали вилами, косами, камнями. Это было еще до организованного «белого террора» [Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921, с. 73—74].

«... большевики снова ушли вверх, увозя с собой двух наших молоденьких солдат, захваченных врасплох и без оружия в одной из крайних хат.

А наутро мы нашли их на другом берегу Волги мертвыми, с отрезанными ушами, носами, половыми органами и выколотыми глазами.

Бедных мальчиков отвезли в Самару. Вольский приказал опубликовать все подробности этого зверства во всенародное сведение, а товарищами их овладело дикое чувство ненависти» [с. 112].

Это дикое чувство овладевало и чехами, хотя среди них, как оказывается, $\frac{3}{4}$ были социалистами. Социалисты не могли побороть, однако, ни чувства мести, ни чувства национальной ненависти, которая выступала, когда чешскими пленниками являлись мадьяры. Эту черту отмечают все без исключения мемуаристы того времени — Гутман, Кириллов, Кроль, Лебедев, Майский и др. При первом же свидании с Павлу Кроль обратил его внимание «на абсурдность того, что чехи не берут пленных, в особенности же мадьяр, а обязательно убивают их». Павлу ответил, что он всецело разделяет взгляды Кроля, но что «очень трудно бороться с настроением чехов-солдат, слишком глубоко ненавидящих мадьяр» [с. 63]¹.

Майский регистрирует такую, по-видимому, правдивую сцену, виденную им в Казани днем 7 августа в центральной части города:

«Я был невольно увлечен людским потоком, стремительно несшимся куда-то в одном направлении. Оказалось, все бежали к какому-то большому четырехугольному двору, изнутри которого раздавались выстрелы. В щели забора можно было видеть, что делается на дворе. Там группами стояли пленные большевики: красноармейцы, рабочие, женщины и против них чешские солдаты с поднятыми винтовками. Раздавался залп, и пленные падали. На моих глазах были расстреляны две группы, человек по 15 в каждой. Больше я не мог выдержать. Охва-

¹ Позже д-р Павлу в статье о пленных, напечатанной в «Чехословацком Дневнике», № 26 (31 января 1919 г.), объяснял ненависть солдат жестокостью, которую в боях проявляли мадьяры, находившиеся в рядах большевицких войск. Не без остроумия он их называл «шовинистскими интернационалистами».

ченный возмущением, я бросился в социал-демократический Комитет и стал требовать, чтобы немедленно же была послана депутация к военным властям с протестом против бессудных расстрелов. Члены комитета в ответ только развели руками: "Мы уже посылали депутацию, — заявили они, — но все разговоры с военными оказались бесплодными. Чешское командование утверждает, что озлоблению солдат должен быть дан выход, иначе они взбунтуются"» [с. 26—27].

Можно возмущаться вслед за Майским, можно негодовать на несовершенство человеческой природы, ее примитивной психологии, но придется признать, что на территории демократической власти этих насилий было не меньше, чем в других местах, и что не одно «реакционное русское офицерство» повинно в них. Нам только и надо констатировать факт, что и Поволожье носило в себе все отрицательные стороны гражданской войны. За общие грехи приходится принимать и общую ответственность.

* * *

Надо ли говорить, что формально Самарское правительство не только не потакало этим мрачным сторонам гражданской войны, но посильно с ними боролось. Однако и здесь неосторожные слова отдельных агентов власти могли потворствовать разнузданности страстей. Тем, кто так строг к другим, надлежит прежде всего быть строгим в отношении себя. Тот же Лебедев, получивший от Комуча неограниченные полномочия как по гражданской, так и по военной части [с. 97], очень гордился впоследствии тем, что он где-то остановил начавшийся еврейский погром¹. Но экспансивный политик был в действительности крайне неосторожен в своих официальных призывах к населению. Вот пример. В Казани в газете «Народная Жизнь» [№ 2] появилась за подписью Лебедева грамота следующего содержания: «Граждане! Крестьяне! Беззаконная грабительская советская власть низложена... Не бойтесь ничего, расправляйтесь сами с этими негодями»... [Владимирова. С. 334]. 12 августа в обращении к Комитету членов У. С., опровергая «подлую ложь» о расстре-

¹ «Дни».

лах пленных, Лебедев объявлял: «...комиссарам мы пощады не дадим и к их истреблению зовем всех, кто раскаялся, кого насильно ведут против нас» [«Воля России. VIII, с. 162]. Под видом большевика можно было каждого отправить на тот свет — ведь именно в этом обвиняли агентов власти в период «генеральских диктатур». Положение последних было сложнее, ибо не всегда там можно было отделить большевиков от других «левых» противников — от социалистов другого типа: они подчас действовали вместе против диктатур «черносотенных генералов».

На Волге этого прискорбного явления русской общественности не было. Здесь демократия (в лице с.-р. и отчасти с.-д.) боролась с большевиками всеми средствами. Эту борьбу поддерживала «буржуазия», не сочувствовавшая лозунгам борьбы. В значительной степени прав Майский, деливший население этой территории на две части: «государственно мыслящую» и «большевицкую». Так было, по крайней мере, на первых порах.

Итак, власть Кому́ча *volens-nolens* должна была нести ответственность за все, что делалось от ее имени, — во всяком случае в тех пределах, в которых отвечает власть всех других временных противобольшевицких государственных образований. «Самарская армия вела себя не лучше, чем сибирская», — должен признать Ракитников. Я нарочно беру свидетельство известного деятеля партии с.-р., а не коммуниста. Карательные экспедиции мало чем отличались от аналогичных актов в других местах и при наличии власти, у которой не было ни такого сочувствия, ни такого влияния среди населения. «На крестьянском съезде 18 сентября, — говорит Ракитников, — волостные делегаты один за другим рассказывали о порках и экзекуциях под видом розыска большевиков на почве мобилизации и возмездия за аграрное движение 1917 г.» [с. 25]. «Бесчинства карательных отрядов, — утверждает другой с.-р., Утгоф, — не встречали противодействия и озлобляли население» [с. 37]. Даже «Вест. Ком. У. С.», смягчая выступления крестьянских делегатов, изображал доклады с мест в довольно мрачных тонах, напр., из Поповской волости: «После переворота новая власть стала пускать нагайки»... «Порка» в широких размерах

применялась при мобилизации¹ — при отказе крестьян давать рекрутов; Кроль утверждает, что иногда и «добровольчество» не обходилось без этой меры воздействия [с. 62]. Майский заявляет, что в подобных упражнениях принимали участие «не только черносотенные офицеры, но и представители эсеровской партии, посылаемые Комитетом в деревенские районы для урегулирования столкновений, возникших в связи с мобилизацией» [с. 183]². О «порках» в Бузулукском уезде рассказывает ген. Сахаров [«Белая Сибирь». С. 9] и многие другие. Мы готовы не верить диким «похвальбам» о расстреле 900 новобранцев в день сдачи Самары или 120 пленных красноармейцев на ст. Чишма³. Мы можем ослабить оценку подавления восстания в Сибирском полку, даваемую Майским [с. 163], или докладов полк. Галкина об обстреле артиллерийским огнем непокорных деревень⁴; мы пройдем мимо захвата заложников Комучем в ответ на такую же меру большевиков [Кроль. С. 136]⁵ — фактов и так будет не мало. Читатель, может, избавит меня от регистрации и нанизывания их один за другим. Это отчасти сделано в книге с.-р. Буревоего «Распад» на с. 31–32. Будет в летописях самарских и наказание плетью железнодорожных рабочих на ст. Иман 10–15 сентября, и расстрел городского головы с.-р. Горвица — факт аналогичный, если не худший, повешению ат. Красильниковым канского городского головы в Сибири. Будет в этих летописях и жестокое усмирение рабочего восстания в фабричном центре Иващенкове, где, по словам Майского, на осно-

¹ «Порки» отказывавшихся при мобилизации, по-видимому, наблюдались и у ижевцев [«Ижевск в огне». С. 70].

² Майский называет и имена.

³ Об этом рассказывает [с. 11] в своей сумбурно написанной брошюре «Сибирские авантюры и генерал Гайда» (Прага) Бор. Солодовников (офицер с «революционным прошлым»).

⁴ Ясно, что мобилизация в Самаре вовсе не происходила «по системе воззваний и уговариваний», как неверно в свое время информировали Деникина [III, с. 97].

⁵ Сообщение Кроля вполне подтверждается рассказами Старынкевича, говорившего мне, что в период Уфим. Совещания Роговский вел с ним на эту тему беседы. Но Сибирское правительством отказывалось ввести институт «заложников».

вании данных, полученных им от «ряда достоверных свидетелей», было убито несколько сот человек [с. 184]¹.

Если подойти к оценке этих фактов с точки зрения, с которой обычно подходят представители революционной демократии к аналогичным явлениям на территории Сибирского ли правительства — этого «гнезда реакции» — или Правительства адм. Колчака, или ген. Деникина, то одним из реакционнейших правительств придется признать Правительство Комитета членов Учр. Собрания².

И совсем неуместной становится претенциозность этой власти. Когда упомянутая выше казанская рабочая конференция постановила затребовать от представителей власти объяснение по поводу арестов членов конференции, «чрезвычайные уполномоченные» Правительства, Лебедев и Фортунатов, ответили: «Власть, исходящая из всенародного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для того перед мерами строгости» [«Кам.-Вол. Речь», 4 сен.; *Владимилова*. С. 335]. Рабочие ответили восстанием. Оно было быстро ликвидировано. «По всем местам, — в эпическом тоне рассказывает В. Г. Архангельский, — был расклеен приказ начальника гарнизона ген.-лейт. Рычкова и командующего войсками Степанова о том, что «1) в случае малейшей попытки какой-либо группы населения, и в частности рабочих, вызвать в городе беспорядки... по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь; 2) лица, укрывающие большевических агитаторов или знающие их местонахождение и не сообщившие об этом коменданту города, будут предаваться военно-полевому суду как соучастники» [«Воля России». X, с. 148].

Очевидно, в данном случае это не было произволом военного командования. Так проявляла свою «твердость» уже сама демократическая власть.

¹ У большевических историков эта цифра неизбежно, конечно, вырастает: «белые из общего числа рабочих около 6000 человек вырезали 1500» [ссылка на сообщение «Приволжской Правды», 27 окт. — *Владимилова*. С. 321].

² Если послушать большевиков, то самый большой «разгул ногайки» наблюдался в Ижевске. В тюрьмах избивали, прокалывали штыками и т. д. [«Ижевск в огне». С. 80].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сибирское правительство

1. На Дальнем Востоке

От власти «демократической» вернемся к той власти, которая создалась в Сибири и которую самарские правители окрестили «реакционной». Мы остановились на том моменте эволюции сибирской власти, когда наряду с Омским правительством центральной властью для Сибири объявили себя члены восточного комиссариата во главе с Дербером.

Так называемое дерберовское Правительство до свержения власти большевиков в Зап. Сибири фактически большой деятельности не проявляло: его харбинские агенты горько жалуются на «полнейшее неведение» того, что творится на Востоке» (например, письмо Неупокоева). Даже из Владивостока член Правительства Захаров пишет о «полном отсутствии информации» о деятельности Правительства в Харбине. Называя себя Правительством, распределив министерские портфели, вплоть до военного (Краковецкий), оно жило в вагоне, предоставленном ему Хорватом. Министры не делали никаких выступлений, жили как частные люди, по-видимому ни во что не вмешиваясь, не располагая «никакими средствами»¹ и «никаких претензий» ни на что не предъявляя. Так характеризовал Правительство Дербера в харбинский его период на допросе адм. Колчак [с. 114].

Впрочем, одна претензия была: «на какое-то звание членов Правительства».

По словам Колчака, ген. Хорват, глава фактического Правительства, существовавшего на полосе отчуждения Вост.-Кит. ж. д., в это время не претендовал на формирование власти. Харбинские политические организации (Дальневосточный Комитет активных защитников родины во главе с присяж. повер. Александровым) прояв-

¹ Некоторую денежную помощь оказывал Дерберу Закупсбыт.

ляли весьма слабую деятельность, которая выражалась в поддержке местных военных отрядов. Последние как бы подчинялись находившемуся в Харбине Штабу российских войск полосы отчуждения во главе с ген. Плешковым, который, однако, решительно не в состоянии был утихомирить «разгоревшиеся страсти»¹.

К характеристике, данной Колчаком и в общем правильной, следует сделать некоторые коррективы. Дерберовское Правительство пыталось на первых порах занять на Д. Востоке центральное положение. Оно даже склонно было идти на соглашение с «цензовыми» элементами. Уполномоченные Правительства, Устругов и Сталь, посланные в Пекин, оттуда определенно писали, что «союзники, особенно японцы и китайцы, верят только авторитету Д. Л. Хорвата, поэтому необходимо было бы зафиксировать участие последнего в Сибирском правительстве» [письмо 28 марта]. В ответ Дербер сообщает: «Сегодня вел переговоры (с) Хорватом, окончательного ответа не дал, обещает завтра... Завтра полагаем вести переговоры (с) Путиловым относительно участия его (в) выработке финансового плана». Вместе с тем стало известно о приезде Колчака. Дербер добавляет: «Предложите Колчаку от имени Правительства вступить в состав в качестве управляющего морским (ведомством)». «Союзники должны оказать, — телеграфируют Дербер и Моравский своим пекинским уполномоченным 1 марта, — давление [на] Хорвата в смысле необходимости соглашения (и) невозможности иной комбинации»².

Наряду с этими согласительными мотивами в переписке звучит и весьма несогласительная угроза, в которой «Дальневосточный Комитет» именуется «авантюристической организацией». «Вы должны их (союзников) предупредить и о гражданской войне, которая возникнет в тылу у иностранных войск, и о терроре, который разовьется в случае осуществления комбинации власти сверху... Вообще нужно им дать понять, что своими действи-

¹ Андрушкевич Н. А. Последняя Россия. — «Белое Дело». IV, с. 117.

² Переписка эта в материалах «Временное правит. Авт. Сибири» в XXXIV кн. «Красного Архива».

ями они объединяют всех с большевиками, так как никогда организованные общественные силы (городские и земские самоуправления, кооперативы, организации, дающие нам миллионы рублей и объединяющие миллионы крестьян, национальные организации и другие) не примирятся с иностранной властью в образе русского Хорвата или авантюристической организацией вроде Дальневосточного Комитета». При таких условиях довольно естественно, что «цензовые» элементы — вернее, харбинские кадеты во главе с бывш. чл. Гос. Думы Востротиным [*Колосов*. «Былое». XXI, с. 291] — уклонялись от соглашения, и поэтому, вероятно, Хорват воздерживался от «категорического ответа».

Дерберовское Правительство склонно было выступить с декларацией о Добровольческой армии и обращением к союзникам, не дожидаясь какого-нибудь соглашения, но пекинские уполномоченные, ссылаясь на отзывы представителей союзников, твердо отвечали, что такие выступления преждевременны. Ясно было, что «опереточное правительство» могло перестать быть таковым только при содействии союзников, т. е. [в результате] образования базы во Владивостоке, как гласила программа действий правительства, снабжения Англией и Японией всем необходимым и стратегического резерва из бригады — дивизия японцев.

Так тянулись дни. Поэтому не так далека уже от истины характеристика, данная на допросе Колчаком¹.

* * *

В марте впервые в дни гражданской войны на сцене Сибири появился адм. Колчак. В показаниях перед следственной комиссией он подробно остановился на рассказе о своем приезде на Дальний Восток. Рассказ этот

¹ Во Владивостоке был член Правительства Захаров, пытавшийся объединить вокруг Правительства местные общественные силы в «организационный коллектив». Из Пекина ему давали совет: «Сидеть смирно». Местные представители организованной демократии воздерживались также от принятия функций официального представительства власти.

важен для опровержения некоторых «легенд», которые уже сложились в литературе.

По оставлении Черноморского флота Колчак был командирован Врем. правительством в Америку. После большевицкого переворота и Брест-Литовского мира, желая активно участвовать в войне, Колчак предложил свои услуги английскому правительству. «Для меня было ясно, — показывал Колчак, — что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости». Колчаку было предложено «ехать в штаб месопотамской армии. В Шанхае, по дороге в Бомбей, Колчак получил от русского посланника в Пекине, кн. Кудашева, просьбу приехать к нему для переговоров по весьма важному делу. Колчак ответил, что не может уже изменить маршрут. В Сингапуре он получил, однако, телеграмму от английского правительства с предложением, согласно ходатайству кн. Кудашева, вернуться в Россию и начать деятельность на Д. Востоке, что, с точки зрения англичан, являлось более полезным для общего союзнического дела [с. 106—107]. В Пекине Кудашев указал Колчаку на необходимость в соответствии с работой, которая ведется Добровольческой армией, начать подготовку вооруженной силы на Д. Востоке. Существующие отдельные отряды самочинны, «не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги». Происходит «полный хаос». Надо постараться «этот хаос привести в порядок» [с. 108]. Колчак согласился, договорившись с прибывшим в Пекин Хорватом.

В первой половине апреля Колчак прибыл в Харбин. «В первые же дни мне было совершенно ясно, — рассказывал Колчак, — что Семенов действует, не считаясь с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения ж. д. реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что может» [III]. Колчак решил непосредственно переговорить с самим Семеновым и в начале мая поехал в Маньчжурию. Для Колчака в деле, по-видимому, не было мелкого самолюбия. Он сам пришел в вагон к Семенову, так как казачий есаул не пожелал встретить достаточно известного своею деятельностью русского адмирала. Семенов

отвечал «довольно уклончиво», отказался взять средства от правления Вост.-Китайск. ж. д., заявляя, что он «сейчас ни в чем не нуждается», получая средства и оружие от Японии, и что он не обращается к Колчаку «ни с какими пожеланиями и просьбами». «Тогда я убедился, — говорит Колчак, — что, в сущности, и разговаривать не о чем». Колчаку «совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию» ни в каком случае ему не подчиняться [с. 119]. Ясно, откуда была инструкция. Японские военные власти боялись независимости, твердости и патриотической честности Колчака¹.

«Изучивши средства и ресурсы Вост.-Кит. ж. д., я увидел, — продолжает Колчак, — что создать здесь серьезную вооруженную силу не удастся и... что операции надо вести главным образом на Д. Востоке» [Владивосток]. У японцев «в это время обсуждался вопрос об интервенции, и я думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на Востоке было в то время совершенно нежелательно». Отсюда и конфликт с японской военной миссией, и те интриги, которые велись против Колчака на почве его «японофобии». «Собственно говоря, — добавляет К., — никакого японофобства и японофильства не было — нужно только было получить оружие». Колчаку пришлось при одном незаконном деянии семеновского отряда принять решительные меры и, собрав отряд в 40 человек, арестовать компанию и отобрать захваченное имущество. «Это вызвало страшное возмущение среди японцев и среди семеновцев». «После этого японская миссия повела себя совершенно открыто» и «по германской системе» стала разлагать те маленькие части, которые были у Колчака [с. 125]. Начались у Колчака нелады и с Хорватом. Последний продолжал оказывать помощь Семенову

¹ Колчак передает характерные беседы, которые он вел до разговора с Семеновым с главой японской военной миссии ген. Накашима. Речь шла о передаче оружия в счет сумм, имеющихся у правления дороги.

— Какие компенсации можете предоставить за это?

— Я вовсе не прошу оружия как милости... Продайте.

Накашима ответил, что денежный вопрос его совершенно не интересует...

вопреки распоряжениям Колчака. С откровенностью Колчак говорит: «Возможно... Хорват желал от меня отделаться, считая слишком беспокойным и слишком несдержанным» [с. 37]¹. Противодействовать японской политике Колчаку казалось бессмысленным — для этого не было никаких средств. Колчак решил поехать в Японию и «совершенно открыто» поговорить с начальником генерального штаба Ихарой. В Токио русский посланник Крупенский ему сказал: «Знаете, вы поставили себя с самого начала в слишком независимое положение относительно Японии, и они это поняли». Колчак на это ответил: «...Мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии. Я относился к ней, как к союзной державе... Я считаю, что я продолжаю ту войну, которую мы вели раньше». При свидании Ихара посоветовал Колчаку временно остаться в Японии: «Когда можно будет ехать, я скажу вам»... «Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы, остался в Японии и решил полечиться, потому что чувствовал себя не вполне здоровым» [с. 126].

В это время пришло сообщение, что во Владивостоке образовалось Правительство Дербера, а потом и Правительство Хорвата.

«...Я понял, — продолжает Колчак, — что мое возвращение нежелательно. В то время готовилась интервенция, т. е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев, было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока» [с. 138]... «Обдумав свое положение в Японии, я в конце концов пришел к убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь, в России, что-нибудь сделать, потому что эта интервенция была мне не ясна прежде всего. Она носила официаль-

¹ Автор получившего большую популярность дневника, который печатался в «Архиве Рус. Револ.» И. В. Гессена, *бар. Будберг*, на своем остроумном языке называет Хорвата «удачливым ловцом разных течений». Такой характер мало подходил к темпераментному Колчаку. Но Будберг с чрезвычайными преувеличениями описывает столкновения, которые были у Колчака [с. 219–220].

ный характер помощи и обеспечения прохода чехов на Дальний Восток. Вслед за тем получилось известие, что чехи отправляются обратно на Уральский фронт, и смысл и суть этой интервенции мне были совершенно непонятны. Я... считал, что делать мне на Востоке здесь нечего... Я решил ехать на юг, постараться найти свою семью, а затем явиться в распоряжение Алексеева» [с. 143].

* * *

Когда 29 июня чехословаки свергли во Владивостоке советскую власть, «правительство опереточное» — Дербер и его министры, конспиративно перебравшиеся перед тем из Харбина во Владивосток, — объявило себя «Временным правительством автономной Сибири»¹. По словам бывшего тогда на Д. В. ген. Флуга, оно склонно было Омское правительство рассматривать только как свой филиал [IX, с. 299]. В декларации 29 июня оно действительно довело до сведения «дружественных России держав, как союзных, так и нейтральных», что вступило «в права и обязанности центральной государственной власти в Сибири». Временное правительство автономной Сибири считало себя вправе принять функции центрального Правительства Сибири на основании уполномочий Областной Сибирской Думы, созданной на основе «представительства всех общественных групп Сибири». Временное правительство, «с сожалением» констатируя факт «временного отсутствия в составе Обл. Сиб. Думы и Правительства представителей цензовых слоев населения» и «считая безусловно необходимым объединение в высоких органах государственной власти всех слоев населения страны», «категорически» заверяло не представленную в Сибоблдуме часть населения в том, что им будет внесен в первое же заседание Думы законопроект о «справедливом и немедленном пополнении состава Обл. Думы» [пол-

¹ Так как многие склонны считать, что Япония оказывала Правительству Хорвата совершенно исключительное содействие, следует отметить, что, по словам ген. Степанова, этот переезд свершился «не без настояний японцев» при помощи субсидии, полученной Краковецким [*Деникин*. III, с. 107].

ный текст декларации в «Хронике». Прил. 50]. В Правительство «автономной Сибири» вошли малоизвестные деятели из партии с.-р. Оно поспешило назначить своих представителей в Токио и в Вашингтоне и в некоторой наивной простоте разослать союзным державам ноту, в которой «с особенной настойчивостью» «предупредительно» указывало, что «всякие соглашения союзных держав с отдельными лицами и организациями частного характера, объявляющими себя правителями или государственной властью в пределах Сибири, неминуемо встретят в населении Сибири единодушное осуждение и будут приняты как действие, враждебное по отношению к самому населению, а потому союзные державы, не преследуя в России каких-либо иных задач, кроме борьбы за общедемократический мир, и стремясь к беспрепятственному и ускоренному его достижению совместно с Россией, сочтут для себя необходимым в дальнейших своих мероприятиях на территории Сибири и действовать исключительно в согласии с высшей территориальной властью Сибири, какою, несомненно, является Временное Правительство Автономной Сибири» [«Хр.». Прил. 87].

В сущности, параллельно с центральным Правительством Дербера во Владивостоке существовала также эсеровская, местная власть — «областное земство» с правительственными функциями, возглавляемое Медведевым. Позиция земства была характерна — оно искало «путей мирного соглашения с большевиками» и не желало порывать с органами «революционной власти — советами». Так определяет «принципиально невыдержанную» позицию дальневосточных эсеров сам бывший председатель Сибоблдумы¹.

В противовес социалистическому правительству 9 июля было объявлено о создании «Делового Кабинета Временного правителя» ген. Хорвата. Это была, по словам Колчака, «работа Дальневосточного Комитета», вдохновляемая

¹ Якушев Ив. Дальневосточные самоуправления в борьбе за власть (1917—1919). «Местное Самоупр.». — Труды общества в Чехословакии. Прага, 1926, с. 196, 201.

к.-д. Востротиным¹. Эсер Алексеевский на заседании следственной комиссии с пристрастием допрашивал Колчака об его отношении к акту 9 июля, отыскивая в «умонастроении» Колчака «предпосылку» к необходимости единоличной власти: «ведь Верховный правитель — это, в сущности, диктатор». Колчак ответил: «Я считал, что надо привести Д. В. к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения, и на соприкасающуюся Приморскую область... Во всяком случае, я не считал, что это торжество единоличной власти» [с. 139]. Колчак рассказывает, как три власти отменяли постановления друг друга и боролись между собой. Колчак говорит, что, так как он имел неверные сведения о характере приморской власти, ему казалось наиболее резонным начать организацию Правительства через деловое земство. Затем он убедился, что это земство носило характер полубольшевицкий.

Хорват, конечно, был «единственным авторитетом» в этой среде. Его власть, однако, авансом была объявлена местной «левой» демократией реакционной. «Удачливый ловец разных течений» был, по-видимому, прежде всего человеком дисциплины. Колчак подчеркивает, что ген. Хорват всегда отстаивал законные нормы борьбы. Хорват был большим джентльменом в общественных отношениях². Вероятно, он так легко поэтому подчинился и Сибирскому правительству, и верховенству адм. Колчака, конкурентом которого он являлся в глазах некоторых сибирских общественных кругов³. В состав делового каби-

¹ Милюков изображает так, что создание Правительства «было подготовлено путем продолжительных переговоров наших дипломатических представителей в Пекине и Токио с Японией» [с. 43]. Едва ли это было так. См.: Флуг. С. 274.

² Это подтверждает отношение Хорвата в Харбине к дербевскому Правительству, которому было оказано полное гостеприимство. Флуг считает «большой политической ошибкой» со стороны Хорвата, что после выяснения непримиримой позиции этого министерства Хорват не принял мер к его «ликвидации или хотя бы к невыпуску из Харбина» [с. 294].

³ Флуг рассказывает, что Хорват, «по собственной инициативе», обязался в случае соприкосновения с М. В. Алексеевым «тотчас же уступить принятую на себя власть» [с. 274].

нета вошли отнюдь не только «правые» элементы. Деловой кабинет составил из троих беспартийных, двух членов партии народной свободы, двух народных социалистов, из них один потанинского «кружка» (имеется в виду, очевидно, старый народник Курский). В его среде был, между прочим, и инж. Устругов — прежде член дерберовского Правительства, позже в первую очередь приглашенный Директорией на пост министра путей сообщения. Вошел в него и представитель Добр. армии Флуг.

4 июля, получив сведения о событиях в Приморской области, Правительство Хорвата послало авангард под командой ген. Хрещатицкого для занятия участка «русской территории», где могла бы объявиться новая «российская власть». Но авангард ген. Хрещатицкого был встречен «в боевом порядке» чехословацкими войсками, «консульский корпус» же во Владивостоке предложил Хорвату «немедленно отозвать... войска в пределы полосы отчуждения Китайско-Восточной жел. дор., а самому ему обратиться к исполнению обязанностей директора той же дороги [Флуг. С. 297]. Хорват попытался перенести со ст. Гродеково свою резиденцию во Владивосток, но здесь союзники вновь показали, что только они реальная сила на Д. Востоке: Хорват, прибывший во Владивосток «с конвоем из нескольких десятков офицеров», вынужден был этот «почетный эскорт» отправить в Гродеково [там же. С. 299].

Таким образом «обе претендующие на власть на Д. Востоке организации продолжали существовать рядом, взаимно одна другую парализуя», или, по выражению доклада ген. Степанова, «высиживая друг друга на измор».

28 июля Правительство «автономной Сибири» (входившей в состав Федеративной Российской Республики), единственная законная и признаваемая на территории Сибири власть, призывавшая население к «объединению» и прекращению гражданской войны¹, послало Хорвату требование «сложить с себя незаконно присвоенные полномочия». Тем не менее, по инициативе союзников, между обоими правительствами начались дипло-

¹ Письмо мин. Пр. Дербера в «Вестнике Вр. Пр. Авт. Сиб.», № 4. «Хроника». Прил. 86.

матические переговоры. Но договориться было трудно, и особенно Правительству Дербера (Дербера с 21 июля на посту председателя заменил Лавров, кооптированный в Правительство от земства). Владивостокское правительство опиралось на «организованную» социалистическую демократию. Последняя не очень склонялась к уступкам, как свидетельствует, например, открытое письмо николюско-уссурийского городского головы Вакулина на имя Дербера. Вакулин, до которого дошли слухи о переговорах с ген. Хорватом, протестует. Разговаривая с Хорватом, Дербер порывает с демократией. Вакулин убежден, что «революцию спасти можно только организацией однородной, т. е. социалистической, власти» [владивостокская «Власть Народа», № 17].

Уже 24 августа переговоры были прерваны. Дело в том, что местное офицерство, как и везде на других территориях, естественно, стремилось к объединению военного командования. На состоявшихся во Владивостоке совещаниях представителей обеих военных групп в роли общего боевого начальника был выдвинут ген. Плешков, издавший 23 августа соответствующий приказ. Это было признано приморской властью попыткой фактически захватить власть (вероятно, так это и было — готовилось «пронунциаменто»). Здесь вмешались союзники и приказали разоружить войска, признавшие Плешкова. Операция эта была произведена «японскими и китайскими контингентами».

«Этот позор действительно состоялся вечером 25 августа, к великому ликованию тех, равнодушных к вопросу национальной чести русских граждан, которые были его виновниками. Но вслед за этим поруганное народное чувство среди более чуткой части владивостокского населения выразилось в таких формах, которые заставили иностранных резидентов призадуматься относительно целесообразности столь поспешно принятой ими меры. Явились предположения о ее пересмотре... Окончательный толчок этим сомнениям дало прибытие во Владивосток облеченного особыми полномочиями английского генерала Нокса, в результате чего около половины сентября русскому отряду, при подобающей обстановке, было возвращено отобранное у него оружие» [Флуг. С. 202].

Вне всякого сомнения, что инспираторами союзников в данном случае были действительно лидеры «левых». Оказалось, что ночью, в момент разыгравшегося конфликта, эсеры Краковецкий и Медведев посетили англичан и японцев, которые и решили поддержать управу. Это вызвало даже протест других эсеров, негодовавших на вмешательство союзников во внутренние русские дела [«Путь Народа», 5 сент.]. На всю военную корпорацию инцидент с разоружением русских частей произвел крайне тяжелое впечатление.

... «Обезоружена и опозорена единственная приличная русская военная организация Волкова», — записывает в дневнике Будберг... «Официально подтверждается о разоружении офицерской организации Бурлина; это крупное несчастье, ибо на ней можно было положить основание создания первой настоящей воинской части; она заключала в себе много идейных людей, думавших не о себе, а о России и ее спасении» [XIII, с. 246].

Все эти печальные «оперетки», «да еще с третьеразрядными исполнителями», по выражению язвительного Будберга, вызывали лишь огорчения у Колчака, находившегося еще в Японии. «Для меня было ясно, что Хорват и его Правительство не являются хозяевами на Востоке... Там хозяйничают союзники... В сущности, «этим и определялось мое отношение к этим правительствам... Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, даже не считаясь с нами» [с. 139].

* * *

Была, как мы знаем, в Восточной Сибири и еще одна власть, которую поддерживали почти исключительно иностранцы: отчасти французы и главным образом японцы¹.

¹ Флуг больше всего и обвиняет иностранцев, с «благословения которых по неведению» в атмосфере сибирского многовластия пышно расцвело на Д. Востоке «атаманство» [с. 298]. Здесь было, очевидно, не одно только «неведение». Позже французская военная миссия продолжала организовывать самостоятельные отряды «особого назначения». См.: «Кр. Арх.». XXIX, с. 206 — сведения относятся к сентябрю.

Это была власть атам. Семенова, самоопределившегося наподобие временного правителя забайкальской области. «Вскормленный Хорватом утенок отправился в отдельное плавание», — записывает Будберг 19 мая. Считать Семенова креатурой Хорвата едва ли правильно. Не безынтересно то, что Правительство «Автономной Сибири» к семеновской власти в этот период относилось далеко не враждебно. Оно считало Семенова даже как бы своим авангардом — так и определяет роль Семенова сибирский кооператор Морозов, делавший 12 сентября доклад о Сибирском правительстве Архангельскому правительству. К Семенову нет отрицательного отношения, ибо еще весной он признал и Областную Думу, и Учредительное Собрание. Из журнала Правительства 5 августа, опубликованного Вегманом в примечаниях к воспоминаниям ген. Болдырева, мы узнаем, что дерберовское Правительство даже кредитовалось у Семенова [с. 522, прим. 73]...

Семенову первому пришлось столкнуться с двигающимися с запада сибирскими и чешскими войсками под начальством Пепеляева и Гайды. Взята была Чита; захвачена Амурская ж. д.; пали Благовещенск, Сретенск, Нерчинск. «На ст. Оловянная, — рассказывает участник пепеляевского похода И. А. Кириллов, — вскоре приехал для переговоров полк. Афанасьев, представитель ат. Семенова, причем сам атаман Семенов не являлся, очевидно выжидая событий.

«Полк. Афанасьев вел переговоры весьма неопределенно и, казалось, что-то не договаривал.

Ввиду неопределенности решено было созвать экстренное заседание военного совета, на нем кап. Кадлец (чех), со свойственной ему прямоотой, заявил, что если нужно силой оружия усмирить непокорных, то он готов немедленно двинуть свой отряд.

После совещания полковнику Афанасьеву было предложено передать Атаману Семенову, что если он не признает Сибирского правительства, то против него немедленно будут открыты боевые действия, причем был дан срок до 12 час. следующего дня.

Атаман Семенов, не дожидаясь окончания этого срока, весьма аккуратно явился в штаб, где извинился за свою задержку,

сказал о своей готовности подчиниться Сибирскому правительству и просил, как это ни странно, прежде всего о себе. Его беспокоила мысль, признает ли Сибир. прав. его атаманство, согласится ли оно его произвести в полковники [«Вольная Сибирь». IV, с. 56–57].

В это же время пришло сообщение из Харбина, от Хорвата, о желании переговорить с высшими чинами Сибирской армии. Встреча с Гайдой и Пепеляевым произошла на ст. Борзя. «Свидание было весьма просто обставлено, без всякой помпы: у Хорвата не было ни караула, ни свиты. Генерал Хорват произвел весьма выгодное впечатление. Он сообщил, что до образования Сиб. прав., стремясь к сохранению русской государственности на Дальнем Востоке (полоса отчуждения), он объявил себя правителем Дальнего Востока и что теперь готов подчиниться Сибирскому правительству» [«Вольная Сибирь». IV, с. 57].

Одновременно пришло сообщение ген. Дитерихса, что Приморье очищено от большевиков. Таким образом, был открыт путь Сибирскому правительству до самого океана. Что же представляло из себя в это время Омское правительство?

2. Начало конфликтов

«Правительство Вологодского, — пишет Гинс, — обладало двумя свойствами, которые могли обеспечить ему политический успех: во-первых, умеренностью и трезвостью взглядов большинства и, во-вторых, несомненной демократичностью происхождения и социальных симпатий. Новую Россию должны создавать новые люди»... [I, с. 119].

Первым шагом Правительства было распоряжение об аннулировании декретов советской власти (4 июля) и ликвидации советов (6 июля), причем постановление Вр. прав. гласило, что «образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергается никаким ограничениям» [«Хроника». Прил. 73]. 6 же июля было принято постановление, что «имения, расположен-

ные на землях собственных и арендованных, передаются в заведование прежних владельцев впредь до разрешения вопроса о земле всерос. Учр. Собр.» [Прил. 81] и проведена денационализация промышленных предприятий.

Уже роспуск Правительством советских учреждений показал, что в среде сибирских эсеров здесь не будет единого мнения. Большинство партии находилось под гипнозом страха оторваться от масс, настроение которых по трафарету определялось представительством в органах так называемой организованной революционной демократии, т. е. в советах. 27 июня в Омске происходит конференция правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Резолюция, на нем принятая, была своеобразной смесью большевицких настроений с отрыжкой меньшевицких и эсеровских лозунгов 1917 г.:

«Советы создаются в данный момент не как органы государственной власти, но как боевая классовая организация, необходимая нам для торжества революции.

Советы рабочих депутатов — это тот парламент, в котором должна выясняться воля рабочего класса.

Советы в настоящее время не должны претендовать на государственную власть, но они должны быть органами контроля власти. Омский пролетариат, стройся в боевые колонны и противопоставь их хищническим стремлениям буржуазии! Да здравствуют Советы рабочих депутатов! Да здравствует революция и социализм! Да здравствует всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!» [«Хр.». Прил. 75].

Отклоняется большинством лозунг: «Да здравствует У. С.», отклоняется, конечно, и поддержка Сибирскому правительству. Несколько позже (5 июля) в Омске происходит крестьянский съезд: он делает постановление о создании Советов трудового крестьянства с оговоркой, что органы эти должны являться классовыми организациями, но отнюдь не представлять собою органов власти.

От этих трафаретов уже пахло архивной плесенью, но они производили впечатление на руководителей «революционной демократии». Так, Гинс рассказывает инцидент, происшедший в Правительстве при обсуждении указа о роспуске Советов. На заседаниях Совета присут-

убедили его в необходимости коалиции с цензовыми элементами¹. Другие такую склонность к единому демократическому фронту продолжали называть «оппортунизмом» (напр., Ракитников).

Приписывая себе большую инициативу, чем это было в действительности², Гинс говорит, что он совместно с Якушевым составил правительственное сообщение о созыве Думы на новых началах: представительство цензовых элементов и профессиональных рабочих и крестьянских организаций вместо «упраздненных советских... самое имя которых навеки запятнано» [с. 122]. В заседании на этой почве происходит столкновение с с.-р. Шатиловым. Вопрос о Думе Правительство разрешает так же, как он был разрешен при Правительстве Дербера: Дума собирается в прежнем составе, и Правительство вносит на ее рассмотрение первым проект о расширении избирательного права. Вместе с тем цензовым группам предлагалось выбрать своих представителей и прислать их в Томск к 20 июля для того, чтобы «без промедления принять участие в работе Думы» [«Хроника». Прил. 77]. Но значительная часть сибирской общественности, а не только «правая печать», отнеслась отрицательно к самой идее возобновления Думы³. Прежде всего, против созыва Думы выступил омский в то время еще «социалистический» блок из представителей соц.-рев. оборонцев, народных социалистов и соц.-дем. из «Единства». В совещании своем 10 июля блок вынес подробную мотивированную резолюцию, целиком напечатанную тогда в некоторых газетах и воспроизведенную в «Хронике» [Прил. 79].

«Созыв Обл. Сиб. Думы как органа верховной власти, — гласило заявление блока, — стоит препятствием, чреватым катастрофическими последствиями, на пути...

¹ «Красн. Архив». XXIX, с. 134.

² «Ознакомившись с Положением о Думе, я пришел к убеждению о невозможности созыва ее в прежнем составе» [с. 121]. Это было уже общее убеждение.

³ Томская Городская Дума с самого начала отклонила предложение Областн. Совета избрать депутатов в Думу, будучи недовольна ее искусственным подбором [Ракитников. С. 4; Гинс. I, с. 72].

укрепления Вр. Сиб. пр., создавая другого носителя верховной власти, низводя в действительности и в правосознании масс Врем. пр. до положения органа исполнительного, могущего выронить власть и до У. С., в случае коллизии с Обл. Думой»... «Вместе с тем то неустойчивое положение, которое должно занять Врем. прав. в ожидании Обл. Думы и возможного с ней расхождения, неизбежно уронит дух защитников Сиб. пр., связавших с его программой, с его линией поведения свою судьбу...» И быть может, самое главное, что выдвигала записка, — это ненормальное существование Думы, которая была организована в соответствии с формулой «единого социалистического фронта от народных социалистов до большевиков включительно...» «И по своему составу и по обстановке, в которой Дума организовалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп».

Трудно найти что-нибудь реакционное в этом трезвом слове современников. Совсем в других тонах прошло шумное выступление против Думы лидера омских кадетов прис. пов. Жардецкого на торгово-промышленном съезде 18 июля. Талантливый человек, но, по-видимому, с очень не выдержанным характером и легко увлекающийся, он давал всегда своими выступлениями оружие в руки врагов своих¹. По газетному отчету [«Заря», № 29] можно судить, сколь излишни были все реплики Жардецкого о «говорильнях», которые являли собой представительные учреждения: «трафарет ленивой мысли говорит: как оставить власть без контроля. Лучший контроль, по тому же трафарету, — представительное учреждение. И вот посылают на базар. Собирают 200—300 человек, и готово представительное учреждение. Ведь это унижение правовых воззрений государства до уровня сознания батрацкого депутата». «Время обаяния мифов и иллюзий миновало — общественная мысль пришла к выводу, что в стране, где ведется стремительное наступление врага,

¹ Напр., в заседании областников 23 июля Жардецкий счел нужным резко отмежеваться от областничества от имени партии к.-д. [«Хр.». Прил. 70].

где бушуют страсти гражданской войны, там неизбежно должна быть введена твердая единоличная власть, могущая спасти государство». Все эти выкрики были излишни, ибо Жардецкий заканчивал только предложением поддерживать членов Правительства: «Они нам были чужды. Социалисты. Пусть. Не сомневаясь в их политической честности, мы их признали и им верим. Они — верховная власть, этого довольно»¹.

Съезд принял резолюцию о неизменности пятичленного состава Правительства, у которого находится верховная власть страны. Вместе с тем съезд отказался производить выборы в Сибоблдуму². Тактика бойкота в данной обстановке, конечно, была ошибочна. Было ясно, что Дума соберется.

* * *

Перед торгово-промышленным съездом, по инициативе Иванова-Ринова, состоялся в Омске и казачий съезд — четвертый круг сибирского казачьего войска. 9 июля происходило объединенное заседание представителей казаков, торгово-промышленников, профессиональных союзов, партий, на котором Вологодский делал доклад о работе сибирской власти. Большевицкие историки считают, что именно с этого момента Сибирское правительство «круто поворачивает вправо от намеченного пути» [*Парфенов*. С. 40]. С этого времени началось и разногласие, которое стало намечаться в демократической среде кооперации. Вновь воскресшие союзы маслодельных артелей и даже некоторые кредитные союзы сделали крен направо и пошли по пути оборонческого блока. Председатель всесибирского кооперативного бюро А. В. Сазонов, председатель съезда зап.-сиб. союза В. В. Куликов и председатель Союза мас-

¹ В заседании Омской Гор. Думы 5 июля Жардецкий требовал роспуска Думы, состоящей из «неработоспособных и демагогических элементов», и изменения избирательного закона [*Парфенов*. С. 42—43].

² Бойкот, по-видимому, прошел и в других местах. В «Сибири», № 5, я встретил указание, например, на бойкот со стороны енисейского торгово-промышл[енного] съезда.

лоделов А. А. Балакшин становятся лидерами «Союза Возрождения». В Омске кооператоры издают газету «Заря», проводящую линию «оборонческого» блока и борющуюся с Сибоблдумой, которая одна, по мнению правых эсеров, остается «верной идее демократии» [М. Кроль].

Несомненно, влияние эсеров ослабевает в кооперации — особенно к августу, когда выясняется нездоровая политика Сибоблдумы. Крена направо тут не было, если этим «правым» уклоном не считать поддержку национально-государственной задачи того Правительства, которое сумело выработать среднюю линию и, очевидно, приобрести авторитет, если заставляло так или иначе признавать себя действительно уже «правонастроенными» элементами. Эти настроения довольно ощутительно стали сказываться в омской общественности.

Иркутский эсер М. Кроль, прибывший в июле в Томск для участия в работах Думы, со слов министра Шатилова, в таких чертах, вероятно сильно преувеличенных, охарактеризовал настроения в Омске: «Кругом только и говорят о диктатуре, переворот готовится на глазах у Правительства, а оно точно разбито параличом, все видит, все слышит, но абсолютно ничего не делает для предотвращения этого несчастья¹ [«Вольная Сибирь». IV, с. 78]. Если «диктатура стала бредовой идеей всех политических буржуазных группировок, выплывших на поверхность общественной жизни после свержения большевиков», то этому в значительной степени содействовал страх перед Сибоблдумой, протягивавшей руку самарскому Комучу. Через Обл. Думу «эсеровское большинство пыталось утвердить свою диктатуру» — так позже в екатеринбургской лекции 23 октября обрисовал тактику Думы проф. Новомбергский, сам числившийся в рядах областников и народных социалистов [«Заур. Кр.», № 80]. Этой диктатуры интеллигентская Сибирь в то время во всяком случае не хотела — не приходило говорить уже о Сибири военной.

Как только открылись сношения с Европейской Россией, Комитет У. С. предъявил Сибирскому правитель-

¹ Призыв к «перевороту» эсеры усмотрели в речах на торгово-промышленном съезде.

ству требование передать полноту власти. Получив отказ, Комитет У. С., при содействии членов Областной Думы, пытался фактически захватить власть в Сибири — такое заявление делается в записке областников, подписанной среди других и Потаниным и составленной по поводу разыгравшегося в сентябре конфликта правительства с Думой¹. Записка областников признавала ошибочным то, что Правительство вытасило из подполья Обл. Думу и тем самым оживило «представительство» губернских, уездных, волостных совдепов. Это представительство было использовано социалистами в Думе, во зло Сибири и России [«Сиб. Вест.», № 13]². По мнению областников, при самом «незначительном государственном понимании» Дума должна была бы сойти с политической сцены.

И вновь это — суждение не правых, оценка не «реакционной военщины», которая будто бы уже успела захватить целиком в свои руки Сибирское правительство, руководимое «безвольным и беспомощным» Вологодским.

3. В Сибоблдуме

Эсеры из Сибоблдумы не разделяли точек зрения областников, с которыми их так недавно еще связывала общая борьба против большевиков в конспиративной и нелегальной работе.

К концу июля в Томск набралось довольно много бывших членов Думы, которые образовали 4 фракции: 1) соц.-рев.; 2) соц.-дем.; 3) представителей национальностей и 4) автономистов. К последней примыкали и беспартийные. Между фракциями происходили частные совещания. По словам участника их М. Кроля, «с первых же дней работы частного совещания стало ясно, что Областная Дума расходится на два абсолютно непримиримых лагеря.

¹ «Агентом» Самарского правительства Гинс считает тов. мин. вн. дел Павла Михайлова, скрывавшего ленту переговоров по прямому проводу с Самарой и за это уволенного. Отставка Михайлова вызвала в Самаре «взрыв возмущения» [I, с. 143, 147].

² По-видимому, многие боялись, что это представительство при созыве Думы будет даже коммунистическим. См. беседу Вологодского с М. Кролем.

Социалистические группы, с одной стороны, и автономисты, с другой, представляли собою два исключаящих друг друга мировоззрения, две противоположные тактики, две чуждые одна другой психологии. Социалистические¹ группы стояли за укрепление Сиб. Обл. Думы как высшего законодательного органа края... Автономисты же рвались в бой с большевиками и лелеяли мечту о военной диктатуре. Для них разогнанное большевиками всерос. Учр. Собр. перестало существовать. О созыве же нового У. С. было рано еще думать. Главное их внимание было обращено на организацию военной силы, способной продолжать борьбу с совет. властью и коммунистами... Вся полнота власти, по их мнению, должна была быть сосредоточена в руках Сиб. Вр. прав.² [с. 73]. Психология Кроля выступает в этих строках чрезвычайно ярко — ему уже не нравится, что «автономисты рвутся в бой с большевиками»... А дальше еще определеннее — борьба с большевиками к тому же и невозможна. Только причем здесь верность идее демократии, о которой ниже говорит Кроль!

«Верными идее демократии оставались только социалистические партии, все же остальные бывшие либеральные и даже радикальные элементы с необычайной стремительностью шарахнулись вправо. Они могли рассчитывать только на несколько десятков тысяч офицеров, оказавшихся в Сибири, и на часть казачества.

Это были ничтожные силы, в достаточной степени дезорганизованные и деморализованные. И с такими силами правые элементы собирались напасть на большевиков, которые к этому времени уже успели создать дисциплинированную Красную армию, располагали колоссальными ресурсами»³ [с. 74].

Для того чтобы расстроить «гнусный план» упразднения Думы, частное совещание послало специальную

¹ Под «социалистическими» группами подразумеваются эсеры и эсдеки.

² Кроль сам себе противоречит, приписывая областникам идею военной диктатуры.

³ В этом отношении Кроль оказывается в полном противоречии с декларацией, оглашенной с.-д. Карповым от имени Сиб. Обл. Думы на Уфимском Госуд. Совещ.

делегацию в Омск. Вернее, целью делегации было оказать воздействие на Правительство в смысле переезда его в Томск. Правительство для борьбы с реакционным Омском должно связать свою судьбу с Думой, которая «как-никак являлась выразительницей надежд и чаяний всей демократической и революционной общественности Сибири»... Делегаты должны были «раскрыть глаза и указать ему бездну, куда толкали его «воинственные патриоты», в ослеплении своем потерявшие способность понимать, что вокруг них происходит» [с. 77].

«В такой момент, — говорит Кроль, — ниже нельзя было топтаться на месте. Сибирскому правительству необходимо было бросить жребий: или объявить себя до конца солидарным с Областной Думой, переехать в Томск, обратиться к народу и потребовать от военного командования полного и безоговорочного подчинения, или сказать сторонникам диктатуры: «Что делаешь, делай скорее». Правительство же бездействовало и отдавало себя покорно вихрю событий»¹ [с. 80].

Непонятно, каким образом Кроль при своем «пацифистском» настроении надеялся через Областную Думу «парализовать подпольную работу большевиков». Ведь Сибирь в это время еще не была освобождена от большевиков. До августа, когда была объявлена первая мобилизация, разложившиеся добровольцы сражались в Сибири, как сражались они и на территории Комуча. В военных кругах подобный «пацифизм» рассматривался — и не без основания — как своего рода большевизанство. Это был призыв в разгар гражданской войны кончать ее.

* * *

7 августа Правительство подписало указ о созыве Думы. Гинс признает, что с точки зрения положения о Думе «указ Правительства был излишен». Но такова была конструкция власти в общем сознании — Правительство, по неписаной конструкции, рассматривалось как своего рода

¹ Приходится признать, что «интрига», которую Кроль приписывает Омску, велась в недрах Сибоблдумы. Ее противники выступали совершенно открыто.

Директория, пользующаяся неограниченными верховными правами (записка областников). Без указа о созыве Думы последняя не набрала бы кворума.

К моменту открытия Думы соотношение сил было неблагоприятно для думских «левых» — это должен признать и Кроль.

«Правда, автономисты в Думе были в меньшинстве (около 20%), но у них была сильная поддержка за стенами. Их единомышленники были хорошо организованы и обладали реальной вооруженной силой¹. Социалистические же группы Областной Думы представляли интересы широких народных масс, фактически были оторваны от них. Задача теснее связаться с этими массами и организовать их для борьбы с врагами справа и слева была еще впереди...»²

При открытии Думы, происходившем с обычной помпой, Правительство в оглашенной декларации дало понять, что выводит свою власть из «создавшего переворотом фактического положения» (ср. записку областников). Декларация подчеркивала, что «контрреволюцию справа питают крайне левые течения» [декларацию см. у Гинса. Т. I, с. 165].

По словам Гинса, главенствовавшая фракция в Думе предварительно сговорила с Правительством о программе работ Думы. Она нигде, однако, не была зафиксирована, и Дума тотчас же вышла из намеченных рамок работы по вопросу о посылке делегации на собирающееся в Челябинске совещание по организации всероссийской власти

¹ Раньше Кроль называл эту вооруженную силу «разложившейся». Она насчитывала до августовского набора 40 000 добровольцев!.. П. Н. Милюков [I, с. 44] неосновательно противопоставляет успеху набора добровольцев в Зап. Сибири попытку адм. Колчака в Харбине создать военную силу — он набрал якобы только 740 человек. Количественно харбинские вооруженные отряды, конечно, значительно превышали ее. Колчак предполагал набрать корпус в 20 000 человек. «Приток добровольцев был очень велик», — показывает Колчак [с. 117]. Остановка была за деньгами и, главным образом, за оружием...

² У Парфенова [с. 43] имеется намек на то, что «пацифизм» некоторых сибобдумцев был весьма относителен — для борьбы с омской «реакцией», по-видимому, были предприняты некоторые попытки создать свои собственные военные части.

и о включении в состав Думы членов У. С. от Сибири [с. 152]. Острые прения в самой Думе возникли при проверке мандатов депутатов. С решительными возражениями выступил кооператор Бедра, оспаривавший не более и не менее как 46 полномочий, выданных от организаций «самочинных или уже отживших» (советы, фронтовые съезды и т. д.)¹. С.-р. Колосов признавал, что критика с формальной стороны во многих отношениях права, но существо вопроса другое: само Правительство вышло из недр самочинной организации [«Сибирь», 21/VIII, № 32]... Оставляя историю в стороне, приходилось, однако, признать, что «народовластие» Думы в данной обстановке становилось фикцией.

Вопреки мнению Правительства, Дума предоставила всем членам У. С. полноправное членство, т. е. тем самым увеличивала голоса и так уже первенствующей эсеровской фракции.

Два лагеря, намечавшиеся в частном совещании, естественно, резко определились и в официальных заседаниях Думы. Одни в существовании Думы видели гарантии созыва У. С. 1917 г.; другие его не признавали. Непримиемые разногласия выявились при обсуждении вопроса о всероссийской власти. Гинс [с. 170] их формулирует так: большинство стояло за признание Вс. У. С. полномочным создать верховную власть и за организацию лишь временной всероссийской власти до воссоздания У. С. прежнего созыва. Меньшинство отстаивало созыв нового У. С., организацию безответственной и полномочной власти и совещание для избрания власти исключительно из областных правительств. Как видим, с самого начала вскрылись те чреватые последствиями вопросы, которым суждено было раздирать русскую общественность еще долгие месяцы².

¹ Примеры искусственного подбора «народных представителей» см. у Гинса [I, с. 174].

² Надо отметить, что единодушия не было у эсеров. Парфенов отмечает [с. 44] заявление, сделанное кооператором эсером В. В. Куликовым от имени «Союза Возрождения» в ЦК партии, по поводу «невозможности в настоящий момент осуществлять парламентаризм и чистое народоправство и о необходимости «немедленного роспуска Думы».

В Думе договориться не могли.

Взаимоотношения, установившиеся в Думе, чрезвычайно ярко сказались при выступлении военного министра Гришина-Алмазова 16 августа. Встреченный «бурными аплодисментами» одной части собрания, этот недавний соратник эсеров (и даже член партии) в борьбе с большевиками становился уже фигурой ненавистной для партийных политиков. Что же говорил Гришин-Алмазов? Его речь сводилась к тезису, что все группы, партии и классы пришли к решению напрячь силы для спасения родины: «Через армию придем к Сибирскому У. С. и к сильной, единой, нераздельной России». Бурные аплодисменты сопровождали заявление министра, за исключением крайне левых, говорит газетный отчет «Сибири» [№ 32]. Характерна оценка того самого Кроля, воспоминания которого мы цитируем:

«Отрывистыми фразами, по-наполеоновски, он (т. е. Гришин-Алмазов) доказывал Областной Думе, что сибирская государственность переживает критический момент, что борьба с большевиками предстоит отчаянная и что в такие моменты силы страны должны быть отданы для достижения победы. «Все для победы!» — воскликнул он. Вся власть должна быть сосредоточена в руках военного командования. О разделении властей в такие моменты не должно быть и речи. «Народоправство очень хорошая вещь», но с этим следует подождать, пока над большевиками не будет одержана окончательная победа» [«Вольная Сибирь». IV, с. 79]. «Социалисты, конечно, самым резким образом осуждали позицию Гришина-Алмазова, — добавляет Кроль, — но так называемые автономисты и беспартийные взяли его под свою защиту. Особенно неистовый характер приняли их речи после моего выступления. Я попытался расшифровать внутренний смысл речи Гр[ишина]-Алмазова»... «Трудно себе представить, как страстно и озлобленно реагировали на это мое заявление автономисты. Бывший социалист Филашев (член нар.-соц. партии. — С. М.), кооператор Бедра и другие буквально с яростью набросились на меня. Более реакционных и проникнутых ненавистью речей я раньше никогда в жизни не слышал. Они с пеной у рта

защищали необходимость диктатуры с безграничными полномочиями».

«Собрание мертвых душ», — назвал омский орган кооператоров «Заря» [№ 12] деятелей Думы типа иркутского депутата...

Дума исчерпала свои занятия и указом Вр. пр. 19 августа «ввиду принятия законопроекта о пополнении своего состава» была распущена до 10 сентября, когда ей надлежало собраться уже в новом составе. Роспуск, по-видимому, был несколько неожидан для «левой» фракции Думы. Ее представители считали, что они договорились с Правительством при вторичном свидании уже в Томске и что будто бы получили от Вологодского согласие на переезд Правительства в Томск.

«Однако чуть ли не на второй день после свидания с Вологодским от него поступило в частном порядке предложение скорее закончить сессию Областной Думы... Такой головомучительный поворот в настроении Вологодского поразила даже тех, кто от него всегда ждал той или иной перемены фронта. Как давнишний знакомый Вологодского, пишет Кроль, я поспешил повидаться с ним с глазу на глаз и выяснить причины такого внезапного решения покинуть Томск.

Я был принят немедленно, и на мой вопрос Вологодский вместо ответа предложил мне прочесть полученную им из Омска телеграмму. Подписанная министром Серебренниковым, она гласила приблизительно следующее: если немедленно не вернетесь в Омск, грозит опасность образования нового правительства. Заговорщики сняли маски, и члены Правительства смертельно испугались. Им даже в голову не пришло дать отпор притязаниям заговорщиков. Ни на минуту ни Вологодский, ни Серебренников, ни другие министры не подумали о том, что во имя престижа Правительства, во имя спасения сибирской государственности надо было сделать попытку поставить реакционную клику на подобающее ей место. Чтобы спасти жалкую фикцию власти Сибир. правительства, Вологодский решил вернуться в Омск и тем дать реакционерам лишнее доказательство того, что фактически господами положения являлись они и что Сибир. правительства, избранного революционной Областной Думой, на самом деле больше не существовало» [с. 81].

Гинс «повествует о том трюке, к которому он при роспуске Думы прибег, чтобы избежать колебаний Правительства под напором членов Думы. Он решил устроить «политический пикник за город»... А в то время в Томске волновались парламентарии, разыскивая министров и телеграфируя в газеты о приостановлении опубликования указа [с. 179]. Но «пересмотр» указа был уже невозможен... «Забавна» эта история, но недостойна того серьезного дела, которое творилось в Сибири.

«Надежды» Думы приступить к «серьезной органической работе рука об руку с созданным первой ее сессией Правительством рухнули». «Внешне между Сиб. пр. и Обл. Думой, — говорит Кроль, — в момент перерыва ее заседаний отношения оставались дружественные, но психологически между ними успела образоваться глубокая трещина. Эта трещина, как известно, к концу сентября превратилась в непроходимую пропасть» [с. 82]¹. Сибирские эсеры всемерно старались расширить эту «пропасть». Они стали всячески дискредитировать и ослаблять Правительство — говорит позднейшая записка областников... «Все это кончится страшной катастрофой», — пророчествовал со свойственной ему «повышенной нервозностью» Патушинский [Кроль. С. 78]². Скоро «внутренние отношения» членов Правительства действительно стали «невозможны». Со стороны влияли на «импульсивного» Патушинского и на слишком «партийного» Шатилова, который предъявлял «ультиматумы» по всякому поводу (требование устранить Гришина-Алмазова и Михайлова от участия в делегации на челябинском совещании, переезда в Томск и т. д.). Начиналась «глухая и ожесточенная борьба» среди членов самого Правительства. Она про-

¹ За кулисами была сделана попытка договориться. Гинс говорит о частных беседах, организованных в Томске одним из областников.

² См. характеристику Патушинского у Гинса [I, с. 119]. Колосов говорит, что Фомин ставил даже перед партийными организациями вопрос о совершении террористического акта против Михайлова, которого считал наиболее активным противником Облдумы и Комуча [«Былое», XXI, с. 167].

исходила при крайне обостренных отношениях Омска с Комучем, сибирской выразительницей мнений и решений которого считалась Областная Дума.

4. Самара и Омск

Самара была пристрастно враждебна к Омску. Записка «областников», как было отмечено, основной мотив этой неприязни видела в отказе со стороны Сибирского правительства признать непререкаемый авторитет Комуча. Очевидно, здесь имеется в виду программа, выдвинутая «учредилловцами» на состоявшемся 15–16 июля в Челябинске совещании. Совещание это произошло под влиянием военных потребностей, которые с момента взятия Уфы выдвинули необходимость создания единого фронта¹. На совещании Брушвит огласил «в порядке информации» проект организации центральной всероссийской власти: верховной государственной властью признается вс. У. С., временно до созыва У. С.; «высшим органом государственной власти является Комитет членов У. С.; основные законы изъеются из компетенции Комитета и откладываются разрешением до созыва У. С.; центральный орган Правительства образуется «на началах коалиции» [«Хроника». Прил. 85]. Сибирские представители заявили, что они не имеют полномочий для рассмотрения поставленного вопроса². Что происходило за кулисами, в сущности, мы не знаем. Конечно, последующие обвинения сибиряков в «сепаратизме», в противность «единству», представляемому Комитетом У. С., притянуты искусственно [Майский. С. 201]. Одно пожелание самоупраздниться в глазах тех, кто считал себя «народными избранниками», являлось уже проявлением реставрационных настроений».

Сколь позорны были по существу взаимоотношения двух создавшихся областных государственных противо-

¹ На нем присутствовали: от Самары — Брушвит, Веденяпин и Галкин; от Сибири — Гришин-Алмазов, Михайлов и Головачев (тов. мин. ин. дел).

² «Полный отчет» о совещании за подписью самарских делегатов был напечатан в казанском «Нар. Деле» [№ 7].

большевицких образований, какую печальную картину разобщенности раскрывала перед чехами¹ русская общественность, свидетельствует рассказ Льва Кроля, попавшего в Челябинск к моменту совещания. Никогда нельзя забывать, что все эти споры шли в разгар боев с германо-большевицкими силами, как любили подчеркивать тогдашние политические деятели. Дело началось с «дипломатической» переписки между стоявшими друг против друга поездами двух русских правительств. Обмен «нотами» продолжался целые сутки. Попытку найти выход предпринял Гинэ. Он предложил всем собраться в вагоне-столовой Сибирского правительства, чтобы сняться. Самарцы, однако, не явились. За ними посылали, но они не шли. Тогда, по предложению Гинэ, было единогласно принято положение, что никаких инициаторов в данном совещании нет. В конце концов «самарцы явились на совещание сухо-официально» [Три Года. С. 64—66].

Какое-то постыдное ребячество проявили общественные деятели в Челябинске... Но это ребячество становилось трагичным, так как отзывалось на большом государственном деле². Разговаривая о создании всероссийской власти, Сибирское и Самарское правительства пока что сносились, как иностранные державы, через своих министров ин. дел³. Эти державы ведут таможенные войны. Кто начал? «Самара повела кампанию», — говорит Гинс. По-видимому, он прав. По крайней мере, первая,

¹ В Челябинске получился целый съезд держав, так как, помимо чехов, присутствовал французский майор Гинэ.

² Святицкий утверждает, что самарский Комитет вообще охотно пошел бы на разрыв и «покорение» Сибири, если бы поддержали чехи [с. 80].

³ Между прочим, по словам *Гинса*, Сиб. пр. решило командировать своего уполномоченного в Самару. Последний просил разрешить ему посещение открытых заседаний Совета. упр. вед. Ответ получился «классический»: «Международное право не предусматривает случаев, когда послы участвуют в заседаниях правительств, при которых они аккредитованы» [с. 147]. Как сообщал потом уполномоченный, переписка его перлюстрировалась, а присутствие его игнорировалось. Показательная деталь: уполномоченный Самары Гуревич состоял в Сибири не при правительстве, а при Областной Думе [с. 148].

помеченная 13 августа бумага, начинавшая таможенную войну, принадлежит Самарскому правительству и подписана Веденяпиным [Гинс. С. 49—51]. Самара пыталась бить Сибирь рублем, запретив всякие «денежные операции». Сибирь, в свою очередь, отвечала «таможенными заставами». Своеобразие финансовой политики, практиковавшейся Комучем, выступает в убогой сцене, описанной Кролем. Здесь терпящей стороной является уже Урал. Так как Комуч захватил в Казани «несчетное количество марок и бандеролей», то Кроль от имени Уральского обл. правительства просит самарского министра финансов Ракова уступить «хоть немного».

«— Продадим с удовольствием, — отвечает Раков.

— А по какой цене?

— Да по номинальной.

— Как по номинальной? Тогда ведь наше население будет платить вам налоги, а чем мы будем покрывать наши расходы?

— Не хотите, не надо.

— Так лучше, чтобы население нам совсем не платило налогов?

— Это уж как вам угодно.

На этот раз, однако, удалось урезонить, по крайней мере, на словах. Мы успели раньше изготовить марки и бандероли, чем получить их из Самары» [с. 94].

* * *

Между Самарским и Сибирским правительствами возник «курьезный» спор из-за Зауралья — спор, в значительной степени вновь на почве претенциозности Самарского правительства. Сибирское правительство постановило включить в сферу своего влияния уезды Челябинский и Златоустовский, которые на некоторое время ходом борьбы с большевиками были оторваны от Европейской России. Самара протестовала на том основании, что «изменение административных границ областей Российской Федеративной Демократической Республики возможно не иначе, как суверенной волей вс. Учр. Собрания». Сам Златоуст колебался в выборе той или иной

«ориентации» [Майский. С. 199]¹. Но суть спора в данном случае, конечно, лежит не в этой плоскости экономической или административной целесообразности.

На Златоуст претендовало и образовавшееся в Екатеринбурге областное Правительство Урала, которое, в свою очередь, являлось камнем преткновения. Гинс подчеркивает взаимное понимание и единство политического настроения между Екатеринбургом и Сибирью [с. 135]. Познаем самого творца Екатеринбургского правительства Л. А. Кроля. Идея нового областного правительства возникла в дни Челябинского совещания. По мнению Кроля, «выяснилось (?), что для горнозаводского Урала совершенно не подойдет ни политика Самары, ни политика Омска»... Отдать той или другой стороне освобожденный Урал означало в обоих случаях толкать его на большевизм. В поезде при возвращении из Челябинска Кроль выслушивает жалобы комиссара Сибирского правительства по Челябинскому у[езду] Будеско на произвол военной власти. Представители гражданской власти бессильны, а население винит во всем гражданскую власть. Мысль о правительстве, при котором, очевидно, не будет этого «своеволия» военной власти, еще глубже пускает свои корни. Подумывал Кроль с другими «возрожденцами» о том, что именно в столице Урала можно будет создать власть, вполне соответствующую по духу «Союзу Возрождения», независимую от Самары и Омска, которая и может сделаться центром будущей всероссийской власти. Таким образом искусственно рождали нового претендента. Майский называл Кроля «умным и хитрым». В данном случае он был, однако, скорее утопистом: реалист ген. Болдырев никак не мог понять целесообразности создания нового областного правительства. В Екатеринбурге к моменту возвращения Кроля уже создавалась местная власть — «Комитет народной власти», где руководящую роль играли эсеры, высказавшиеся против допущения к.-д. к участию в нем

¹ Гинс, наоборот, утверждает, что население неоднократно выражало желание быть под эгидой Сибирского правительства. Подп. Солодовников рассказывает, что уполномоченный Самары Преображенский намеревался силой оружия подчинить отложившийся Златоуст [Сиб. авант. С. 8].

[с. 76]. Все обычные симптомы были уже налицо. Так, начальник гарнизона Шерехов был «не прочь разогнать» новую народную власть. Между комитетами всех партий пошли «переговоры». Не удержались общественные деятели от того, чтобы в заварившуюся политическую кашу не вмешивать иностранцев. Представитель чехов Рихтер высказался «осторожно» за власть Комуча. (Чехи не сочувствовали всякому «сепаратизму».) «Союзники» настаивали на образовании независимого от Омска и Самары правительства. Майор Гинэ «настолько резко подчеркнул, что чехи только подсобный элемент для союзников, а потому не должны позволять себе вести какую-либо сепаратную от них политику, что Рихтер явно предпочел замолчать» [с. 72]. Так создавалась уральская областная власть, коалиционная по своему составу.

Затем начались переговоры с Омском и Самарою. Автономный Урал не мог, конечно, существовать без «суверенитета» со стороны Омска или Самары. Сибирь, не сочувствовавшая раздроблению власти, шла в лице прибывшего в Екатеринбург Гришина-Алмазова на эту автономию. Пусть неискренно только потому, что без такого «буфера» неизбежны были, по мнению Иванова-Ринова, вооруженные столкновения с Комучем [с. 85]. Самара, столь горячо отстаивавшая потом областные правительства, с самого начала резко потребовала «безоговорочного подчинения» Комучу [с. 77]. Задавшись первоначально высокими целями создания как бы идеальной демократической власти, Правительство Урала попало, как между молотом и наковальней, между борющимися за «гегемонию» Омском и Самарой... «Мы» должны были «ларировать», — мягко говорит Кроль [с. 86]. Правительство хотело быть самостоятельным, назначило также министра иностранных дел для сношения с «милыми соседями, как Омск и Самара», а положение было такое, что не исключалась «возможность в крайнем случае и установления при помощи чехов власти Самары», так как Комуч не хотел примириться с тем, что Урал будет «вассалом» сибирских «сепаратистов».

Желающие могут найти у Кроля изображение многих бытовых черт, характеризующих борьбу сил... и дву-

рушнической дипломатии самого мемуариста, с чрезвычайной эластичностью пытавшегося проходить между попадавшимися на пути Сциллами и Харибдами. Кролю нужно «рассеять предубеждение Самары», и он изготавляет сборник документов, «ярко рисующих моральную физиономию Омска. Эффект в Уфе получается «огромный» [с. 93]. Кроль встречает со стороны «учредивловцев» «совершенно новое отношение»...

5. Админсовет

Пришлось перевернуть довольно грустные страницы для русской общественности. Нет охоты отыскивать виновников. Допустим, что виноваты все... У Омского правительства, во всяком случае, было задора больше, чем следовало. Но я не нашел никаких материалов, подтверждающих слова самарского министра труда: «Сибирское правительство делало все, чтобы затруднить связи с Европейской Россией» [*Майский*. С. 198]. В его изображении Сибоблдума отстаивала связь с Россией, Правительство же на первый план выдвигало свой автономизм¹. Вредно было то, что под самарским внушением руководители чехословацкого общественного мнения уверовали в сепаратизм сибиряков. «Нам нужна великая Россия, она одна может в будущем быть нам помощью, и совершенно не нужна великая Сибирь», — говорил Кролю д-р Павлу [с. 83]. Это усиливало враждебность чехов и к Правительству, и к верхам военной сибирской власти.

Конструкция сибирской власти была не отчетлива. Она была такой, как создала ее жизнь. Административно-гражданское управление находилось в руках делового совета, функционировавшего по неписаному статуту. В акте о «высших государственных учреждениях», состав-

¹ Повод давала неудачная формулировка на челябинском совещании Гришиным-Алмазовым взаимоотношений автономной Сибири и «Государства Российского, с которым Сибирь дела не имеет. В действительности подразумевалось непризнание намечавшегося в Самаре «Всероссийского правительства». «Десяток человек соц.-рев. не составляют всер. правительство», — сказал сибирский военный министр [*Дело Народа*], № 7].

ленном Гинсом 14 июля, предусматривалось при Правительстве особое «совещание» в составе управляющих министерствами. Совещание существовало, но положение о нем не издавалось [Гинс. I, с. 127]. Практика показала, по словам Гинса, «политическую немощность» Сибирского правительства, его неспособность самостоятельно, без помощи управляющих министерствами, т. е. делового аппарата управления, находить «определенную линию» [с. 185]. Суть, конечно, не в «политической немощности», а в том, что деловая работа сосредоточилась у управляющих министерствами. При постоянных разъездах членов Сибирского правительства исчезал кворум. Следовательно, надо было передавать кому-нибудь текущую законодательную власть. С этой целью 24 августа был учрежден так называемый Административный Совет, который вскоре оказался в фокусе всех разыгравшихся конфликтов. Обратим внимание, что указ о нем подписан Вологодским, Патушинским, Серебренниковым и Шатиловым [«Хр.» Прил. 97]. Председателем Админсовета был назначен Серебренников. По конструкции самым важным правом Адм. Совета было — «право обсуждать проекты постановлений и общих распоряжений Совета министров, рассматривать кандидатуры на важнейшие административные должности и право решать... всякие дела, переданные на окончательное решение Адм. Совета». Так определил юридическую сторону сам творец этого органа — Гинс [с. 185]. 7 сентября постановлением Правительства, подписанным и «левыми» его членами, — обращаю на это внимание — Адм. Совету было предоставлено «на время отсутствия из Омска большинства из членов Вр. Сиб. пр. вносить и разрешать собственной властью... все дела, относящиеся к текущей деятельности министров в пределах действующих узаконений... все дела, поступившие в Совет министров и до сего времени не рассмотренные». Кроме того, председателю Адм. Совета предоставлялось право «вносить на окончательное разрешение... и иные, не терпящие отлагательства дела». 8 сентября в дополнение к предшествующему было внесено специальное постановление, предоставлявшее Админсовету «все полномочия, принадлежащие в отношении Обл. Думы

Совету министров, в частности право перерыва работ Думы или роспуска ее» [«Хр.». Прил. 105, 106]. Под последним постановлением имеется подпись и с.-р. Шатилова.

Власть фактически передавалась на время Админсовета. Его личный состав так часто пытаются очернить. Это «чиновники, прошедшие школу старого режима» и проникнутые духом «антидемократизма»¹. Несправедливость и пристрастность такого суждения очевидны. В Админсовет входил в качестве управляющего министр нар. пр. очень популярный в Сибири общественный деятель проф. Томского университета Сапожников, по своим политическим взглядам примыкавший к областникам (с «уклоном налево»). Даже такие лицеприятные противники, как большевики, признают его фигуру незапятнанной: он по натуре был чужд всякой интриги [комментарии к дневнику Болдырева, с. 515]. Сапожникову было тогда 56 лет². Более молодой коллега Сапожникова, геолог Гудков считался сочувствующим с.-д. меньшевикам — скорее всего беспартийный, по характеристике Гинса [с. 190]. Он был управляющим мин. торг. и пром. Управляющий мин. труда Шумиловский сам про себя сказал: «Я не партийный человек, хотя и был кандидатом в У. С. от меньшевиков» [интервью в «Пр. Вест.», № 54]. С меньшевиками был связан давно, ибо состоял от них выборщиком во 2-ю и 4-ю Гос. Думу³. Зефиров, заведовавший статистикой в Акмолинской области, был также близок к социалистам; он был выставлен в качестве делового кандидата сибирскими народными социалистами. Земледелеие было в руках молодого экономиста доцента Петрова (с.-д.). Министерство внутренних дел было в руках одного из активных эсеров первой революции, ведавшего в то время военной организацией партии — прис. пов. Старынкевича. Гинс видит в фигуре Старынкевича лишь

¹ *Аргунов*. Между двумя большевизмами. С. 23.

² Он умер в Томске в 1924 г.

³ Насколько Шумиловский был далек от «старорежимной» идеологии, видно уже из того, что будущий член Директории ген. Болдырев упрекает его в повадках «министров эпохи Керенского: «Все еще продолжается идеология рабочих, потерявших вкус к труду» [«Воспоминания». С. 74].

напускную революционность для политической карьеры (ссылка в Сибирь?). Я не берусь характеризовать облик благополучно здравствующих общественных деятелей. Отрицать демократичность взглядов Старынкевича едва ли кто может. Сам председатель Админсовета, Серебренников — руководитель иркутской группы областников — проходит в У. С. от областников по списку с.-р.

Я взял лишь некоторых¹. О других будет сказано ниже. Но и приведенного уже достаточно для нужного нам корректива.

* * *

«Кто из состава Адм. Совета мог быть наиболее одиозен партийным левым кругам?» — как бы спрашивает себя Гинс. Один только Гришин-Алмазов представлялся «силой», с которой следовало бороться, потому что за ним стояла — так по крайней мере казалось — армия [с. 194]. Гришин вскоре и был устранен с поста военного министра. Что Гришин был фигурой для многих «левых» неприемлемой — это мы знаем. Но у нас нет никаких данных для утверждения, что самое увольнение произошло по «интриге» соц.-революционеров, как категорически говорит Милюков: «Эсерам удалось добиться увольнения диктатора Гришина-Алмазова, провинившегося в том, что написал воззвание, в котором открыто развивал идеологию борьбы Сибирской армии на новом Русско-германском фронте» [с. 46]. Как раз Гришин формально обвинялся в противоположном, — в выступлении против союзников. Очевидно, поэтому ген. Жанен, человек совершенно не сумевший разобраться в сибирской обстановке, несмотря на знание русского языка и русских военных, — он был в Академии Генерального штаба — позволил себе, с некоторым присущим ему легкомыслием, квалифицировать убитого большевиками Гришина-Алмазова как «Une canaille à tout faire» [«М. Sl.», 1925, III, p. 349].

Гинс, текстом книги которого, по-видимому, пользовался Милюков (излагая, однако, неточно), приписыва-

¹ См. характеристики Гинса. С. 186–192.

ет отставку первого сибирского военного министра в значительной степени интриге управлявшего министерством иностранных дел Головачева, который всегда призывал Совет не высказываться определенно против Германии, в то время как Гришин упорно настаивал на восстановлении Русско-германского фронта. В начале августа в связи с мобилизацией¹ Совет опубликовал декларацию, в которой говорил, что задачей Сибири является содействие восстановлению других частей Российского Государства, раздробленного Брестским миром. Гришин, бывший в то время в Челябинске, был недоволен отсутствием указания на то, как само Правительство относится к Брестскому миру, и категорически требовал ясного заявления по этому поводу. Было составлено новое заявление, подписанное всеми министрами. Очевидно, за это Гришин не мог быть уволен. «Как оказалось, — пишет Гинс, — Гришин-Алмазов в Челябинске после ужина с выпивкой, возбужденный очень резкими и неприятными для русского патриота ироническими замечаниями английского консула в Екатеринбурге, бросил замечание, что русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских, потому что только одна Россия может сейчас выставить свежую армию, которая, в зависимости от того,

¹ Успех этой мобилизации — несомненная заслуга Гришина-Алмазова. Если, по мнению Болдырева, эта мобилизация происходила все же в размерах, не соответствовавших материальным ресурсам Сибирского правительства, то вина не лежит на осторожном в этом деле военном министре, который не форсировал мобилизацию, а скорее ее задерживал. «Хотя и были случаи принуждения с помощью военной силы, — отмечает в письме-отчете Чайковскому прибывший в это время из Архангельска в Сибирь С. С. Маслов, — но в общем мобилизация проходит успешно». Под пером большевицкого историка случаи принуждения становятся картиной общей. «Насильственный призыв в войска молодых солдат» в очень немногих районах происходит без «шомпольных воздействий» [Парфенов. С. 62]. Отряды офицеров и военнопленных (вот уж поистине с большой головы на здоровую!) «вылавливают дезертиров по всей сибирской деревне». Очевидно, в действительности дело было не совсем так, раз другой советский историк Анишев [с. 225] признает, что первую мобилизованную крестьянскую молодежь легко «впитали офицерские кадры».

к кому она присоединится, решит судьбу войны. Эти слова генерала дали повод для выступления иркутского консульского совета, поднялся шум, и враги Гришина решили использовать момент» [с. 196]. Были ли сказаны на банкете слова, которые приписывались Гришину и которые неудачно формулировали его мысль, установить трудно. «На банкете, — записывает Болдырев, в это время познакомившийся с сибирским военным министром, — Гришин «высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников...» Это обстоятельство в связи с внутренними интригами Сиб. прав. стоило Гришину-Алмазову его высокого поста» [с. 34]¹.

Играли ли здесь какую-нибудь роль эсеровские политики, могущие воспользоваться тем, что Гришин не ладил с чехами², мы не знаем. Одно очевидно: за «интригами» Головачева не могли стоять эсеры. Головачев был связан совсем с другими кругами, близкими «честолюбивому» Иванову-Ринову. Все же, что концентрировалось вокруг последнего, «жаждало свержения Гришина» [Гинс. С. 107]. — Он был не только конкурентом во власти; Гришин-Алмазов в действительности старался проводить демократическую политику в армии. «Авантюрист-диктатор»... «не одобрял правых течений, понимая их несвоевременность» [Кириллов. — «Вольная Сибирь». IV, с. 46]. Вместо демократически настроенного Гришина, обладавшего, несомненно,

¹ Как изображают большевицкие историки, слишком легко извращающие факты, показывает изложение Парфенова: «Заискивающе приветствуя выступление англо-французских войск в Архангельске, он выразил надежду, что союзники помогут ему окончательно очистить от большевиков и территорию Сибири, делая при этом более чем определенный кивок в сторону некоторых своих коллег по Правительству и Областной Думе. От лакействующей речи полуграмотного генерала Гр[ишина]-Алм[азова] сделалось нехорошо даже некоторым иностранным представителям» [с. 45].

² Кроль со слов Павлу передает, что на другой день после банкета Гришин заявил Павлу: «Если вам, чехам, у нас не нравится, то вы можете уехать». На это последовал ответ Павлу: «...в политике ожидать благодарности не приходится... Но я считаю, что мы своего дела еще не сделали. Россия нам нужна в наших интересах»... [с. 86].

«организаторским дарованием, энергией и решимостью» [Болдырев], был назначен временно командующим армией Иванов-Ринов — человек также инициативный и энергичный, но стоящий гораздо ниже Гришина по своим моральным качествам. И взгляды его были другие. Он начал свою деятельность отменой введенной Гришиным военной формы, схожей с чехословацкой, — несправедливым указом об офицерах, служивших у большевиков, законопроектом о введении смертной казни и назначением начальником омского гарнизона горячего сторонника настоящей военной диктатуры казачьего полковника Волкова. Если причиной удаления Гришина были «интриги» левых — они тем самым облегчали правым задачу, которую им ставил Кроль. Если здесь бóльшую роль сыграли интриги правых, то этот факт сам по себе показывает, что «авантюрист» под Наполеона (а по мнению Болдырева, под Керенского) старался в жизни проводить среднюю политическую линию, наметившуюся у Админсовета.

Увольнение Гришина вызвало новые осложнения в Правительстве. Лучше всего вновь рассказать о них словами Гинса, как одного из действующих лиц. Увольнение Гришина произошло так, что Админсовет ничего об этом не знал; не знал об указе даже сам Гинс, управлявший делами Совета министров, не запрошено было и мнение Админсовета о заместителе. На заседание Админсовета, обсуждавшего инцидент, явился Головачев и заявил, что Иванов-Ринов вступил уже в командование и что об этом дано знать по прямому проводу всем военным частям...¹

Ночью в квартире Гришина происходит заседание в присутствии Михайлова и Пепеляева. Гинс изображает это заседание — и он был туда вызван — в довольно безобидных тонах. «Впоследствии мне сообщали, — добавляет он, — что Гришин делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряжение было перехвачено. Я считаю это сообщение похожим на правду. В эту

¹ Правдивый Вологодский, как сообщает Гинс, открыто заявил в заседании Админсовета: «Я чувствую себя виновным в том, что принял решение, не посоветовавшись с вами, и, если бы сейчас возможно было, я счел бы себя обязанным уйти в отставку» [с. 280].

ночь я увидел в Гришине маленького честолюбивого и самоуверенного человека, не умевшего вести большой игры»... [с. 200]¹.

Как ни расценивать того, что происходило ночью в квартире Гришина, совершенно ясно, что там обсуждался вопрос о своего рода государственном перевороте. Едва ли имеются хоть какие-нибудь основания усмотреть здесь выступление со стороны «правых». Вернее, это была своеобразная попытка, диктуемая, возможно, обиженным честолюбием, найти выход из той ненормальной обстановки, при которой так причудливо переплетались между собой «левые» и «правые», союзники и чехи...

«Что делалось в это время в Совете министров, — говорит Гинс, — я не знаю. Хотя я оставался управляющим делами, но меня не приглашали на заседания. Председатель Совета министров объяснил мне, что заседания носят такой неприличный характер, вследствие постоянных личных столкновений между отдельными министрами (главным образом Михайловым и Патушинским), что невольно хочется придать им замкнутый характер» [с. 198]. Совершенно ясно, что в эти дни и был предъявлен Правительству со стороны большинства «ультиматум», в результате которого появилось то постановление Правительства, которое приводилось выше — в частности относительно Думы.

Разобраться в закулисной стороне еще трудно. Где была интрига, где была неуравновешенность, которая питалась всей нервной обстановкой того времени? Во всяком случае, увольнение Гришина-Алмазова явилось большой ошибкой со стороны Правительства, подчинившегося различным и противоречивым влияниям извне. Каждый необдуманый шаг чреват последствиями. Шила

¹ Характеристики людей чрезвычайно субъективны, повторяющий часто чужие слова Глос называет Гришина «злым духом Правительства». (Чешские представители, зараженные влиянием Самары, вообще были враждебно настроены к верхам Сибирской армии. Это отмечает и Болдырев. Их суждения в данном случае всегда несколько пристрастны.) Фантастично утверждение Глоса, что Гришин-Алмазов предполагал разогнать Думу, опираясь на чехов.

в мешке нельзя было утаить. Увольнение военного министра было «злойбой дня». Все о нем говорили, все его по-своему комментировали. И если отрешиться на момент от всех политических оценок и поставить себе вопрос, какое впечатление должна была производить описанная выше правительственная и общественная «неразбериха» в широких военных кругах, не посвященных в закулисную сторону «интриг», личной и партийной политики, — не придется ли признать, что естественно и законно рождалась в этой военной среде мысль о спасительности диктатуры? Между тем эпоха «интриг» и «заговоров» под сибирским со-звездием только еще начиналась.

6. Столкновение с Думой

13 сентября Патушинский подал заявление, что не находит возможным оставаться в составе Совета министров ввиду «глубокого расхождения с Адм. Советом и возрастающим влиянием последнего на политическую деятельность Правительства». Мне кажется, «вспыльчиво-му» Патушинскому в значительной степени просто надоела обстановка борьбы и конфликтов. Считая себя все-таки министром, избранным Думой, он не сочувствовал переходу власти к Админсовету, быть может не учитывая достаточно того, что излишне строгая «принципиальность» вообще мало подходила к тогдашней обстановке. С уходом Патушинского Правительство оказалось в нетях. Вологодский, взяв с собой Гинса, уехал на Восток для ответственных переговоров с союзниками (в частности, о займе) и для ликвидации «опереточных» правительств на Д. Востоке. Серебренников отправился в Уфу на Государственное Собрание, Шатилов в Томск на открытие Думы. Крутовский, стоявший вообще несколько в стороне от дел, жил в Красноярске. Из членов Правительства в Омске оставался самый молодой, но, может быть, самый энергичный из них, Михайлов. Таким образом, в полном соответствии с принятыми постановлениями фактически государственная власть переходила к Адм. Совету.

10 сентября в Томске открылась Дума. Работа ее вновь была установлена заранее по соглашению с Правительством.

С самого начала возник конфликт. Прежде всего Дума, в свою очередь, избрала комиссию для посылки на Дальний Восток. Цель избрания была ясна: делегация должна была действовать там параллельно Вологодскому и «парировать его выступление» [Майский. С. 250], т. е. воздействовать на лавровское (дерберовское) Правительство в том отношении, чтобы оно не сдавало власти, и завязать непосредственные отношения с союзниками. Это Якушев в разговоре с Вологодским по прямому проводу называл «информационными целями»! Делегация была уже в дороге, когда появился решительный протест со стороны Вологодского. Делегация была задержана 16—17 сентября в Иркутске командующим войсками и «принудительно в товарном вагоне отправлена» в Томск. Закономерен ли этот «беспримерный в парламентской практике эпизод» или нет, — но, быть может, только в силу происшедшей задержки миссия Вологодского увенчалась успехом.

С Хорватом достигнуто было 27 сентября соглашение, по которому последний, как и Сибирское правительство, признавал власть образовавшейся уже тогда всероссийской Директории. Хорват становился «генеральным комиссаром» новой власти¹. Лавровское (дерберовское) Правительство тоже сравнительно легко самоупразднилось, отчасти, может быть, считаясь с наличием конкуренции на Дальнем Востоке [Флуз], отчасти в силу тяжелого материального положения [Гинс]. В момент сдачи власти пришло, однако, сообщение о происшедшем в Омске конфликте. Гинс передает, что тогда министр Моравский отказался сдавать дела и разослал шифрованную телеграмму почтовым и телеграфным служащим с призывом не подчиняться Сибирскому правительству [с. 229].

Была попытка со стороны Думы (части ее, конечно), воспользовавшись отъездом Вологодского и приездом бывшего министра дерберовского Правительства Новоселова, изменить состав омской власти и ввести в рамки подчинения Думе Админсовет, которому было предо-

¹ Соглашение являлось немаловажным фактом, так как омские, например, кадеты ставили условием поддержки всероссийской власти обязательное соглашение с Хорватом.

ставлено право полномочного Совета министров «без ведома Думы» (слова Якушева). (Позднее сибирские эсеры приписывали Админсовету инициативу в создавшемся конфликте [«Вольная Сибирь». I, с. 10]. Бесспорно, что инициатива в данном случае исходила от деятелей Сиб-облдумы.)

18 сентября с.-д. фракция поставила на обсуждение в Думе вопрос о необходимости выяснить отношение Думы к Правительству. Вопрос этот обсуждался в закрытом заседании Думы, признавшей необходимым принять энергичные меры против беззаконий Правительства [*Майский*. С. 210]. Под «беззаконием» главным образом подразумевалась тактика представителей Сибирского правительства на происходившем в Уфе «Государственном Совещании», тактика эта противоречила резолюциям Думы. Представитель Думы Якушев в позднейшем разговоре по прямому проводу с Вологодским, уже членом Директории, избранной в Уфе, в очень мягких тонах изображает то, что говорилось в Думе. «Непримиримость сибирской делегации, — говорил он, — внушала тревогу, что может разрушить работу по созданию центральной власти. Дума, однако, учитывая всю сложность ситуации, не решалась обсуждать в закрытом заседании (очевидно, «открытом») явное расхождение правительственной делегации в Уфе с постановлениями Думы, но считала вместе с тем своим долгом оказать влияние на делегацию в смысле приближения ее позиции к думской. С этой целью было устроено закрытое заседание Думы, на котором была подвергнута разбору линия поведения правительственной делегации в Уфе, причем Дума, памятуя, что в столь тяжелый момент всякое недоверие, выраженное Правительству, чревато большими, тяжелыми осложнениями во внутренней жизни страны, ограничилась только вопросом Совету министров, чем объясняется расхождение точки зрения правительственной делегации от мнения, выраженное Думой».

Все это было в действительности не так безобидно, как пытался представить Якушев. Дума хотела и изменить состав делегации, и обуздать Админсовет. Для этого нужно было получить «левое» большинство в основном Правительстве. Решили ввести Новоселова в состав Прави-

тельства — была сделана, по выражению Майского, «попытка устроить маленький государственный переворот», введя Новоселова «революционным путем». Вместе с тем сибоблдумцы уговорили Патушинского взять свою отставку назад¹. «Революционному пути» был придан своеобразный «конституционный» характер. Ссылаясь на какую-то телеграмму Михайлова, запрашивавшего томского губ. комиссара о наличии местного гарнизона, Якушев говорил Вологодскому, что Дума увидела здесь угрозу роспуска. Необходимо предотвратить необдуманый и незаконмерный шаг.

Лучше всего рассказать дальнейшее со слов самого Якушева. Он едет в Омск, вызывает туда Крутовского. За ним приезжает Шатилов, все с той же целью «приостановить работу Административного Совета».

20 сентября Крутовский собрал Совет министров. На заседании присутствовали Михайлов и Якушев в качестве председателя Думы. Заседание было сорвано, так как Михайлов покинул его при обсуждении вопроса, который Крутовским был поставлен предварительно о вступлении в исполнение обязанностей Патушинского и Новоселова. Не надо забывать, что к возвращению отказавшегося Патушинского и кооптации кого-нибудь в Правительство отрицательно отнеслись отсутствовавшие члены Правительства Вологодский и Серебренников. За кулисами в действительности шли более серьезные приготовления. Намеревались из состава упраздненного дерберовского Правительства ввести в омскую власть еще Краковецкого. Якушев вел соответственные разговоры с Уфой и Иркутском, причем ленты разговора, по утверждению Гинса, уничтожались [с. 221].

Гинс, между прочим, ссылается на разоблачения, сделанные на открытом заседании Думы депутатом Соболевым. К сожалению, в нашем распоряжении не было данных для проверки указаний, может быть несколько

¹ Патушинский обратился с заявлением по поводу своей отставки в Думу. Оно обсуждалось, по словам Якушева, в президиуме при участии совета старейшин, ибо, если бы вопрос был поставлен на разрешение Думы, это могло бы «повести к кризису власти, который не входил в расчет Думы».

субъективных, историка-мемуариста. Но ведь план Сиб-облдумы и так уже ясен из рассказа ее председателя.

Как отнеслась непартийная общественность к возникшему конфликту? «Заря» определенно заявила, что Обл. Дума «утратила всякое представление о существовании своих функций и работает на государственный развал» [цитирую по «От. Вед.», № 4]. Вологодский телеграфно признал своевременным перерыв работы Думы... 21 сентября Админ. Совет распустил Думу... Дума не подчинилась приказу и единогласно открытым голосованием приняла резолюцию эсеровской фракции:

«На основании «Положения о временных органах управления в Сибири» считать: 1) Административный Совет незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску; 2) министра финансов И. А. Михайлова и тов. министра внутр. дел Грацианова считать уволенными от занимаемых ими должностей и подлежащими суду по обвинению в попытке государственного переворота.

Временным Сибирским правительством Областная Дума считает Правительство в составе, избранном Думой в январе 1918 г., за исключением министра финансов И. А. Михайлова.

Дума постановляет:

1. Временно предоставить все права Думы, а также право временного устранения министров и всех должностных лиц от занимаемых должностей «Комитету Областной Думы» в составе по два представителя от каждой фракции для восстановления насильственно прерванной деятельности Областной Думы и Совета министров и для предоставления выборным Думой министрам возможности исполнять возложенные на них обязанности.

2. По миновании чрезвычайных достижений (?) поставленных целей означенному Комитету сложить свои полномочия и дать отчет в своей деятельности Сибирской Областной Думе»...¹

В «Комитет Областной Думы» избирается по два представителя от фракции с.-р., с.-д. и национальностей. Фракции областников и беспартийных отсутствуют... Это ответственное собрание Думы было созвано наскоро, ночью — в «революционном» уже порядке [«Заря»].

¹ Выдержки из протокола напечатаны составителем «Хроники» из материалов Сиб. Обл. Думы [Прил. 109].

Крайность часто порождает другую крайность. В ответ на «грамоту»¹ Думы, доносил Гаттенберг Михайлову, что всюду на заборах надпись: «Боже, Царя Храни».

Рано утром того же дня (21-го) Крутовский, Шатилов, Якушев и Новоселов были в Омске арестованы начальником гарнизона полк. Волковым «по обвинению в том, что этими лицами замышлено и приступлено к совершению государственного переворота». Обстановка ареста соответствовала уже установившимся в Омске нравам. Члены Правительства, по словам Якушева, обманом были вызваны в штаб для переговоров по прямому проводу с военным министром в Уфе и отвезены конвоировавшим их офицером на частную квартиру (Волкова):

«На наш протест против насилия, нам ответили, что действуют по распоряжению законных властей и что нам будет представлено распоряжение Адм. Совета»...

Официальное сообщение Сибирского правительства по этому поводу говорило:

«Арест был произведен без ведома не только заместителя председателя Совета министров и председателя Административного Совета И. А. Михайлова и самого Административного Совета, но и без ведома временного управляющего военным министерством генерал-майора Матковского. В этот же день от В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова были получены прошения об отставке.

В 7 часов вечера 21 сентября, непосредственно перед назначенным в тот день заседанием, были получены в здании Административного Совета заместителем председателя Совета министров и временно управляющим военным ведомством от начальника гарнизона донесения о произведенных арестах. Административный Совет, обсудив эти донесения, единогласно постановил: немедленно освободить из-под стражи В. М. Крутовского, М. Б. Шатилова и И. А. Якушева, о дей-

¹ Записка областников подчеркивает, что грамота, изданная от президиума Думы, подписана все лицами «юными» или «совершенными новичками на общественном поприще». Председателем «президиума» был проф. Никонов, «социалистическая» и «демократическая» принципиальность которого легко устанавливается тем, что он был ставленником достаточно прославленного министра народного просвещения Кассо и был после революции удален из Петербургского университета [*Гинс.* I, с. 179].

ствиях начальника гарнизона полковника Волкова сообщить командующему армией. Вследствие же направления дела начальником гарнизона об аресте Новоселова прокурору Омской судебной палаты, вопрос об освобождении Новоселова был признан подлежащим обсуждению названного прокурора» [Гинс. I, с. 234–235].

23 сентября Новоселов был убит сопровождавшим его в областную тюрьму конвоем. Сказать, что Новоселов «пал жертвою расправы, учиненной каким-то добровольцем», как это сделал в своих воспоминаниях Серебренников [с. 14], конечно, совершенно невозможно¹.

«В заседании, — продолжает официальное сообщение, — тов. мин. вн. д. А. А. Грацианов, посетивший В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова по их освобождению, сообщил, что прошения об отставке, по объяснению В. М. Крутовского, им и Шатиловым были подписаны под угрозой расстрела², далее А. А. Грацианов, со слов того же Крутовского, сообщил, что Крутовскому и Шатилову, по освобождению их, было предъявлено лицами, их арестовавшими, требование покинуть Омск в течение 24 часов. Заявление В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова о вынужденной подаче ими прошений об отставке и вынужденном их отъезде, а также невыясненность обстоятельств убийства А. Е. Новоселова вызывали единодушное решение Административного Совета о немедленном образовании Верховной следственной комиссии из трех членов Административного Совета, под председательством управляющего мин. торг. и пром. проф. Гудкова»...

¹ Некоторых деталей этой расправы мы коснемся ниже в связи с официальным расследованием дела. Поразительно, что редакция «Вольной Сибири» к словам Серебренникова в виде какого-то исключения не сделала никакой оговорки.

² В показаниях следственной комиссии Крутовский говорит, что он не желал подписать прошения об отставке по «старости лет» и «болезни». Тогда один из офицеров (Нарбут) подошел к нему вплотную со словами: «Три минуты на размышление, или вы подпишете, или мы вас увезем на автомобиле и вы будете расстреляны». Крутовский подписал. Подписал и Шатилов. Новоселов и Якушев считали, что они сделали это напрасно: «молодежь только пугает». Отрывок из показаний Крутовского приведен в примечаниях Вегмана к тексту воспоминаний Болдырева [Прим. 42].

Все ли гладко в этом постановлении Админсовета? Между строк чувствуется какое-то формальное отношение к расследованию событий. И действительно, акт ареста как бы развязал руки в борьбе. Арестованные министры — больше не министры, хотя бы отказ их был вынужденным. Опасный прецедент для будущего!.. И уже недопустимым было формальное отношение к оставлению Новоселова под арестом. Правительство должно было знать о настроениях среди казачьих офицеров омского гарнизона. Правительство обязано быть предусмотрительным в таких случаях и расследовать более открыто и решительно. Своим формальным отношением оно санкционировало тот акт ареста, от которого официально отгораживалось. Но такое утверждение еще далеко от обвинения кого-либо из членов Правительства в соучастии в преступлении. Широкое распространение получила версия, приписывавшая если не непосредственную организацию убийства Новоселова, то роль его вдохновителя и подстрекателя И. А. Михайлову. К нему с легкой руки противников приклеили этикетку в виде суровой клички «Ванька Каин». К деятельности и отчасти к личности Михайлова мы еще подойдем. Нужно, однако, заранее иметь в виду, что ненависть к Михайлову со стороны некоторых «левых» кругов в значительной степени объясняется его активным участием в борьбе с Комучем и Сибоблдумой. При таких условиях добиться беспристрастия невозможно. Михайлов, может быть, в силу молодости был самым страстным борцом против эсеровского «народовластия»: бывшему эсеру этого простить не могли. Конечно, Михайлов к убийству Новоселова отношения не имел — это пятно должно быть с него смыто. Сам Новоселов, приехавший в 3. Сибирь, как бы по командировке лавровско-дерберовского Правительства, по видимому, не очень стремился ввязываться в организацию власти¹ и быть назначенным министром тем конституционно-революционным путем, который измыслил председатель Сибоблдумы. И Новоселов сделался «несчас-

¹ Это он подчеркивал Вологодскому при встрече в Иркутске [Гинс. I, с. 214], то же в Омске говорил он Якушеву и не давал положительного ответа, ссылаясь «на усталость» и «литературные занятия» (из разговора с Вологодским).

тной жертвой чужой игры». Так охарактеризовала это убийство омская «Заря» [№ 6]. Большевицкие историки назвали убийц Новоселова «колчаковскими наймитами» (!!!)¹

* * *

Томский губернский комиссар прис. пов. Гаттенберг — «крайне правый», в действительности же член потанинского кружка [«Сиб. Огни», 1928, № 1, с. 139], быстро ликвидировал начинания Сибоблдумы, арестовав новое выборное «правительство»². Тогда председатель Думы Якушев обратился за помощью к чехам. Это безоговорочно констатируется в записке областников-кооператоров: получив свободу, Якушев, по собственному заявлению, поставил себя под защиту чехов и этим самым поставил Сибирскую армию под угрозу кровопролитной схватки с чехами. Якушев просил представителя чехословаков вмешаться в конфликт — другой реальной силы у сибоблдумцев не оказалось³. Глос был как бы своим человеком в Сибоблдуме — участвовал даже в конспиративных заседаниях, которые шли в совете старейшин [Гинс. I, с. 240]. В позднейших воспоминаниях, напечатанных в «Вольн. Сиб.» [IV] и показывающих, что д-р Глос не всегда разбирался в обстановке, не ясно представляя себе и фактическую сторону дела (например, характеристика его августовского «самороспуска» Думы), он считает нужным указать, что его работа как политического уполномоченного чехословаков шла по линии всемерного содействия демократии. Поэтому Глос так энергично протестовал против роспуска Думы. Не сознавая того, Глос говорил лишь с чужих слов.

Чехи совещались, как им поступить. Когда разыгрывались томско-омские события, в Уфе происходило уже Государственное Совещание. Тов. председателя Нац. Совета д-р Павлу был, очевидно, сторонником ареста чешскими

¹ Березовский. А. Е. Новоселов. — «Сиб. Огни», 1922, № 1, с. 57.

² Гаттенберг опирался, по-видимому, на поддержку командира сибирского корпуса ген. Пепеляева. Как раз в этом корпусе наиболее, казалось, сильны были связи сибирских эсеров.

³ Подтверждение см. у Аргунова [с. 27] и у Майского [с. 253].

военными силами Михайлова, как инициатора «переворота». Об «инициативе» Михайлова доносил ему из Омска, со слов секретаря Якушева, чешский уполномоченный Рихтер 21 сентября. Павлу передавал эти сообщения чешской делегации в Уфе. Та, в свою очередь, спрашивала совета Болдырева. Последний уклонился от определенного ответа, «смутно представляя себе обстановку Омска»... Через некоторое время Рихтер, на основании уже новой информации, передавал, что у арестованных по приказу Михайлова лиц нашлись документы, свидетельствующие о какой-то попытке переворота налево и о непричастности к убийству Новоселова военного министра. Информация была противоречива, тем не менее по распоряжению из Челябинска ген. Сырового начальник чешского военного контроля подполковник Зайчик арестовал начальника омского гарнизона Волкова и тов. мин. вн. дел Грацианова. Пытался он арестовать и Михайлова, но последний скрылся. Все это было сделано, осторожно говорит Болдырев, «по инициативе некоторых демократических групп»¹.

Все арестованные чехами, однако, скоро были выпущены. Может быть, повлияла на это новая информация со стороны Рихтера. Может быть, оказало свое действие обращение, появившееся 26 сентября в «Заре». Эту статью никто из чешских бытоописателей сибирского анабазиса не упоминает, между тем она чрезвычайно знаменательна. К сожалению, только к голосу этой части сибирской демократии чехи мало прислушивались. Обращение адресовалось к «братьям чехам». В нем говорилось: «По городу разнеслись слухи, что вы хотите арестовать министра Михайлова и его сотрудника Бутова и уже арестовали тов. мин. Грацианова... Вы можете себе представить, братья, каким ударом грома была разнесшаяся весть, что вы хотите арестовать их. Это было так неожиданно и непонятно, что мы подумали, не осуществляется ли какая-то немец-

¹ Записка областников указывает, что Якушев и непосредственно обращался к Сыровому. Для чехов получалось неразрешимое противоречие: с одной стороны, невмешательство в русские внутренние дела, с другой — Сыровой командовал и русскими и чешскими частями.

кая провокация¹, в которой вы являетесь слепым орудием. Братья! Вашей неосведомленностью в наших внутренних делах кто-то пользуется для достижения цели, губительной для общего дела».

Протестовала не только «Заря», не только круги, близкие ей. С полным основанием, несколько, пожалуй, преувеличивая, Иванов-Ринов писал 30 сентября кн. Львову, уезжавшему за границу: Вмешательство чехов «вызвало взрыв чувства национальной обиды... Самые разнородные группы от промышленников до умеренных социалистов одинаково высказались перед представителем чеховойск, а казачество было взволновано настолько, что можно было опасаться вооруженного столкновения».

Серебренников считает, что «попытку чехословаков в Омске совершить переворот» остановило только избрание Всероссийского правительства [с. 15]. К этому действию мы и перейдем. При Директории произошла ликвидация уже всего рассказанного на последних страницах конфликта Сибоблдумы с Админсоветом. Тогда же было расследовано и дело об убийстве Новоселова.

¹ «Немецкая провокация», очевидно, вставлена для воздействия на падких к этому чехов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уфимское Совещание

1. Единая власть

Жизнь сотворила к августу на территории России 19 автономных правительств. Были правительства с территорией, были правительства без нее; были правительства областного типа, были правительства национальные. Разного калибра были эти подчас эфемерные образования с различными по объему правительственными функциями. На так называемом Восточном фронте, конечно, только Самарское и Сибирское правительства представляли собой конкурирующие силы, которые так или иначе могли претендовать на всероссийское значение.

Комуч так и ставил свои задачи. Под знаменем возродившегося Учредительного Собрания должно произойти объединение России. Пока же носителем идеи верховной власти является Самарское правительство. Поэтому всякого рода организации с оттенком правительственной власти, возникшие на освобожденной от большевиков территории, эсеровская власть считала как бы «юридически незаконными» [*Майский*. С. 189].

Сибирское правительство «формально ставило себе только областные задачи, выдвигая лозунг: через Сибирь к возрождению России. В действительности и оно претендовало на всероссийское значение и не очень-то склонно было уступать свою миссию. При установившейся в некоторых кругах социалистической демократии презумпции, согласно которой Сибирь с самого начала делалась «осиным гнездом реакции», а Самара воплощением народовластия, было чрезвычайно трудно провести нити соглашения между обоими созданными центрами. Соц.-рев. Колосов, в начале революции настроенный «весьма умеренно и государственно»¹, в июне 1918 г. выехал из Петербурга в Сибирь со специальной целью, по его соб-

¹ В оценке *В. Гуревича*. Февральская революция в Красноярске. — «Вольная Сибирь». II, с. 127.

ственным словам, для борьбы с грядущей реакцией [«Былое». XXI, с. 262]. Ввиду непрочности советской власти и неорганизованности демократии он прозорливо предусматривал эту реакцию еще в мае в статье, напечатанной в эсеровском официозе «Дело Народа». Призрак контрреволюции, болезненная боязнь ее, таким образом, надевали повязку на глаза даже «весьма умеренных и государственно настроенных» членов партии. Она лишала их возможности объективно оценивать существовавшее положение. Предвзятость точек зрения заставляла их жить фикциями и гоняться за миражом.

Люди более реалистические, и прежде всего та военная среда, которая с оружием в руках устанавливала первенство в междоусобной борьбе, несколько по-иному подходили к политическим вопросам. Для них объединение фронтов, единое командование, конкретно возможное только при единой политической власти, становилось *sine qua non* самого успеха противобольшевицкой акции. Я уже приводил беседу Болдырева с Каппелем, в которой Каппель «почти ультимативно» ставил вопрос о политическом объединении разрозненных общественных сил. «Армия и офицерство ждут Всероссийского правительства», — передает Утгоф мнение полковника Галкина, который требовал (по выражению Болдырева в «не особенно почтительной форме») в дни уже Уфимского Государственного Сопещания от членов У. С. прекратить «болтовню» и реально помочь фронту [с. 34]. Те же члены Уфимского Сопещания заслушивают «секретное» сообщение ат. Дутова о необходимости ускорить создание единого командования, а следовательно, и центральной власти, ибо на фронте плохо и «долго при нынешнем положении казаки не в состоянии будут тянуть» [с. 103]¹. У военных сознание это было сильно — еще полк. Пишон в докладе о возможности интервенции отмечал необходимость в таком случае организовать «временное коалиционное правительство, приемлемое для союзников» [с. 55].

¹ Ген. Болдырев, настроенный в то время даже излишне оптимистично, склонен видеть в выступлении Дутова лишь политический маневр — «пугал тяжелым положением на фронте» [с. 44].

Вопрос об единой власти становился жизненным вопросом и для чехословаков, несмотря на склонность их руководящих политических кругов поддерживать по тактическим соображениям партийную демократию эсеров. В этом отношении они оказывали давление на неговорчивых политиков из Самары. В докладной записке, представленной в Уфимское Собрание, суммируя то, что не раз уже декламировалось в различных обращениях к русскому обществу, Отделение Чехосл. Нац. Совета писало:

«Чехословацкое войско, выступая три месяца тому назад против большевицкого насилия, в первый момент должно было защищать свою свободу, но начиная со второго дня нашего наступления мы поставили себе задачу — не продолжать свой прерванный путь через Владивосток во Францию, а оказать содействие братскому русскому народу.

...Чехословацкое войско в надежде, что русское общество возьмется за дело восстановления своей военной и государственной организации, решило принести посильную жертву во имя спасения братской России. К сожалению, дело восстановления не только политической, но и военной власти подвигается слишком медленно. Вместо того, что было бы более естественным, а именно, чтобы чехословацкая армия помогла русским войскам в деле освобождения их родины, до сих пор тяжесть военных действий неравной мерой падает на чехословацких солдат. Принцип создания Добровольческой армии ни в Сибири, ни на территории самарск. Ком. не дал удовлетворительных результатов. Частичная мобилизация была осуществлена только¹ на территории самарск. Ком. среди казаков и башкир, но результат этого призыва до сих пор мало только был использован на фронте...

Естественно, что при таких обстоятельствах чехословаки должны поставить себе вопрос... какие причины этого бессилия...

Вместо общегосударственного строительства мы являемся свидетелями какой-то таможенной войны между отдельными частями русского государства. Оттуда уже недалеко к незнанию или непризнанию единого русского государства.

При такой обстановке не может быть споров о том, что настоящее политическое положение властно требует немедлен-

¹ Это неверно. Мобилизация была и в Сибири.

ного создания центрального Всероссийского правительства, которое могло бы взять на себя задачи восстановления России... [«Хроника». Прил. 102].

Основной вопрос ставился ясно и определенно.

* * *

В августе на территории Комуча и Сибири появились представители тех политических организаций, которые объединились в Москве вокруг двух центров — «Союза Возрождения» и «Национального Центра». Они выработали свою платформу и единую тактику борьбы, в основе которой лежало создание единой центральной всероссийской власти. Я не буду касаться деятельности этого «Союза» и отошлю читателя к своей книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» [гл. III. «Союз Возрождения России — план создания всероссийской власти].

Случилось так, что деятели «Нац. Центра» попали на Юг, а на Восток прибыли представители «С. В.», т. е. представители левых течений договорившихся сторон. Они не афишировали московского соглашения, устанавливавшего и форму организации власти, и даже ее персональный состав. Деятели «С. В.» должны были в своих партийных организациях проводить выработанную линию и тем самым содействовать соглашениям различных политических кругов. «Союз Возрождения» был как бы полуконспирацией в партийной среде. Такая тактика объяснялась, очевидно, нежеланием раздражать местных людей, как бы навязывая им столичные решения. Было ли это правильно для успеха той агитации, которую надлежало вести членам «Союза Возр.»? С одной стороны, как «будто бы да: Кроль рассказывает, например, как раздражало партийных деятелей, типа Климушкина, упоминание о Москве: «Важно... не то, как смотрит Москва, ибо Правительство здесь, а не в Москве» [с. 60]. Но на весы надо положить и другое. Тактика умолчания сделала в конце концов позицию «С. В.» несколько спутанной и неясной не только для рядовой массы, но отчасти даже и в «сознании официальных представителей «Союза». Они

действовали противоречиво, вразброд. Эта тактика мешала развитию «Союза» к тому моменту, когда ему надлежало уже выступить в роли организованной объединенной силы¹. Во всей печати того времени, которую мне удалось просмотреть, я встретил едва ли не единственную заметку в газете «Сибирь» [№ 46], где, «по слухам», излагался план «представителей к.-д. и правых с.-р.», наметивших персональный состав будущей всероссийской власти². Ни опровержений, ни пояснений на эту заметку не последовало. Думаю, что успех агитации лишь колебался тактикой умолчания. Довольно значителен и показателен был, например, тот факт, что члены «С. В.» не вошли в состав Комитета У. С. (как-то: А. А. Аргунов). Печать этого не отмечала. Впоследствии в газетах писалось, что кандидатура Н. Д. Авксентьева в Москве оказалась неприемлемой для «Нац. Ц.» и что Авксентьев будто бы обещал свою кандидатуру снять. Это не опровергалось и не разъяснялось.

* * *

Я заглянул немного вперед при характеристике тех общественных сил, которые оказывали давление на неговорчивых представителей существовавших правительств. Официальная обстановка — обстановка недоверия и выжидания содействовала тому, что Челябинское Совеща-

¹ «С. В.» в Сибири, — утверждает Гинс, — существовал больше на бумаге. Поэтому лидеры его не могли опереться на «Союз» [I, с. 260].

² Сама декларация «С. В.» и «Н. Ц.», ставящая принципиальные вопросы, была напечатана, например, в омской «Заре» [18 сент.] в виде письма московского политического деятеля от 24 июля. Информация «Сибири» давала далеко не точное представление о московских кандидатах. Она называла: Милюкова, Набокова, Авксентьева, Аргунова, Болдырева. О Милюкове при его тогдашней «немецкой» ориентации не могло быть и речи. П. Н. Милюков, возражая в «Посл. Нов.» [№ 2983] на мои указания о больших неточностях, допущенных автором в изложении московского «соглашения», указывает, что первоначально была комбинация: «Милюков — Алексеев». Очевидно, до автора, как и до Сибири, дошли лишь слухи.

ние, назначенное на 1 августа, состоялось только в конце месяца. Отвечая Лебедеву, который убеждал Комуч «с этой дрянью», т. е. с Сибирским правительством, не вести «никаких переговоров» [VIII, с. 129], Вольский писал в известном нам письме из Самары 16 августа: «По вопросу о Совещании я также думаю, что не мешает его отложить, но, видимо, оно все же состоится числа 21-го. Жизнь действительно не ждала. По характеристике Утгофа, в августе было лишь два исхода: «или погибнуть в неравной борьбе двух губерний со всей Советской Россией или, создав Всер. пр., обеспечить себя из ресурсов Сибири и союзников» [с. 15]. И Самара вынуждена была, по словам Буревого¹, принять участие в Уфимском Совещании. Комуч рассчитывал, что к нему будут присоединяться освобождающиеся из-под большевицкой власти области. Это не осуществилось. Даже те области, которые были связаны с Комучем, постепенно эмансипировались от него; например, Оренбургский атаман Дутов, лавировавший на первых порах между Комучем и Сибирью, объявил свою территорию 12 августа «особой областью»:

«Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, — гласила декларация, — согласно постановлению всех казачьих кругов о конституции Государства Российского в виде федеративной республики, полагает своевременным и необходимым объявить территорию войска Оренбургского особой областью Государства Российского и впредь именовать ее “Область войска Оренбургского”» [«Хроника». Прил. 98].

«Предварительное Государственное Совещание» в Челябинске под председательством Н. Д. Авксентьева происходило три дня (23–25 августа). Мы не имеем подробного отчета Совещания; в сущности, это Совещание само по себе мало интересно. Довольно бесплодны были споры о праве тех или иных областных правительств участвовать на Совещании в Уфе (Самара возражала против Урала и отстаивала право национальных правительств; Сибирь держалась противоположной позиции), так как

¹ «Колчаковщина». С. 13.

заранее было решено, что все вопросы будут решаться по соглашению. Но обстановка была напряженная и в этом отношении показательная. Споры о мандатах «иностранческих» правительств, по выражению Майского, приняли «вулканический характер». Против говорили В. Н. Пепеляев и Иванов-Ринов. Здесь Майский фиксирует такую сцену:

«...Уже слышались личные выпады, уже прозвучали крепкие слова. Председатель, желая ввести дебаты в парламентское русло, поднялся со своего места и, обращаясь к особенно волновавшемуся Пепеляеву, примирительно начал:

— Товарищ Пепеляев, ради Бога успокойтесь!

Пепеляев вскочил как ужаленный и во все горло заорал:

— Я вам не товарищ, прошу не забываться!

Выпад Пепеляева подействовал на меня как удар хлыста. Я вскипел и, бросившись к кадетскому представителю, угрожающе закричал:

— Да, вы нам не товарищ! Прочь отсюда!..»

Сцена характерна для тех, кто хотел делать общее политическое дело. Но более существенным все-таки был вопрос о месте Совещания. Комуч намечал Самару. Официальным мотивом выставлялась большая близости Самары к Москве — Совещание, созванное в Самаре, легче будет воспринято страной как всероссийское. «Фактически, — добавляет Майский, — Комитетом руководили несколько иные соображения. Комитет опасался усиления на Совещании правых элементов... В Самаре Совещание было бы в демократическом окружении» [с. 206]. Этот вопрос, как и все остальные, предварительно обсуждался в согласительной комиссии. Она большинством 10 голосов против 9 предложила местом будущего совещания оставить Челябинск. Чрезвычайно интересно, как тогда уже распределились голоса. За Ч е л я б и н с к: представители с.-д. «Единства»; «Союз Возрождения», партия нар. св[ободы]; сибирское войско; Оренбургское войск. прав.; пред. казачьего войска; Сибирское пр.; Уральское войсковое пр.; обл. Пр. Урала.

За С а м а р у: соц.-дем.; Пр. Алаш-Орды, Туркестан; нац. упр. тюрко-татар; Прав. Башкирии; съезд зем. и

гор.; эсеры; Комитет У. С.; нар. социалисты¹ [«Хроника». Прил. 100].

Наметилось два определенных лагеря, которые по трафарету мемуаристов надлежало бы окрестить: лагерем «реакционным» и лагерем «демократическим». Не так это было в действительности...

На другой день делегация Комитета У. С. пошла на компромисс, вместо Самары была выдвинута Уфа. Компромисс этот был как бы «победой» Комуча — ему уступили, показав, что «правый лагерь» действительно хочет соглашения.

2. За кулисами

Так родилось Уфимское Государственное Совещание, которому надлежало создать Всероссийское правительство. Совещание это в основе своей было до некоторой степени ошибкой. Оно рассматривало себя как пуп земли русской, совершенно не считаясь с теми государственными образованиями, которые создались на Юге России. Между тем, конечно, оно должно было стремиться к созданию центрального правительства только для Восточной России, где образовался самодовлеющий антибольшевицкий фронт, не претендуя на объявление себя с самого начала, без соглашения с Югом, властью всероссийской. Авторитет власти заставил бы слиться с нею другие государственные образования. Естественно, на это толкнули бы или дела новой власти, или имена правителей; на последнее и рассчитывали в Москве. Для того чтобы эта власть была признана, надлежало ее создать так, чтобы она была приемлемой для самых разнообразных кругов. К сожалению, эти условия не были соблюдены в Уфе, и поэтому новая власть с самого начала имела претенциозный характер. Претенциозность всегда действует раздражающим образом. Фактически власть эта

¹ Представителем нар. соц. был Ф. З. Чембулов. Он разошелся с представителем «С. Воз.». Его позиция вообще не очень понятна и нарушала директивы Центр. Ком. партии, который он представлял в Совещании. Многие в его действиях объясняются, очевидно, той неосведомленностью, о которой мы говорили.

создавалась только для Востока, для объединения деятельности многочисленных областных правительств, и прежде всего Самарского и Омского.

* * *

До последнего времени наиболее полно и с политической и с бытовой стороны знаем мы о том, что происходило в Уфе 20—23 сентября (нов. ст.), из воспоминаний Л. А. Кроля¹. В настоящее время в издании Русского Ист. Архива в Праге появился отчет (по копиям) общих собраний Совещания и согласительной «комиссии по организации власти». На основании опубликованного материала легче представить себе политический облик Совещания. Документ этот производит тяжелое впечатление.

Мы познакомимся с тем, что происходило на официальных собраниях. Но, быть может, не менее показательна закулисная сторона Совещания, все еще недостаточно выясненная и мало отвечающая той внешней помпе и тем декларативным заявлениям, на которые не скупилась некоторые из участников Совещания. Ораторские фиоритуры не передают, конечно, драматичности условий, в которых протекало ответственное Государственное Совещание. Эту закулисную сторону — атмосферу сплетен, интриг, а порой недвусмысленных угроз — участник Совещания ген. Болдырев рисует в очень непривлекательных красках [с. 44—45]. Его характеристика местами тенденциозна — там, где она писана в добровольном уже «изгнании».

Дело вовсе, конечно, не в «интригах», а в разном понимании сущности дела и в обостренных на этой почве отношениях: недаром, как говорят, у Дутова «разболелась голова» от красной гвоздики при открытии Собрания. Кому ж хотелось видеть Совещание в Самаре не только в целях воздействия на общественное мнение. Его лидеры избегали Челябинска не только из-за опасения какого-либо неправомерного действия со стороны более мощного Сибирско-

¹ Касаются более или менее подробно Уфимского Совещания и Болдырев и Майский. См. тоже упомянутую статью Утгофа в «Былом».

го правительства, — они не доверяли собственным военным силам. Эсеры боялись заговора по инициативе своего военного министра Галкина¹. Мы знаем, что энергичный Лебедев посылается в Уфу с «диктаторскими» полномочиями для охраны Совещания на случай заговора. Трудно пока выяснить, какую роль во всех этих предположениях играло самовнушение и болезненная подозрительность, заставлявшая верить всем фантастическим слухам и сплетням. Настроения войсковых частей в Уфе действительно были агрессивны по отношению к Самарскому правительству. Но ведь это далеко еще от «заговора». Утгоф увидел «заговор» в собрании офицеров, по инициативе подп. Солодовникова (нач. контрразведки уфимского штаба Нар. армии), заявивших, что они будут подчиняться штабу Сибирской армии, и надевших вместо георгиевской кокарды Комуча бело-зеленую сибирскую. Эсеровские политики, по-видимому, серьезно реагировали на «заговор», — по крайней мере, Утгоф полагал, что можно было бы арестовать и расстрелять (!) Галкина, опираясь на инструкторские роты и на чехов, будто бы готовых оказать помощь, но только на это не шел Вольский [с. 34–35]. Если таковы были настроения Комуча, то его политические противники аналогичных выступлений ждали от Самары. «В дни напряженной борьбы, — рассказывает сибирский делегат Серебrenников, — мои сотрудники иногда начинали пугаться создавшейся обстановки. Я помню, как ген. Бобрик однажды сказал мне: “Знаете, я боюсь, как бы эсеры не вздумали задержать нас здесь. Не затребовать ли нам из Челябинска свои паровозы на всякий случай”» [«Сиб. Арх.». I, с. 9].

Вся эта атмосфера, по мнению Болдырева, не оставалась без влияния на ход работ согласительной комиссии: «она нервничала и путалась в противоречиях». Я не знаю, что именно конкретно имел в виду Болдырев, говоря о «противоречиях». Несомненно, атмосфера враждебности мешала открыто идти на необходимые уступки. Два лагеря образовались и здесь: Комуч, позицию которого поддер-

¹ Секретарь Комитета членов У. С. Николаев уверяет, что в августе полк. Каппель будто бы вызывался в Челябинск на особое военное совещание по свержению Комуча. Но Каппель был лоялен [«Воля России». X, с. 126].

живали мусульманские правительства, и... все остальные. Среди этих остальных наблюдались разные оттенки, но все они так или иначе находили общую линию, коренным образом расходящуюся с линией, которую пытались на Совещании вначале вести довольно изолированно малоуступчивые представители Комуча.

* * *

Далеко не однородна была в то время позиция количественно главенствовавшей на Совещании партии соци.-революционеров. Совершенно правильно отмечает Болдырев: «У них (т. е. у Комуча) были весьма сложные внутренние расхождения... Левое крыло Комуча считало всякие уступки гибельными, указывало на реакционность кадет и правых группировок Совещания, но в конце концов в силу партийной дисциплины и левое крыло, за исключением непримиримых Коган-Бернштейна и Чайкина, пошло за умеренным большинством, руководимым Авксентьевым, Зензиновым, Роговским и Гендельманом» [с. 45]. «Непримиримые» не исчислялись двумя указанными лицами — мы с ними встретимся позже. Их не так мало, но они не оставили открытого следа в деятельности Совещания, относясь к нему, по существу, отрицательно¹.

¹ Чернова, приехавшего 19 сентября в Самару, на всякий случай держали «под спудом», «не допуская его в Уфу» — из письма Авксентьева партийным единомышленникам [«Пр. Рев.». Кн. 1].

«Непоявление лидера п. эсеров на территории Комитета, — поясняет Майский, — объяснялось специфическими причинами. Руководители Комитета считали Чернова слишком «левым» и чересчур «одиозным» для буржуазно-офицерских элементов Поволжья и потому под разными предлогами задерживали его прибытие в Самару. Действительно, Чернов попал на Волгу уже к шапочному разбору. Но зато на недостаток внешних знаков почета ему жаловаться не приходилось: «председателя Учредительного Собрания» поселили в лучшем номере гостиницы «Националь», перед дверью поставили вооруженный караул, устроили торжественный банкет с речами и иностранцами в ознаменование его прибытия и, наконец, заставили всех управляющих ведомствами явиться к нему для «всепопданнейшего доклада» каждому по работам своего министерства» [с. 66]. Ср. у *Аргунова*.

Как-то незаметной оказалась и роль «правых» в эсеровской группе — действующим лицом является среди них один только Авксентьев, и то больше в роли председателя Совещания. Ему более чем кому-либо принадлежит честь того, что Уф. Совещание пришло к определенным результатам. На пользу ли общего дела? Это вопрос уже другой. Но не авксентьевская точка зрения победила на Совещании; не за ним «в силу партийной дисциплины» пошла главная масса эсеровского центра. Выразителем мнения большинства явился Гендельман. Он олицетворяет собою как бы центр, у которого был свой правый уклон (Архангельский) и левый (Минор). Этот центр занимал колеблющуюся позицию. Ее Утгоф определяет так: «Нельзя не признать, но нельзя и не сознаться». Правая группа с.-р. (Розенблюм, Павлов, Аргунов, Лазарев, Подвицкий, Лотошников, Кутузов, Брешко-Брешковская) безоговорочно шла на соглашение с «буржуазией» и учитывала одиозность, которая была разлита вокруг в отношении партии. Правым, по характеристике Утгофа, казалось, что «вся беда в том, что эсеры не способны на государственный разумный компромисс» (Лазарев предостерегал даже от выдвижения партийных кандидатур) [с. 35].

Сделанные пояснения и оговорки необходимы, ибо формально Комитет членов У. С. на Совещании выступал однородно, до крайности авторитарно, что раздражающим образом действовало на других участников Совещания. В заявлениях Гендельмана от имени партии слишком часто звучали слова: «Наша воля такова» — слова, которые мало соответствовали реальному соотношению сил и фактической обстановке того времени. Ни у Комуча, ни у партии с.-р. как таковой своих сил не было.

* * *

Уфимское Совещание по своему составу было достаточно демократично — на самом «правом фланге», по мнению Майского, стояла партия народной свободы [с. 227]. Отсутствующие группы подлинно реставрационного характера влияли на Совещание якобы через казаков. «Ка-

заки во главе с Березовским¹ были ударной группой правого крыла», — говорит Болдырев [с. 45]. Подобное обобщение грешит против действительности. В казачестве вообще несколько причудливо соединялись разнородные политические элементы и политический консерватизм уживался с ярким бытовым демократизмом. Среди казаков на Совещании были подлинно демократически настроенные группы, например уральское казачество, одним из видных делегатов которого был нар. соц. Михеев. Это уже определяло политическую физиономию делегации.

До Уфимского Совещания неоспоримо многие склонялись к признанию необходимости диктатуры. Не так уж далек был от истины Белоруссов, утверждавший в более позднем своем докладе в Екатеринбурге «Идея диктатуры», что «мысль всей националистической части русской общности склонилась в 1918 году к диктатуре»². Но перед Уфимским Совещанием во имя соглашения этот вопрос был снят с очереди, и никто, в сущности, идеи диктатуры на Совещании не отстаивал. Призыв к диктатуре раздался за стенами Совещания в среде промышленников, не допущенных на него³ и собравшихся в это время на съезд. Застрельщиком у промышленников выступил получивший столь печальную известность в августовские корниловские дни Львов, пытавшийся еще в Самаре доказывать Болдыреву «гибельность всякой коалиции». «Государственная мудрость» — в данном случае торгово-промышленников — должна сказать социалистам, ищущим коалиции: «Освободите ваши места, мы справимся и без вас». Такова была речь б. министра исповеданий, сделавшегося при Колчаке оппозиционером и облекшегося в «демократическую тогу»⁴. «Необходима твердая единая власть. Такой властью может быть только

¹ По-видимому, в то время официальный кадет.

² О позиции партии к.-д. в разные моменты см. мою брошюру «П. Н. Милюков как историк гражданской войны».

³ Представительство торгово-промышленников было отвергнуто в мандатной комиссии 9 голосами против 8 при одном воздержавшемся. Мотив — недопущение классового принципа в представительстве съезда.

⁴ Всем известно, что позже, в эмиграции, он эту тогу променял на советскую.

военная диктатура»... и съезд вынес резолюцию: «Во имя спасения России, восстановления ее чести, единства и возрождения ее экономического благополучия все военное и гражданское управление должно быть объединено в лице Верховного главнокомандующего, обладающего полнотой власти и ответственного только перед будущим У. С. нового созыва, которое должно быть созвано не позднее одного года со дня заключения всеобщего мира».

«Диктатура» была упомянута на Совещании только в речи левого к.-д. Кроля — и то как принцип, не применимый в данной действительности. Могут сказать, что сторонники диктатуры до времени скрывали свои *désiderata*. Но ведь в этом и сущность всякого политического компромисса. Дело в том, насколько искренно идет та или иная группа на соглашение, идет добровольно или вынужденно, держа камень за пазухой. Официальный отчет об Уфимском Совещании свидетельствует о стремлении всех групп (о специфичности положения Сибирского правительства скажем особо) найти необходимый компромисс. С наименьшей охотой шла на него партия с.-р., поскольку на Совещании выражались ее официальные мнения.

3. Коалиционный сговор

На Уфимском Совещании почти не спорили о формах власти. Весь словесный бой сосредоточился на вопросе: перед кем должна быть ответственна будущая все-российская власть?

Вслушаемся в те официальные декларации, которые были оглашены на Совещании. Их было целых 23! С этих деклараций началась согласительная работа общих собраний, перенесенная потом в комиссию, где надлежало достигнуть единогласного решения.

Если в первой речи Вольского лишь в общих чертах говорилось о народовластии и об Учредительном Собрании [с. 17], то скрытый смысл ее был расшифрован в декларации Сибоблдумы. Вольский, встреченный «бурными и продолжительными аплодисментами» (все встают, очевидно, этот знак внимания относился к главе антибольшевицкого Самарского правительства, а не к Ко-

мучу как к таковому), начал свою речь словами: «Граждане, ваше приветствие — это приветствие тому У. С., которое будет созвано усилиями Комитета членов У. С.». Затем кафедру занимает представитель Сибоблдумы Карпов, который выражает уверенность, что члены Собрания сумеют, отбросив все разделяющее их индивидуальное, местное, достигнуть соглашения «на основе сохранения завоеваний февральской революции и ответственности, создавшейся временной российской власти перед Учредительным Собранием настоящего созыва»...

В приветствии от имени Сибири была начертана целая политическая платформа¹, — именно этого и хотело избежать Сибирское правительство, возражая против посылки делегации от Сибоблдумы². Сразу появилась трещина. Сиб. Облдума говорила одно, а Омское правительство, представители которого еще не появились на Совещании, стояло совсем на иной позиции. Сибоблдума присоединялась к позиции Комуча; Омское правительство фактически отстаивало позицию московского соглашения, может быть и не зная в точности об этом соглашении. Инструкция, данная Правительством делегации, между прочим, гласила: (п. 5) «верховная власть создается по типу Директории как верховной власти»; (п. 7) «до открытия вс. У. С., вновь избранного, никаких общероссийских представительных учреждений не должно быть, а У. С. 1917 г. немедленно распускается» [«Хроника». Прил. 103]. В духе инструкции и была оглашена проф. Сапожниковым на третьем заседании Совещания 12 сентября соответствующая декларация³.

¹ Декларация, между прочим, отмечала, что в основу деятельности будущего правительства должны лечь постановления У. С., о передаче земли народу» [с. 68–70].

² Делегация фактически нарушила соглашение, по которому она должна была ограничиться строго приветствием Совещанию; против посылки делегации возражало не только Правительство, но и фракция областников в самой Думе (см. позднейшую «объяснительную записку» областников [«Сиб. Вест.», № 13].

³ В согласительную комиссию делегация Сибоблдумы не была допущена в силу категорического заявления председателя правительственной делегации, что в таком случае представители

По порядку произнесения, из наиболее важных выступлений, следовала речь представителя чехов д-ра Павлу.

«Мы, чехословаки, от души желаем Вам успеха в предстоящей ответственной задаче и верим, и надеемся, что вам удастся создать на этом Государственном Совещании всероссийскую власть, опирающуюся действительно на все слои русского народа. Мы верим и надеемся, что вы все, здесь присутствующие представители России, найдете тот общий язык, который объединит всех в общем стремлении послужить родине. Мы верим и надеемся, что русский народ, который 300 лет тому назад в Нижнем сумел встать на защиту своей свободы и единства, найдет и в настоящее смутное время и на Уфимском Государственном Совещании своих Мининых и Пожарских, которые крепкою рукою поведут Россию на путь славы и мира. Мы верим в это тем более, что все мы, как и Вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем были даны два предостережения. Первое — прорывом севернее Уфы, в действительности не ликвидированным, и второе — падением Казани. Господа, мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения» [с. 84].

Затем шла речь члена «Единства» Фомина. Нельзя не отметить, что наиболее твердую и последовательную позицию в течение всех перипетий Совещания занимало именно «Единство»:

«Мы находим, что верховная власть должна руководствоваться следующими полномочиями: первое — вести войну совместно с союзниками против Германии и стран, ее поддерживающих, до победы над поработителем народов — германским империализмом, второе — вести войну за самостоятельность и независимость единой, нераздельной России, третье — содействовать развитию материальных производительных сил страны и четвертое — укреплять завоевания февральской революции.

Как только общественная жизнь даст возможность населению проявить нормально политическую избирательную

Правительства немедленно покинут совещание [«Сиб. Арх.». С. 12]. Между прочим, редактор текста в «Архиве» А. Ф. Изюмов ошибочно отождествляет ген. Катанаева, члена сибирской делегации, с будущим участником омского переворота 18 ноября.

деятельность, власть безотлагательно должна приступить к организации выборов в будущее Учредительное Собрание...

Считаясь с наличными соотношениями взглядов, представленных на Совещании, мы допускаем возможность образования параллельно с будущей коллективной властью политического правительственного органа, который в случаях, если бы власть, видимо, уклонилась от пути, намеченного ей Государственным Совещанием, имел бы право интерpellации. Такой лишь в случаях надобности, по требованию большинства своего, собирающийся орган, ни в чем не тормозя деятельности Правительства, никак не стесняя его и не мешая ему и ничего ему не навязывая, мог бы служить связующим звеном между Правительством и населением, сближая между собою их и укрепляя у последнего доверие к первому»...

Народный социалист Чембулов, отмечая заслуги Комитета У. С., взявшего на себя «почин» (?) — воссоздание нашей рассыпанной государственности, и невозможность иметь полноправное Учр. Собр., признавал, что только настоящее Государственное Совещание «при обстоятельствах переживаемого времени» должно быть признано единственным органом государственного властвования...

«Трудовая народная социалистическая партия не мыслит себе подвижного немногочисленного по составу правительственного органа, не ответственного ни перед кем или теоретически ответственного перед мыслимым будущим органом. Ибо при таком положении первоисточником государственного властвования делается коллегия лиц, которая легко может подпасть под влияние групп и классов и, кроме того, не всегда сможет воплотить и отразить всю многогранность и многообразия нашей огромной отчизны...

Конструкция Государственного Совещания, созываемого периодически для непродолжительных сессий, должна быть теперь создана настоящим составом Совещания, дабы при расширении территории, освобождаемой от большевиков, при следующей сессии пополненное Государственное Совещание явилось бы выразителем воли всей свободной России.

Когда условия государственной жизни допустят произвести выборы в новое Учредительное Собрание, оно одно явится

верховным властителем, истинным выразителем воли народной и создаст основные законы Государства Российского»¹ [с. 91–94].

Представитель Уральского правит. Кощеев, подчеркивая важность коалиционной власти, признавал также необходимость контрольного органа из представителей всех направлений и групп, участвовавших в Совещании, «в целях создания гарантий, что центральная власть не отклонится от намеченной Государственным Совещанием программы».

«Созданное таким образом Центральное Всероссийское правительство имеет временный характер, будучи обязано при наступлении соответствующих условий, гарантирующих возможность производства правильных выборов, созвать в срок, определяемый по соглашению с контрольным органом, Учредительное Собрание нового состава и сложить свои полномочия» [с. 97].

Уже резким диссонансом с предшествующими декларациями звучит речь Букейханова от Прав. автон. областей Туркестана: «Мы считаем, что верховная власть в России должна принадлежать У. С. этого созыва. Пока У. С. это не создано, верховная власть, по нашему мнению, должна принадлежать наличному составу Съезда членов У. С. вместе с коллегией, которая создается в этом нашем Совещании...» Намечая Правительство из 7 лиц автономные области Туркестана делали его «ответственным» перед Съездом У. С.² [с. 99].

Несколько двойственной оказалась позиция партии нар. свободы, высказанная Л. А. Кролем, членом «Союза Возрождения», хорошо осведомленным о московском договоре. В своих воспоминаниях он объясняет эту двойственность так:

¹ Чембулов вместе с тем говорил о признании принятых старым Учр. Собр. законов. Нар. соц. мудро указывали на необходимость членам Вр. пр «на время своей службы в оном» выйти из состава своих партий.

² Представители Башкирии в противоположность этому заявляли о безответственности Правительства перед старым Учр. С.

«Я был в Уфе единственным человеком, который мог взять на себя представительство нашего ЦК. Ходатайства областных комитетов разных партий о допущении их делегатов на Государ. Совец. были отклонены: допускались исключительно представители Центральных Комитетов. Отказ мой от представительства ЦК означал бы уклонение партии народной своб. от участия в создании всероссийской власти. С другой стороны, директивы ЦК, привезенные Пепеляевым из Москвы, были для меня неприемлемы. Недаром я участвовал только в «Союзе Возрождения». В спасительность диктатуры я не только не верил, но и считал ее гибельной для дела. Между тем директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура! К тому, что я не верил в целесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановке, предлагать Государственному Совецанию диктатуру как форму правления было безнадежно. Выступать с такой формулой — значило бесцельно повредить своей политической репутации и уменьшить возможное свое влияние налево.

Как быть? Отказаться от участия партии в создании власти во имя спасения своего реноме я не считал допустимым. Я решил поэтому принять такую позицию: вот какова принципиальная точка зрения ЦК на необходимую форму власти, а вот что приходится делать сейчас, принимая во внимание конкретную обстановку»¹ [с. 97].

Надо сказать, однако, что в своей речи Кроль довольно образно изобразил значение и преимущества диктатуры, почему Болдырев записал в дневник, что «наиболее откровенно за диктатуру высказался Кроль».

«... К несчастью, — говорил Кроль, — у нас еще народ не свыкся со свободой, к несчастью, свободу у нас еще смешивают с разнузданностью, и настоящая власть должна поставить настоящее дело так, чтобы свобода не мешала порядку, и я не сомневаюсь в том, что все это будет требовать очень сильной власти... Комитет партии н. с. считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной единоличной верховной власти. К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула ти-

¹ Пепеляев в Уфу не поехал. Очевидно, он получил оскоми-ну еще от Челябинска. Кроль видит в этом «дипломатическую болезнь».

танов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания, поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде директории. Но эту Директорию мы мыслим как верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой верх. властью, причем эта Директория — эта верх. власть ни перед кем не отвечает, объем ее прав — вся полнота власти. Она ограничивается только в том, что перед Директорией ставится задача довести страну до Учредит. Собрания и уже сама Директория должна понимать, что подлежит решению Учредительн. Собрания» [с. 100—101].

Противоположную Кролю точку зрения развивает Вольский. Чрезвычайно характерен для соц.-рев. тот исторический экскурс, который он делает для формального оправдания своей позиции. Он, подобно «буржуазным» государствоведам, ищет прежде всего юридической преемственности власти, которую видит в формальном акте отречения от престола в. кн. Михаила Александровича, предшествующем акту о созыве всерос. Учред. Собр.

«Ясно, что и той власти, которая должна создаваться теперь, должна предшествовать государственная преемственность... Поэтому для нас является первым основным, совершенно непреложным положение, что верховная власть в России для устройства государства в тех условиях, в каких Россия теперь находится, может принадлежать только тому Учред. Собранию, которое существует... Мы считаем, что съезд членов Учр. Соб. должен быть тем органом, который даст санкцию той государственной власти, которая будет здесь образована» [с. 107—108].

В сущности, казаки первые осуществили в Советании принцип делового объединения. Их декларация была оглашена ген. Хорошхиным от имени всех уже казачьих войск. Принципиальная позиция их определялась двумя положениями:

(4) «Всерос. верховная власть действует в обстановке полной деловой самостоятельности и независимости и ответственности перед всерос. Учред. Соб. нового созыва.

(5) При решении вопросов общегосударственного значения, связанных с существованием и самостоятельностью Государства Российского, каковыми являются вопросы войны и мира, всерос. верховная власть должна созывать Государственное Собрание, решения которого для нее обязательны» [с. 171–180].

Наибольшее значение должна была иметь следовавшая затем речь ген. Болдырева, выступившего от имени «Союза Возр.». В сущности, Б. говорил не только от «Союза» — в Москве соглашение было достигнуто более широкое. Приходится сказать, что речь Болдырева сильно разочаровывает. Он давал реальный повод впоследствии Гинсу говорить о недостаточно ясной позиции «Союз Возр.» [I, с. 209]. Несколько неожиданно Болдырев заявил:

«Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть стеснена в своих действиях каким-либо параллельно с ней существующим контрольным аппаратом и как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственная перед всероссийским Учредит. Собранием в его законном составе, собравшемся к определенному сроку» [с. 20].

Болдырев склонился на сторону поддержавших У. С. 1917 г. или, вернее, наметил тот компромисс, который в конце концов и принят был Собранием. Такая позиция нарушала принцип московского соглашения, которое Б. обязан был проводить от имени «Союз. Возр.» на Собрании. По этому поводу в согласительной комиссии Болдырев пояснил: «“Союз Возр.” до освобождения Поволжья от власти большевиков стоял на точке зрения непризнания У. С. настоящего созыва. Но группе членов У. С. удалось возглавить особое движение, изыскивающее способы возрождения России»... Но как связать наличный состав членов У. С. с новой властью? «Выход один, — по мнению Б., — нужно добиться кворума У. С. и признать ответственность перед ним» [с. 130]. Кто, в сущности, уполномочил Болдырева идти на такой компромисс от имени коалиционной группировки? Болдырев, в воспоминаниях выставляющий себя (не совсем основатель-

но) «до известной степени» инициатором «Союз. Возр.», по-видимому, такую самостоятельную позицию мог занять только потому, что между членами «С. В.» не было достаточной связи. Выдвинутый компромисс наметился уже, очевидно, в дни Уфимского Совещания. По крайней мере, в интервью, напечатанном в «Сиб. Вест.» [№ 2], Н. Д. Авксентьев так определенно говорил: «Если действительно члены самарского Комитета полагают, что собрание 30 или даже 150 членов, почти исключительно принадлежащих к эсерам, может и должно явиться законодательным органом, который построит коалиционную власть, то это политически явно несостоятельно». Авксентьев указывал, что никто не пойдет на такую коалиционную власть и что население такое собрание не будет считать авторитетным.

Подобная точка зрения не являлась каким-то исключением в среде демократии. Нечто аналогичное развивал в челябинской газете «Власть Народа» столь трагично потом погибший в Омске с.-д. Маевский — он ожидал многих бед, если будет принята ответственность власти перед старым У. С. [цитирую по «Сиб. Вест.», № 29].

Но официальная точка зрения местного с.-д. комитета была иная. Она была развита на Совещании в декларации Майского в свою очередь, в то время резко расходившегося со своим ЦК:

... «Мы полагаем, что, в интересах укрепления внутреннего единства страны, в интересах введения до крайности обостренного классового озлобления в рамки нормальной классовой борьбы, желательна образование всерос. власти на началах коалиции демократических и цензовых элементов, объединенных на определенной политической программе. Однако не менее решительно, чем военную диктатуру, мы отвергаем и сосредоточение всей верховной власти в руках одного бесконтрольного органа — будь то Директория из нескольких лиц или власть полномочного премьера, формирующего правительство по своему усмотрению...

Нет, только та власть окажется в силах справиться со стоящими перед ней исполинскими задачами, которая будет опираться в своей работе на постоянно действующий представительный орган, выражающий волю, желания и стремления всего населения страны.

Таким органом может быть только тот орган, вокруг которого в настоящее время концентрируются силы демократии, во имя которого велась борьба с большевицкой диктатурой за народовластие.

Это Учред. Собр. первого созыва и действующий от его имени наличный состав членов Учред. Собр.

Мы не закрываем глаза на то, что со времени выборов в Учред. Собрание произошел значительный сдвиг в общественных настроениях, поэтому мы считаем крайне необходимым назначение в кратчайший срок перевыборов в Учред. Собрание, однако мы признаем, что впредь до созыва нового Учред. Собр. нынешнее Учред. Собр. является наиболее полным и законным представителем всей страны. Одно лишь ограничение представляется нам желательным: памятуя о переменах, происшедших в настроении избирателей с ноября 1917 года, Учред. Собр. настоящего состава должно изъять из сферы своей компетенции издание основных законов Государства Российского» [с. 124—125].

* * *

Что общего имели между собой оглашенные декларации и чем они разнились? Никто не выдвигал на Соевещании идеи диктатуры; никто не отрицал созыва У. С., которое должно быть подлинным «хозяином земли русской». Большинство стремилось к твердой, независимой от партийных решений власти. Уже в силу этого отвергалось возобновление старого У. С. «Сибиряки, — резюмирует Серебренников позицию своей делегации, — хотят ответственности перед новым У. С., а не перед социалистами-революционерами». Невозможность такой ответственности вначале признавал и сам Авксентьев. Подводя итоги прений в согласительной комиссии, он говорил: «Настоящее Учред. Собр. и Съезд членов Учред. Собр. являются, по существу, представителями партии социалистов-революционеров. Они все проникнуты идеей общенационального блага. Данное Учред. Собр. вошло клином. Состав его чисто партийный — там одни с.-р., и представить себе ответственность власти перед ним невозможно. Если бы был другой орган, составленный более пропорционально, был ли бы предмет спора? Конечно, нет. Если бы такой орган был, то от ответственности перед этим органом мы бы не отказались» [с. 131].

«Учредительное Собрание этого созыва готово идти на самоограничение», — утверждал в согласительной комиссии с.-р. Кругляков [с. 132]. Однако, как видно из заявления Зензинова в той же комиссии от имени Комитета У. С., ЦК партии с.-р., ЦК партии с.-д. и 4 представителей мусульманских правительств, «самоограничение» было весьма относительно: «Эти группы считают незыблемым признание прав У. С. данного созыва. Власть должна сложить полномочия перед У. С., созданным в срок, установленный наличным составом членов У. С., участвующих в Гос. Сов.» [с. 133].

Эсеры выступали уже объединенно. Противоположную точку зрения от другого объединения в комиссии развил проф. Сапожников:

«В объединенном фракционном заседании представители партии нар. своб., «Союза Возрождения России», Сибирского правит., казачьих войск и организации «Единство» пришли к следующему: власть должна быть ответственной. Органом, избирающим власть, является не учред. Собр., а настоящее Государственное Совещание. Следовательно, и ответственность должна быть перед Госуд. Совещанием. Это Госуд. Совещание может быть пополнено членами Учред. Собрания настоящего созыва, причем Директория действует в течение 6 месяцев безответственно, потом отчитывается перед Гос. Совещанием» [с. 133].

Одна нар.-соц. фракция неожиданно оказалась ни в том, ни в другом лагере. Это так не соответствовало определенной позиции партии! Однако устами И. Е. Маркова, видного самарского общественного деятеля, позже расстрелянного большевиками, нар. социалисты поддержали фактически позицию второго объединения:

«Указав, что искалеченное Учред. Собр. хотят оживить, оратор говорил: “Мы не протестуем против оживления Учред. Собрания, но не нужно мешать работе Правительства. Разговоры носят академический характер, но мы верим в государственный разум Совещания и уверены, что будет сказано: работать Правительству с Учред. Собранием нельзя. Повторять опыты с Учред. Собранием — значит унижать идею Учред. Собрания”» [с. 176].

Совещание, или, точнее, его «согласительная» комиссия, блуждало среди трех сосен — примирить непримиримое нельзя было. И тщетны были призывы И. Е. Маркова к «разуму», попытка его убедить эсеров отказаться от контроля власти [с. 128]. Характерны были аргументы, которые иногда в ответ выдвигали эсеровские лидеры. Напр., Гендельман прибег к такому демагогическому софизму: соц.-рев. не будут принимать участия в организации власти, которая может посягнуть на У. С.; «мы (т. е. Совещание) установили, что никакие большевицкие законодательные акты не имеют последствий. Я желаю слышать подтверждение, что все большевицкие декреты и посягательства на У. С. тоже не имеют никаких последствий. Хотя на У. С. насильственно посягнули большевики, но оно не умерло» [с. 160].

На этот софизм прекрасно ответил член «Единства» Фомин:

«Я, как соц.-демократ, разумеется, не меньше других ценю идею Учред. Собр. И когда созовется настоящее Учред. Собр., которое явится выразителем воли всего русского народа, то перед ним, конечно, будущее правительство должно сложить свои полномочия, это ясно. Учред. Собр. есть хозяин земли русской, и ему все будет подчинено... Но не о таком Учред. Собрании идет здесь речь у граждан Гендельмана, Зензинова и их единомышленников из объединенной соц.-демократической партии... речь идет не об Учред. Собр., а о квази-Учред. Собрания, о пародии на Учред. Собр. Это факт, и этот факт я констатирую. Представители партии соц.-рев. все боятся, как бы здесь не умалили значение Учред. Собр. Они сами, как видите, умаляют его значение, заменяя Учред. Собр. группой членов его» [с. 160–161].

Зензинов безнадежно пытается доказать, что и «юридически» У. С. «продолжает существовать», ибо члены У. С. «своих полномочий не сложили» [с. 163]. Противники старого У. С. в ответ на указания, что бесконтрольная власть легко превратится в диктатуру, при которой России грозят ужасы, вплоть до вмешательства иностранцев во внутренние дела, решительно отметили недопустимые приемы «запугивания» и предлагали (Фомин) вообще устранить неуместные эпитеты «правых» и «ле-

вых», которыми злоупотребляли считавшие себя представителями организованной революционной демократии [с. 136].

Волынка тянулась бы бесконечно при некотором внешнем оптимизме председателя, говорившего: «отчаиваться не надо» и надо «представить себе картину расхождений и соглашений» [с. 146]... «Правая», объединенная группа Сопещения в целях достижения соглашения пошла на новые уступки и присоединилась к тому компромиссу, который выдвигала болдыревская декларация. От ее имени 18 сентября Кроль сделал заявление о необходимости «искать общего согласия и отбросить теорию»... Эта группа соглашалась на созыв старого У. С. при кворуме в 250 человек и при сроке его созыва 1 февраля, дабы на первых порах не мешать работе власти. Представители Сибирского правительства, входившие в это объединение, но связанные определенной инструкцией, сочли, однако, необходимым запросить свой центр.

Выжидательная позиция Сибирского правительства много раз впоследствии вызвала нарекания в неискренности. Неоспоримо, у Сибирского прав. были колебания. Вопрос всероссийской власти разрабатывался в такой ненормальной обстановке, что у Вологодского могла явиться мысль поставить согласие Сибирского правительства в зависимость от переговоров его на Д. Востоке. Если бы союзники признали Сибирское правительство, вероятно, и позиция последнего на Сопещании сделалась бы иной. Все это только предположения. Объяснять подобную психологию, если она была только честолюбием и какой-то присущей Сиб. правительству правизной, едва ли возможно. Надо, очевидно, признать, что сибирская власть при некоторых условиях могла бы для России сделать значительно больше, нежели всероссийская власть, рожденная в атмосфере недоверия и вражды. Можно было ожидать, что новая всероссийская власть получит партийный налет с неприятным привеском в виде мертворожденного У. С. Члены сибирской делегации тогда уже знали, что Авксентьев и его политические единомышленники довольно отрицательно относились к сохранению сибирского правительственного аппарата, на чем настаивали в частных

беседах Серебренников и Старынкевич¹. Приходилось настораживаться. Но у нас нет никаких данных, подтверждающих слова Аргунова, что будто бы «за подписью то Михайлова, то Вологодского, то от них обоих в Уфу на имя сибирской делегации летели телеграммы, в которых рекомендовалось делегатам держать твердо «правую» позицию и не идти на уступки ввиду того, что Сибирское правительство накануне признания его союзниками; в одной из последних телеграмм... рекомендовалось прямо идти даже «на разрыв» с Уф. Сов. и указывалось при этом, что это необходимо сделать ввиду того, что левое крыло (т. е. эсеры) Уф. Сов. ослаблено взятием большевиками Казани, Симбирска и угрожающим положением Самары» [с. 31]. Серебренников не отрицает в своих воспоминаниях того факта, что он сносился с Омском по прямому проводу в течение всего хода работ Совещания:

«От Вологодского я однажды получил неопределенные указания на то, что делегации не следует особенно торопиться с организацией власти, и, кажется, один раз от И. А. Михайлова мне последовало предложение прекратить переговоры в Уфе². Но все это были только советы, это не были строгие директивы, коим я должен был бы немедленно и безусловно подчиниться. Этих директив никто и не мог мне давать, ибо в Омске не было к тому времени соответствующего компетентного органа власти.

Я и вся моя делегация были предоставлены самим себе и должны были руководиться собственным разумением и опытом» [«Сиб. Арх.». 11].

В Совещании делегация неизбежно шла дальше, чем теоретически предполагало это Правительство в Омске. Оно, вероятно, не раз испытывало то чувство, которое от имени сибирских казаков передавал Березовский:

«Чтобы прийти на помощь нашим братьям оренбургскому и уральскому казачеству, я решил быть вместе с ними и пошел

¹ См.: *Кроль*. С. 124.

² Телеграмма И. Михайлова 12 сентября гласила: «Административный Совет вчера заседании постановил никаких уступок Совещания Уфе, даже условия разрыва» [«Хр.». Прил. 107].

на уступки. Я не остановился даже перед расхождением во взглядах с Сибирским правительством, которое осталось на своих позициях, а я в своих уступках пошел дальше:

«Делаю так единственно из искреннего желания достигнуть соглашения, чтобы скорее создать необходимую в настоящих условиях единую центральную власть» [с. 178].

Сибиряки присоединились в конце концов к линии, намечившейся у большинства. Мне кажется, она может быть ясно передана заявлением Войтова от Правительства Урала:

«Областное Правительство Урала, хотя и считает занятую здесь по отношению к Учред. Собранию настоящего созыва позицию неприемлемой, но, принимая во внимание настроение большинства членов Совещания и ради спасения России, заявляет, что оно будет признавать ту власть, которая будет образована здесь, на Госуд. Совещании, и будет ей подчиняться» [с. 192].

Уступчивость Сибирского правительства в значительной степени объясняется омскими событиями 21 сентября. «Это подрывало моральный авторитет Сиб. прав. и колебало устойчивость позиций его представителей на Уф. Гос. Совещании», — говорит Серебренников [с. 14]¹. Вместе с тем внешние события давили и на представителей Комуча: решающее влияние на уступки, по словам Бурегого, имело падение Симбирска и Казани [Распад. С. 27]². Вынужденные идти на уступки³, официальные

¹ Аргунов же в этом совпадении видит «новые махинации» Сиб. правительства.

² «Все ждут результатов работ Гос. Сов., — говорил 18 сентября Фомин. — Из Самары бегут, кажется, не столько потому, что близки большевики, сколько вследствие паники, порожденной тем, что власть не может создаться, что стране грозит хаос» [с. 216].

³ Милюков говорит о давлении, оказанном чехами: «Спор был прерван чехословацким Советом, который вынес постановление, что «настоящее политическое положение власти требует немедленного создания центр. Всерос. пр.» [I, с. 17]. Автор первой истории гражданской войны фактически редко ссылается

ораторы Комуча и партии с.-р. облекли эти уступки в торжественные формы декларативного характера.

Участники Сопещания, шедшие на очень большие для себя компромиссы признанием прав старого У. С., естественно, хотели обеспечить, по крайней мере, то, чтобы собравшиеся остатки У. С. были внушительны по числу народных избранников, и хотели определенных гарантий в этом отношении. В ответ они получили, быть может, принципиально правильную, но схоластическую реплику Гендельмана: «От имени У. С. никто не имеет права говорить, оно одно определяет и кворум и срок». Впрочем, эсеры делали уступки, мотивируя их устами Гендельмана: «...гибель У. С. есть гибель России. Вопрос поставили таким образом, что установление определенного кворума и определенного срока для возобновления работы У. С. делается условием соглашения. Итак, перед нами опасность дальнейшего безвластия, если это условие не будет принято... ввиду тяжелой ответственности, лежащей на нас, от имени партии соц.-рев. я заявляю, что члены У. С., принадлежащие к нашей партии, будут настаивать на признании кворума в 250 чел. и на срок созыва 1 января 1919 г.» [с. 178]. Далее Гендельман пояснил, что 1 февраля Уч. Собр. возобновит свою деятельность при всяком кворуме¹ и, «может быть, ограничится одним назначением перевыборов» [с. 186]. Логически это будет вытекать из позиции партии, но «формально я об этом не уполномочен заявить», — добавлял Гендельман.

на источники, откуда он черпает свои сведения. Надо думать, что здесь имеется в виду выше цитированная резолюция Нац. Совета, вынесенная до возникновения самих споров на Сопещании. (По-видимому, сведения об «ультиматуме» Сырового на Уф. Сов. автор заимствовал от Гутмана. С. 283.) Косвенное давление чехи оказывали на Сопещание, вернее на эсеров. «Чехи, — рассказывает Серебренников, — сторонились нас, представителей Сиб. пр., избегали всякого контакта с нами и в то же время находились в постоянном контакте с эсерами. В течение моего 12-дневного пребывания в Уфе я не имел ни одной беседы с чехословаками» [с. 11].

¹ Партия соглашалась в дальнейшем установить кворум и для февраля — 170 человек.

Так осторожно говорили лидеры партии о возможности ограничения функций будущего У. С.

Прения по вопросу о кворуме и сроке созыва У. С. чрезвычайно показательны. Из них видно, как у лидеров Комуча почти насильно вытягиваются те или иные уступки и как эти лидеры до последнего момента оставляют за собой «свободу действий». Такая постановка не удовлетворяла Собрания. Кроль негодует: «Обязательство выходит одностороннее» [с. 214]. Вслед за ним протестует представитель уральского казачества Шендриков. Он отмечает, между прочим, что, признав старое У. С., казаки вышли за пределы своих полномочий и что отовсюду «уже последовали протесты» [с. 219]. Немедленно «должно быть опубликовано все соглашение целиком. Этого именно не хотели представители партии эсеров. По их мнению, Совещание не могло вообще обсуждать вопросов, связанных с У. С. Тут правомочен только Съезд членов У. С. Для Совещания гарантией служит заявление ЦК¹. Ясно, что эсеры не хотели давать определенного и окончательного ответа до выяснения состава Правительства. Гендельман так и заявил: «Наша воля такова. Когда создается правительство, тогда и скажем о сроках. Обязательств нет, так как нет соглашения в целом» [с. 214].

Я характеризую Совещание грубыми мазками. Мелкие детали иногда вскрывают подоплеку гораздо лучше, чем какие-либо принципиальные споры. С мучительной медленностью рождались решения. Под натиском казаков эсеры согласились созвать немедленно Съезд наличных членов У. С. и внести соответствующую наметившимся решениям Совещания резолюцию.

Съезд вынес требуемое постановление. И понятно, это были те же лица в другом одеянии. Так люди в ответственный момент играли фикциями.

В связи с вопросом о возобновлении деятельности У. С. было предъявлено еще одно требование, оказавшееся в самом ближайшем будущем чреватым послед-

¹ Позже эсеры большинства заявляли, что им не были известны уступки, сделанные от имени партии в согласительной комиссии.

ствиями: все дело подготовки У. С. к 1 января должно было находиться в руках самого У. С., т. е. в руках существующего Съезда членов У. С. Этот Съезд должен функционировать как «государственно-правовой орган», и Правительство, «всемерно содействуя» ему, не должно вмешиваться в его работу. Такая формулировка вызвала недоумение и у Кроля, и у Фомина, и у других [с. 179—182]. Авксентьев пытался убедить оппонентов, что здесь нет ничего страшного: «Это будет официальный орган постольку, поскольку Правительство ему будет помогать». Авксентьев не мог тогда учитывать содержания, которое вкладывали творцы этой идеи в формулу Съезда как «государственно-правового» органа. Тут не было речи об авксентьевском «постольку, поскольку». Гендельман довольно высокомерно обрывает спор: «Меня удивляет этот долгий спор, когда все сказано. Мы сошлись здесь не убеждать третьих лиц, а узнавать волю друг друга. Нами все сказано. Ни изменить, ни прибавить нам нечего»... «Если созыв У. С. будет поручен другому органу, — заявляет он ультимативно, — это для нас неприемлемо» [с. 183—184].

Комиссия вновь уступает требованиям эсеров¹, и тогда фракция партии с.-р. «для того, чтобы облегчить соглашение», «признала возможным отказаться от контрольного органа на время до возобновления работ У. С.». «Эта уступка была сделана в ответ на категорическое заявление Сибирского правительства, что оно «никаких контрольных органов не допускает»...»

Обсуждалась на Совещании и деловая программа Временного правительства. П. Н. Милюков называет ее «довольно умеренной». В сущности, почти без изменений был принят проект, предложенный эсеровской фракцией. Были внесены некоторые смягчения в вопросе о федерации и главным образом о земельном законе. В эсеровском проекте стояло: «В области земельной политики Пр. руководствуется основными положениями за-

¹ Кроль считал необходимым оговорить в протоколе, что этот пункт считает вредным, могущим иметь большие последствия. Он пророчески оказался прав.

кона о земле, принятыми У. С. 5 января, принимая меры к немедленному возобновлению работ земельных учреждений, которые должны до созыва У. С. регулировать трудовое землепользование на началах максимального использования земельной площади и уравнительности, применяясь к бытовым и областным особенностям отдельных местностей» [с. 156]. Фомин («Единство») заявляет, что он «принципиально не разделяет положения о земле, принятого на заседании У. С. 5 января»... «Чтобы этот пункт не вызвал здесь разногласия», предлагает опустить ссылку на закон. То же самое «ультимативно» ставит Кроль, ибо при сохранении этого пункта «ни один кадет не будет в состоянии вступить в Правительство» [с. 204]. Гендельман указывает, что «это можно истолковать определенно, что частная собственность отменена, а земля все же до решения У. С. должна оставаться в руках фактических владельцев». Принимается этот пункт в такой формулировке: «Земля остается в руках ее фактических пользователей, и принимаются меры... к расширению трудового землепользования».

Следовательно, за законом 5 января и эсеры согласились признать лишь характер декларации.

Аналогичные прения возникли и о федерации. 5 января также принят был закон, объявляющий Россию федеративной демократической республикой. Представитель соц.-демократии Кибрик заявляет о непризнании его партией федерации. Кроль также против федерации, но предполагает, что Украина вряд ли присоединится иначе, как при федерации. Этот пункт в изменение закона 5 января был принят в виде предположения, что У. С. даст окончательное установление государственной организации на федеративных началах. Здесь эсеры оказались гораздо более уступчивы, чем в вопросах об организации власти.

* * *

Наконец, Совещание остановилось на персональном составе будущего Правительства. При намечании кандидатов произошел довольно большой разброд. Его

легко было бы избежать, если бы члены «Союза Возрождения» более определенно проводили на Совещании установленную в Москве линию. Все группы, однако, назвали коалиционный состав Правительства, за исключением эсеров, которые выдвинули только партийных кандидатов¹.

Как и в других случаях, основные группы договорились, и 21 сентября ген. Болдырев от имени делегации «С. В.», Сибирского правительства, казачьих организаций и др. выдвинул список, совпадавший с московским. Он дополнялся лишь Вологодским². Этот список в конце концов и был принят. К членам Правительства были намечены персональные заместители: к Авксентьеву — Аргунов, к Астрову — Виноградов (к.-д.), к Болдыреву — Алексеев, к Вологодскому — Сапожников, к Чайковскому — Зензинов. Каждому члену Правительства выбирался свой заместитель: к нар. соц. Чайковскому заместителем попал соц.-рев. Зензинов. Это сразу нарушило равновесие сил в коалиционной Директории, так, по крайней мере, воспринято было это широким общественным мнением³. Так расценивали кандидатуру Зензинова и многие в «левом секторе: «Эсерам... удалось... проскочить сквозь игольное ушко и провести одного из своих партийных людей в состав кандидатов. Но это была все-таки очень слабая компенсация за то огромное поражение, которое они понесли в Уфе» [*Майский*. С. 245].

¹ Социал-демократы ввиду «принципиально отрицательного отношения к Директории» воздержались от участия в обсуждении вопроса о конструкции и персональном составе Вр. пр.

² По отчету невозможно себе представить, как реагировал «левый» сектор на этот список. По словам Майского, ему был противопоставлен другой, где не было Авксентьева и Чайковского, замененных Тимофеевым и Зензиновым. Мы за этим «торгом» следить не будем. Перипетии его не достаточно ясны. Пожалуй, он имеет второстепенное значение.

³ Из пяти членов Правительства — три эсера, таково было мнение не только правых, но некоторых военных кругов, которые и Вологодского причисляли к «агентам партии». См., например, рукописные воспоминания ген. Рябикова в «Рус. Ист. Загр. Архиве» (Прага).

Чайковский был в отсутствии. Членом Директории становился Зензинов.

Соглашение все-таки состоялось, 23 сентября Совещание «одобрило акт об образовании всероссийской верховной власти»¹. Члены Директории принесли «торжественное обещание».

* * *

Уфимское Совещание, несмотря на всю свою торжественность, было в действительности довольно обыденной прозой. Отчет, рисующий облик русской общественности — и в особенности ее «левого» сектора, производит местами гнетущее впечатление. Во всяком случае, ничего радостного в нем нет. Вы не ощущаете в нем того подъема, который необходим людям для того, чтобы творить государственное дело. Но, может быть, в жизни надо, чтобы проза облекалась в лирические и патетические формы.

23 сентября зал «Сибирской гостиницы» был переполнен, везде сияли огни. В соответствии с обстановкой говорилась и заключительная речь председателя Совещания, избранного и временным председателем нового Временного Всероссийского правительства:

«...Если наряду с твердостью, единой волей Правительства будет твердость и единая воля страны, если мы поймем все, что большое и высшее право, которое теперь есть у русского человека, — это есть право пожертвовать собой, пожертвовать всем во имя того великого, единого, целого, которое мы именуем нашей свободной родиной, мы, Врем. прав. России, и вы, избравшие нас и представляющие всенародные массы, мы должны сейчас дать великую, единую клятву: клянемся, братья, клянемся тем, что мы в этих жертвах и в этом единении, в одной воле, в одной стальной воле не остановимся ни перед чем. И если эту великую клятву мы здесь дадим, и если этот великий акт заключили здесь, то я

¹ «Акт» напечатан, между прочим, и в «Архиве» И. В. Гессена [т. XII]. В акт включена целиком и программа, принятая для Директории.

глубоко убежден, что Россия — наша Россия — будет спасена» [с. 255].

Следует запомнить и речь тов. предс. Чехословацкого Нац. Совета д-ра Павлу, которого Совещание приветствовало стоя. Он закончил словами:

«...Если мы имеем некоторую заслугу в создании настоящего момента, если мы тоже что-то создали для великой единой России — это не случайно; это потому, что в каждом из нас имеется ясное сознание, что наша судьба и Ваша судьба — судьба общая, потому что мы, как и Вы, боремся за свободу, потому что мы, как и Вы, боремся за единство. Мы верим и потому боремся, — что без единой и свободной России не будет единой и свободной Польши, не будет единой и свободной Румынии, не будет единой и свободной Югославии. И потому мы здесь все, угнетенные народы Средней Европы, собрались и собираемся для того, чтобы с Вами дальше бороться до тех пор, пока не будет восстановлена свобода нашей родины» [с. 213].

Но все это декорум. Очень мало подходили эти речи к той действительности, которая была налицо. «Вечерний горячий призыв к единению рассеялся в предрасветном тумане. Вражда и рознь открыто ползли из всех щелей. Так начинался первый день Вр. Вс. правительства-Директории» — этими словами закончил главу «Образование Директории» в своих воспоминаниях один из творцов уфимского компромисса ген. Болдырев [с. 53]. Что лучше: худой мир или добрая ссора? Нет на это общего ответа. Уфимский компромисс не мог быть искренним — претенциозны были требования «левого» сектора и слишком много уступок пришлось сделать другому лагерю. «Это соглашение, — подводит итоги Серебренников, — не родилось в атмосфере энтузиазма — оно было вынужденным и поэтому неискренним и таило в себе зародыш будущей борьбы, столкновений и распрей» [«Сиб. Арх.». С. 13]. Создавалась какая-то фикция, которая действительно запутывала еще более сложную политическую обстановку и делала еще болезненнее разрешение назревших конфликтов...

Возражая Кролю, Н. Д. Авксентьев обмолвился: «Нужно думать, что будет с Россией в течение первых трех месяцев» [с. 189]. Роковая ошибка. Через три месяца уже не было Директории.

4. На другой день

Только казалось «в последние часы Сопещения», что решение в Уфе найдено, что «демократия может объединиться в единую силу, что дух борьбы и недоверия отлетел, унесенный пережитым и осозанным общим горем, горем страны, и что мы способны к работе возрождения» [Аргунов. С. 20]. Решение в Уфе не было найдено.

Внешне победила тактика Авксентьева¹ и «умная диалектика» Гендельмана. Победили эсеры — утверждает Серебренников в противоположность Майскому: «Сибиряки и примыкающие к ним группы пошли на большой принципиальный компромисс, вырвав у противников некоторые уступки неприципиального свойства» [с. 13]. 28 сентября на Съезде членов У. С. Гендельман говорил: «Для нашей партии сегодняшний день — великая награда за борьбу в деле освобождения России... Сегодня перед нами разгорается заря, когда мы уверены, что близок день возобновления работы возрождающегося У. С. 1 января возобновится великое наше Учредительное Собрание» [«Сибирь», № 63]. Речь Авксентьева на Съезде такая же апологетика — это апофеоз тому Учред. Собранию, к ногам которого сложить свои полномочия члены Правительства считают своей «священной обязанностью».

Видел «победу демократии» и Зензинов. «В Уфе, — говорил он в беседе с сотрудниками газет, — мы сказали, что не уедем, не создав государственной власти. Обещание исполнили. В состав Правительства нам не удалось провести всех, кого мы считали необходимым иметь для данного времени. Но одержали победу в признании прав данного У. С.» [«Сибирь», № 64].

¹ За что Утгоф и назвал его великим мастером на компромиссные решения и изобретателем «бумажных гарантий».

В действительности не все были настроены так оптимистически. Не все видели в достижениях Уфимского Совещания победу демократии¹. В книге Майского приведена лента разговора по прямому проводу автора воспоминаний с самарским министром ин. дел Веденяпиным. Разговор относится к тому самому моменту, когда рождалось Всер. Вр. пр.

М а й с к и й. Сейчас только закончилось заседание Совета управляющих ведомствами по вопросу о формировании Директории. Совет поручил мне передать Комитету членов Учредит. Собрания следующее: Совет сильно разочарован составом Директории, однако полагает, что задача демократии — твердо отстаивать свои позиции до последней возможности. Если мы потерпели поражение в вопросе о составе Директории, то должны постараться взять реванш на другой позиции, именно на составе делового кабинета...

В е д е н я п и н. Думаю, что достигнуть чего-либо невозможно. Ваши пожелания будут переданы, и по мере сил наши товарищи будут их отстаивать. Врем. правит. уже существует и сейчас приняло присягу...

Формирование делового кабинета теперь зависит от Врем. прав., и мы можем влиять на его состав только частным образом, что мы и будем делать.

М а й с к и й. Итак, поздравляю вас с рождением всер. власти. Не думал, что придется встречать это событие с такими смешанными чувствами. Что день грядущий нам готовит?

В е д е н я п и н. Извещаю вас о смерти Комитета. Это наше общее настроение [с. 241—243].

Пессимизм членов Комитета У. С. объясняется, конечно, отчасти подавленным настроением в связи с событиями на Волжском фронте: «Рушилось здание, над возведением которого соц.-рев. и меньшевики четыре месяца работали с таким увлечением и надеждами, и никто не мог указать какого-нибудь средства спасения» [Майский. С. 259]. После разгрома Самары у соц.-рев. явилось сожаление в “ненужной жертве”, — признает Авксентьев в том письме товарищам на Юг, которое

¹ «Потеряв голову, по волосам не плачут», — запечатлел на листе уфимских автографов с.-р. Лошмаков.

напечатано в «Пролет. Революции». На первых же порах слева началось: «постольку, поскольку и даже хуже». «Слева» — это то крыло партии с.-р., которое продолжало своим лидером считать Чернова. Достаточно символическую картину как бы фотографирует письмо Авксентьева. В Самаре происходит концерт-митинг по поводу образования демократической всероссийской власти. Всеобщее ликование. Весь партер в театре стоит. Сидит лишь один. Крики: «Встать!» Раздаются угрозы. «С кислой улыбкой», «нехотя» встает прославленный бывший — «селянский министр». Он не сочувствует Уфимскому Соглашению, потому что «сделано не им и не для него» (квалификация Авксентьева). Пустой инцидент, но действительно он «эмблематичен»! «Можно себе представить, каково было действие, когда он оказался на самом Съезде У. С.»... Нужно запомнить хорошо эти слова Н. Д. Авксентьева: они будут необходимы при оценке последующих событий.

С самого начала Чернов, не бывший или не допущенный на Уфимское Совещание, «занял резко отрицательное отношение к соглашению с буржуазией», требовал разрыва соглашения и объявления Комуча всероссийской властью [*Утгоф*. С. 41]. Чернов, по его собственным словам, может только гордиться этим¹ и сожалеть, что его предостерегающий голос мог прозвучать лишь запоздалым «гласом вопиющего в пустыне». В то время дело не ограничилось сожалением, была сделана попытка исправить ошибку, допущенную в Уфе, и найти средство так или иначе аннулировать «акт», под которым была и подпись ЦК партии. Святицкий — единственный пока рассказавший, что делалось в эти дни за кулисами партии, — утверждает, что Соглашение в Уфе было фактически подписано от имени партии меньшинством ЦК. В Уфе было 7 цекистов, из них трое были

¹ В статье «Историк или истерик», помещенной в «Воле России» и представляющей собой ответ на мой фельетон «Кто он?» [*«Посл. Нов.»*], Чернов сам заявляет: «Я действительно, прибыв в Самару и узнав, с кем и какого рода заключается компромисс, — по прямому проводу заклинал цекистов, находящихся в Уфе, не губить партию и демократию».

против Соглашения, четверо «за». Следовательно, санкция была дана большинством одного голоса, но «если к голосам уфимских цекистов присоединить голоса цекистов, бывших в Самаре¹, то соотношение было бы совсем иное: за Соглашение 4, против 6. Уфимские товарищи не приняли во внимание голоса самарских цекистов, и воля ЦК была, таким образом, явно извращена» [с. 59]. Как только закончилось Государственное Собрание, все цекисты выехали в Самару, чтобы устроить пленарное заседание и обсудить «создавшееся, крайне тяжелое для партии положение». На этом пленуме победила, конечно, точка зрения Чернова, и в результате ЦК 11 октября вынес ту самую резолюцию, которой суждено было сыграть на Востоке большую политическую роль. «Центральный Комитет не мог, разумеется, аннулировать свои же уфимские постановления, — отмечает мотивы Святицкий. — Не мог он также и не признать новообразованную Директорию, ибо такое непризнание *post factum* породило бы резкий раскол в среде самой демократии и бросило бы еще несоорганизованную левую часть демократии в открытую борьбу с реакцией, которая к тому же стала бы действовать под прикрытием правых демократических кругов. Поэтому Центр. Комитет ограничился, с одной стороны, резкой критикой — «невыдержанной», «колеблющейся» и «не соответствующей решениям съезда и Совета партии» линии поведения фракции эсеров на Уфимском Собрании, а с другой стороны, обратился ко всей демократии с горячим призывом мобилизовать все свои силы, чтобы отвратить грядущее нападение реакции на демократию. Центральный Комитет не призывал свергать Директорию, но он исходил из того взгляда, что Директория — учреждение мертворожденное, что события могут пойти мимо нее, что вопрос об Учредительном Собр. нельзя считать разрешенным Уфимским Соглашением» [с. 60].

Отныне эсеровская иркутская газета «Дело» назовет Уфимское Собрание — «Вальпургиевой Ночью»... Предзнаменование не очень хорошее!

¹ Ракитников, Раков, Чернов.

«Фальшивость» уфимского компромисса, когда одни надеялись, что У. С. не соберется¹, а другие думали обратиться в постоянно действующий орган Съезд членов У. С.², побудила многих представителей другой договаривавшейся стороны отвергнуть Соглашение. К ним прежде всего принадлежал избранный в число членов Директории Н. И. Астров. В екатеринодарской газете «Великая Россия» [№ 72, 13/25 ноября] появилась беседа Астрова, в которой член Директории заявлял о своем отказе вступить в новое правительственное образование. Он отмечал прежде всего изменение «московской схемы московского соглашения». Изменение это он видел в «попытках возвращения к жизни старого У. С.».

...«Отстаивая лично идею Учр. Собр. как верховного полновластного органа, имеющего в конечном результате установить форму государственного устройства России, я с тем большей решительностью отвергаю всякую мысль о возможности вступления в Правительство, которое ставит себя в зависимость от старого, уже не существующего Учр. Соб.

Этим решается вопрос о принятии мною избрания в состав Врем. правит., образованного Уфимским Совещанием, и заявляю, что в состав Директории, ставящей себя в зависимость от старого Учред. Соб., я не вступаю.

Не желая отрываться от действительности, я не могу также не признать, что в настоящее время коренным образом переменялась вся политическая обстановка, которая не дает основания считать, что уфим. образование может почитаться всероссийской властью. При современных условиях это лишь одно из образований на трудном и долгом пути собирания России, это лишь часть сложного процесса образования общегосударственной и всероссийской власти. В этом процессе

¹ «Сибиряки надеялись, — пишет Серебренников, — что нужного количества членов У. С. к 1 января не наберется и что за 5 месяцев много может утечь воды» [с. 13].

² На торжественном заседании Съезда 26 сентября была устроена даже своего рода демонстрация, хотя Съезд юридически уже не являлся органом законодательной власти, тем не менее Совет упр. вед. решил в полном составе явиться на первое заседание Съезда, желая этим демонстративно подчеркнуть, что он по-прежнему считает себя политически ответственным только перед У. С.» [Майский. С. 261].

неизбежны перегруппировки, перестроение и даже коренные изменения самих основ и конструкций власти. Это совершенно неизбежно, в особенности если принять во внимание, что в образовании этой власти не участвовали области, оторванные от Северо-Востока.

Вместе с тем я со всею решительностью утверждаю, что с этим Правительством, объединившим Северо-Восточную часть России, необходимо установить соглашение для достижения общих целей и задач, стоявших перед Россией».

«На Уфимском Совещании фактически отсутствовали представители «Национального Центра», и только в силу этого могло быть принято реально неосуществимое решение», — утверждал Белоруссов в своем екатеринбургском докладе... В нем подчеркивалось, что ген. Алексеев, считающий необходимым установление единоличной власти, еще летом заявил московским общественным организациям, что он ни в какую коллегию не войдет [«Приур. Вест.»]. Мы знаем, однако, из сообщения А. И. Деникина, что Алексеев готов был вступить в Директорию при наличии определенных условий. Их не было в обстановке, при которой родилась новая власть. Конечно, «Юг», который Болдырев обвиняет в излишних «претензиях» [с. 30], встретил Директорию «без энтузиазма»; Деникину казалась «политически несообразной» ответственность коалиционного Правительства перед «эсеровским собранием». И не могла южан удовлетворить позиция, которая развивалась в полученном Алексеевым от Болдырева письме [30 сентября]: «Мы исходили из того убеждения: если новая власть укрепитя за период безответственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желание идти против такой власти. И тогда будущее покажет дальнейший ход государственной жизни России. Если же этой власти не удастся справиться с теми исключительными по трудности условиями работы, тогда становится безразличным — будет ли она безответственной или нет» [Деникин. III, с. 258].

Создание Директории, как это ни странно, возродило к жизни и идею диктатуры, которая была противопоставлена идее Учред. Собрания 1917 г. На собрании омских кадетов В. Н. Пепеляев характеризовал Уфимское

Совещание как «победу антигосударственных элементов», и принятая резолюция, высказываясь за «единоличную диктатуру», выдвигала как очередную задачу партии к.-д., содействие «освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов» (завоевания февральской революции, вся власть У. Собр. и т. д.), каковые являются в данных условиях пагубными фикциями, самообманом и обманом» [«Сибирь», 24 окт., № 81]. Отношение свое к Вр. Всерос. пр. омский Комитет партии определял, как и самарские эсеры, по лозунгу «постольку, поскольку» — к.-д. ставили его в зависимость от «дальнейшего движения» Правительства «по пути государственности». В Уфе, по инициативе Белоруссова и других, 17 октября открылся как бы филиал московского «Национального Центра» под наименованием «Всероссийского Национального Союза» — в него вошли, помимо Белоруссова¹, Б. В. Савинков, несколько членов савинковской организации «Союза Защиты Родины и Свободы» и даже представители группы «Единство». Декларация Национального Союза, позже полностью опубликованная в «Отеч. Ведом.» [№ 13], подчеркивая значение Добровольческой армии, звала к объединению для национального и государственного возрождения. Признавая «нормальным волеизъявлением нации» вотум народного собрания, составленного из лиц, «обладающих по своему возрасту и жизненному опыту достаточными данными для участия в государственных делах», декларация объявляла «диктатуру» наиболее отвечающей в данный момент «формой организации власти», твердой и авторитетной, необходимой для «объединения и упорядочения России».

Итак, почти на другой день после торжественного акта создания всероссийской коалиционной и коллегиальной власти раздалась голоса, с одной стороны, о единоличной диктатуре, с другой — о разрыве всяких коалиционных соглашений... Но это уже новая глава в истории гражданской войны на Восточном фронте. Новый этап, выдвинувший, в конце концов, на авансцену адм. Колчака в роли Верховного Всероссийского Правителя.

¹ Для Белоруссова Уф. Совещ. было также равнением налево [«Отеч. Вед.»].

5. Последние дни Самары

Еще несколько слов о Самаре, чтобы не возвращаться к ее концу. Она переживала период медленной агонии. 14 сентября пала Казань, хотя только еще 9 сентября власть объявила, что Казань сдана не будет. Большевицкие войска приближались к столице Комуча. Майский в чрезмерно минорных тонах рассказывает о настроениях, царивших среди членов Совета упр. вед., явившихся в Самару «совершенно убитыми». Вера окончательно «рухнула». «На будущее больше никто не надеялся. Настроение стало предсмертным, и решения Правительства все чаще и чаще начали диктоваться стремлением «как-нибудь доиграть игру» [с. 263]. «Нисколько не удивительно поэтому, — продолжает Майский, — что в заседании Совета управляющих 29 сентября, по инициативе самого Вольского, был поставлен вопрос о ликвидации Комитета членов У. С.». Это было единогласно¹ признано необходимым. Сохранялся только Совет упр. ведомствами как орган областной власти на территории Комуча. Через два дня Комитет пошел дальше и послал Директории мотивированную декларацию с предложением управление территорией Комуча осуществлять непосредственно Вс. Вр. правительством через назначаемое им особо уполномоченное лицо. «Итак, генерал-губернатор вместо демократического органа областной власти. Куда же дальше идти?» — восклицает Майский. Автор не понимает или делает вид, что не понимает. Самороспуск Комуча был простым тактическим шагом. Вместо него выдвигался Съезд членов У. С. со всероссийским значением; областным же Самарским правительством эсеры мало интересовались. Вольский пробовал в Уфе предложить Самару как резиденцию Директории. Но это было отклонено. Самара становилась провинцией, находившейся под ближайшим ударом наступавших большевиков.

1 октября началась эвакуация Самары. Как всегда, план эвакуации что-то срывает. Происходят безобразные сце-

¹ Следовательно, и Майского, который в воспоминаниях подобный шаг считает ошибкой.

ны. Эвакуируются все наличные боевые силы. Идет запись добровольцев. В кавалерийском отряде Фортунатова появляются две амазонки из состава партийной боевой дружины. В Самаре остается Чернов, решающий принять участие в боях и уйти только с последним отрядом» [*Святыцкий*. С. 40].

Описание последнего дня Самары бывший министр труда Самарского правительства заканчивает сочной картиной:

«Мы вошли в зал, где обыкновенно происходили заседания Правительства, и невольно остановились в недоумении.

Посередине зала стоял небольшой стол. За столом сидел Вольский и еще несколько эсеров. На столе стояли бутылки и рюмки, виднелись селедка, хлеб и еще какие-то закуски. Лица у всех были красные и возбужденные. При нашем появлении Вольский поднялся с места и, держа в руке наполненную рюмку, демонстративно громко крикнул:

— Пью за мертвую Самару! Вы разве не слышите, что она уже смердит?

Он залпом опорожнил рюмку, швырнул ее на пол так, что во все стороны полетали осколки и затем с каким-то надорванным хохотом опустил на стул.

Нам стало невольно не по себе. Мы повернулись и поспешили уйти, но до самого выхода нас преследовали жутко трагические звуки:

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Это Вольский смеялся над гибелью комитетской Самары... [с. 276—277].

Психология людская извилиста. Переживания Вольского возможно понять. Для Вольского крушилась власть, во главе которой он стоял...

Совершилось, в сущности, неизбежное. И это совершившееся должно было направить мысль в другое русло. Куда? Ракитников утверждал в «Деле Народа» [№ 2, 5 октября], что эсеры «бескорыстно поддерживали Директорию». Это, во всяком случае, неверно по отношению к той группе, мнение которой представлял Ракитников. Они не шли по пути поддержки всероссийской демократической власти. Оправившись от самарского разгрома и получив преобладающее влияние в центральных органах

партии, левое крыло с.-р. пыталось уже не декларативно, а реально разрушить Уфимское Соглашение и захватить власть от имени Съезда членов У. С.

Этого им не удалось. Тогда единомышленники Вольского перешли советский Рубикон.